СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редакции
В.М. Корякин. Что происходит с денежным довольствием военнослужащих? 2

Правовая страница командира
Д.Е. Зайков. Правовой институт конфликта интересов: специфика применения к работникам военных организаций 5
Р.А. Трощенко. Вновь к вопросу о досрочном увольнении военнослужащих в связи с невыполнением ими условий контракта 12

Социальная защита военнослужащих
Т.В. Ломакина. Актуальные вопросы назначения страховой пенсии по старости военным пенсионерам 21

Жилищное право
Д.Ю. Гайдин. Комментарии к новеллам жилищного обеспечения военнослужащих 27
Е.А. Глухов, А.Е. Шныров. О проблемах в организации межведомственного взаимодействия в сфере жилищного обеспечения военнослужащих и необходимости их решения 35
А.В. Федорович. О новом законодательстве, позволяющем увольнять военнослужащих без жилья 47

Дела судебные
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1395-О 52
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1338-О 53
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1302-О 56
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1301-О 58
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1269-О 60
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1268-О 62
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 23-ПРП 64
Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 1202-О 65

Рыночная экономика и воинская часть
Е.А. Свининых. Односторонний отказ государственного заказчика от исполнения контракта как средство противодействия коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства 67
П.В. Кириллов. Существенные условия контракта на выполнение подрядных работ 74

Юридическая помощь военному комиссару
А.В. Ефремов. О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу в связи с получением гражданином среднего профессионального образования 83

Военно-уголовное право
Я.Н. Ермолович. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих 88
С.Ф. Дубровский. Особенности исполнения в отношении военнослужащих уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества 98
А.В. Баженов. Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение порядка сбережения военного имущества: актуальные вопросы теории и практики 103
А.И. Подберезкин, Н.Е. Степаненко. Проблемные вопросы уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьей 333 Уголовного кодекса Российской Федерации 107

Точка зрения
Е.Г. Воробьев. О коллективных формах защиты прав и законных интересов военнослужащих: в продолжение темы, поднятой на страницах журнала 112
К.А. Чуклинов. Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогообложении военнослужащих 118

Сведения об авторах и рецензентах, аннотации и библиографические списки 124

Научно-практический журнал «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение» № 1 (223) январь 2016 г.

Издается с июля 1997 г.

Главный редактор
А.В. Кудашкин

Редакторы:
А.Н. Болонин, А.Л. Горбачев

Редакционная коллегия:
В.К. Белов, П.И. Гаврюшенко, К.В. Симоновский, И.В. Крейс, И.П. Машин, Е.А. Моргуленко, С.В. Терешкович, А.И. Тюрин, К.В. Фатеев, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов

Консультант и ответственный редактор номера
С.В. Терешкович

Выпускающий редактор
О.А. Тюрина
Компьютерная верстка
А.Б. Зулькарнаев, С.В. Ященко

Издание зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1576 от 30 января 2000 г.

Учредитель и издатель:
Общественное движение «За права военнослужащих»

Адрес редакции и издателя:
117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 40
тел.: (495) 334-98-04;
тел./факс: (495)334-92-65

Адрес в Интернете:
http://www.voennoepravo.ru
E-mail: pvs1997@mail.ru

Прием корреспонденции по адресу:
117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 40, «За права военнослужащих», Грековой Е.А.

Подписной индекс по каталогу «Роспечать» - 72527

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
Московская обл., г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2
Подписано в печать 20.12.2015
Заказ №
Усл. печ. л. 8,0
Тираж 1300 экз .
Выходит ежемесячно, распространяется только по подписке, цена свободная
© «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»

Материалы, опубликованные в журнале, могут быть использованы в других изданиях только с разрешения редакции. Редакция консультаций по телефону не дает, переписку с читателями не ведет.

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ДЕНЕЖНЫМ ДОВОЛЬСТВИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ?

В.М. Корякин, доктор юридических наук, профессор Военного университета, заместитель директора Юридического института Московского государственного университета путей сообщения

По своей сути денежное довольствие является формой реализации конституционного права военнослужащих на получение вознаграждения за свой труд (ст. 37 Конституции Российской Федерации). Право на труд военнослужащие реализуют посредством прохождения военной службы (п. 1 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ). Право военнослужащих на получение вознаграждения за свой труд в полной мере соответствует требованиям ч. 3 ст. 23 Всеобщей декларации прав человека, в которой провозглашается, что каждый имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение за свой труд, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и членов его семьи и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения.

В связи с изложенным совершенствование системы денежного довольствия военнослужащих – одна из центральных проблем современной военно-социальной политики. Это обусловлено тем, что денежное довольствие, являясь основным видом материального обеспечения военнослужащих, выступает главным фактором, определяющим уровень жизни их семей. Денежное довольствие, с одной стороны, служит сугубо утилитарной цели – обеспечить военнослужащим и их семьям необходимые средства к существованию, является основным источником удовлетворения материальных потребностей военнослужащих и их семей, а с другой – служит средством стимулирования добросовестного воинского труда, который связан со значительными трудностями, тяготами и лишениями.

Осознавая данное обстоятельство, в конце 2011 г. руководство нашего государства предприняло беспрецедентные меры по законодательному регулированию денежного довольствия военнослужащих: с 1 января 2012 г. вступил в силу Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ. Впервые в отечественной истории принят специальный законодательный акт, который устанавливает денежное довольствие военнослужащих и отдельные выплаты военнослужащим с учетом занимаемых воинских должностей, присвоенных воинских званий, общей продолжительности военной службы, выполняемых задач, а также условий и порядка прохождения ими военной службы[1].

Одновременно с даты вступления в силу названного Закона весьма существенно (в среднем в 3 – 4 раза) были повышены размеры окладов по воинским должностям и воинским званиям. Впервые за многие годы миллионы российских военнослужащих и военных пенсионеров почувствовали реальную, адекватную, а не декларируемую на словах оценку их воинского труда. При

[1] До принятия данного Закона вопросы денежного довольствия военнослужащих регулировались ст.ст. 12 и 13 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

этом весьма позитивно была воспринята предусмотренная ч. 9 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ норма, содержащая очень важную меру по предупреждению обесценивания денежных средств, получаемых военнослужащим в качестве денежного довольствия. Данной нормой предусмотрено осуществление ежегодной индексации (увеличения) окладов по воинским должностям и окладов по воинским званиям с учетом уровня инфляции (потребительских цен). Решения об увеличении (индексации) размеров окладов денежного содержания военнослужащих должны приниматься Правительством Российской Федерации.

Однако последующие годы не оправдали надежд военнослужащих на стабилизацию их социального положения, поскольку рассматриваемая норма так и не была ни разу реализована. Вот уже пятый год подряд на законодательном уровне принимаются решения о приостановлении действия данной нормы. В результате потребительские цены растут, стоимость жизни (прожиточный минимум) увеличивается, уровень жизни военнослужащих неуклонно падает.

В Стратегии социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденной решением Коллегии Министерства обороны Российской Федерации от 28 марта 2008 г., констатировалось, что размеры денежного довольствия военнослужащих и тенденции их изменения обусловливают усиление социальной напряженности, снижение мотивации к военной службе, отток кадров. Средние темпы роста денежных доходов семей военнослужащих в 1,2 раза ниже, а доля семей военнослужащих, имеющих денежные доходы на одного члена семьи ниже прожиточного минимума, в 1,6 раза выше, чем в целом по Российской Федерации[2]. Невыполнение законодательных положений о ежегодной индексации размеров денежного довольствия ведет к тому, что социальное положение военнослужащих имеет устойчивую тенденцию возврата к уровню 2008 г.

Для того чтобы представить, в каких размерах снизится жизненный уровень семей военнослужащих, обратимся к официальным данным, характеризующим уровень инфляции в нашей стране. Ее уровень, как известно, определяется федеральными законами о федеральном бюджете на очередной финансовый год, и за последние пять лет характеризуется следующими данными (см. таблицу 1):

Таблица 1

Уровень инфляции в Российской Федерации в 2012 – 2016 гг.

Год	Уровень инфляции	Федеральный закон
2012	6,0 процента	Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 371-ФЗ
2013	5,5 процента	Федеральный закон от 1 декабря 2012 г. № 216-ФЗ
2014	5,0 процента	Федеральный закон от 2 декабря 2013 г. № 349-ФЗ
2015	12,2 процента	Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 384-ФЗ
2016	6,4 процента	Проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2016 год»

[2] *Корякин В.М., Певень Л.В.* Стратегия социального развития Вооруженных Сил России – путь к качественному изменению военно-гражданских отношений // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 1.

Если указанные в таблице проценты инфляции перевести в денежную форму применительно к размерам окладов денежного довольствия военнослужащих, то объемы снижения жизненного уровня военнослужащих за 2013 – 2016 гг. можно представить еще более наглядно (см. таблицу 2).

Таблица 2

Размеры предусмотренного Федеральным законом от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ, но не реализованного повышения окладов денежного довольствия военнослужащих в 2013 – 2016 гг.

№ п/п	Воинское звание / должность	Размеры окладов (в руб.)				
		Действ. размер	Не реализованные размеры			
		2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Оклады в соответствии с воинским званием						
1	Рядовой	5 000	5 280	5 544	6 220	6 618
2	Старший лейтенант	10 500	11 077	11 631	13 050	13 885
3	Майор	11 500	12 132	12 739	14 293	15 208
4	Полковник	13 000	13 715	14 401	15 158	16 128
Должностные оклады						
1	Стрелок (1-й т. р.)	10 000	10 550	11 077	12 428	13 223
2	Командир взвода (10-й т. р.)	20 000	21 100	22 155	24 858	26 449
3	Зам. командира батальона (17-й т. р.)	23 000	24 265	25 478	28 586	30 415
4	Командир полка (23-й т. р.)	26 500	27 957	29 355	32 936	35 044

Из приведенной таблицы наглядно видно, что, например, старший лейтенант, командир взвода в 2016 г. будет ежемесячно недополучать 9 834 руб., а с учетом надбавок, исчисляемых из окладов денежного довольствия, – не менее 13 000 руб.; в свою очередь, заместитель командира батальона в воинском звании «майор» ежемесячно недополучит в 2016 г. 11 113 руб., а с учетом надбавок – до 15 000 руб.

Вместе с тем, как нам уже приходилось писать[3], далеко не только финансовыми потерями можно оценить негативные последствия замораживания роста денежного довольствия военнослужащих. Не менее, а, может, даже и более серьезным последствием можно считать моральные потери: год от года подрывается уверенность военнослужащих в завтрашнем дне, стабильность правового регулирования их материального обеспечения. На фоне существенного увеличения интенсивности боевой подготовки, роста военных, в том числе террористических, угроз России складывающаяся ситуация с оплатой воинского труда все больше становится явно нетерпимой. Справедливо высокая оценка роли современных Вооруженных Сил нашей страны в поддержании мира и безопасности, данная Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации[4], непременно должна сопровождаться адекватным денежным эквивалентом.

[3] *Корякин В.М.* Обещанного три года ждут (о некоторых последствиях приостановления ежегодной индексации денежного довольствия военнослужащих) // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 2.

[4] *Тихонов А.* Ради защиты России: действия Вооруженных Сил Российской Федерации получили высокую оценку главы государства // Красная звезда, 2015, 18 нояб.

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ К РАБОТНИКАМ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Д.Е. Зайков, кандидат юридических наук

Конфликт интересов – один из ключевых институтов законодательства о противодействии коррупции, который лежит в основе понимания и квалификации коррупционных действий, от которого во многом зависит эффективность антикоррупционной деятельности.

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления обязанности лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и принимать меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов» от 5 октября 2015 г. № 285-ФЗ (далее – Закон № 285-ФЗ) в антикоррупционное законодательство внесены изменения в части совершенствования правового регулирования конфликта интересов. Данные изменения были продиктованы актуальной потребностью правоприменительной практики в универсализации института конфликта интересов, упрощении процедуры установления наличия конфликта интересов и разрешении ряда правовых коллизий, связанных с реализацией соответствующих положений законодательства о противодействии коррупции[1].

Так, понятия конфликта интересов и личной заинтересованности, приведенные ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (далее – Закон о противодействии коррупции), изложены в новой редакции[2]:

– *конфликт интересов* – ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов (далее – должностное лицо), влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий);

– *личная заинтересованность* – возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) должностным лицом и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями,

[1] См., напр.: *Зайков Д.Е.* Противодействие коррупции: правила новые, проблемы старые?! // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 1. С. 7 – 9; *Его же.* Противодействие коррупции: несовершенство правового регулирования и правоприменительной практики / / Там же. № 2. С. 4 – 5; *Бараненков В.В.* Конфликт интересов на военной службе: сущность и проблемы квалификации // Там же. 2015. № 6. С. 10 – 12.

[2] Законодатель в целях универсализации указанных правовых институтов использовал в различных нормативных правовых актах отсылочные нормы к чч. 1 и 2 ст. 10 Закона о противодействии коррупции.

супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми должностное лицо и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Кроме того, законодатель в Законе № 285-ФЗ попытался решить одну из проблем правового регулирования противодействия коррупции – дать определение конфликту интересов и личной заинтересованности в трудовых отношениях. Однако сделать ему это не удалось.

Так, в силу ст. 5 Закона № 285-ФЗ чч. 2 и 3 ст. 349.1 Трудового кодекса Российской Федерации, вводившие определение личной заинтересованности и конфликта интересов соответственно применительно к трудовым отношениям с участием работников государственных корпораций и государственных компаний, были изложены в новых редакциях, в соответствии с которыми для целей Трудового кодекса Российской Федерации должны использоваться понятия «личная заинтересованность» и «конфликт интересов», установленные законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции.

Указание в рассматриваемых нормах права на источник искомых определений является неопределенным, ведь законодательство Российской Федерации о противодействии коррупции не исчерпывается только Законом о противодействии коррупции. Непонятно, почему законодатель в указанных положениях просто не сослался на чч. 1 и 2 ст. 10 Закона о противодействии коррупции (как это было сделано в отношении иных нормативных правовых актов[3]), что позволило бы исключить имеющуюся неопределенность.

Также вызывает сомнение правильность технического решения законодателя о закреплении дефиниций «личная заинтересованность» и «конфликт интересов» именно в ст. 349.1 Трудового кодекса Российской Федерации, имеющей строго целевую направленность[4]. При этом изложение анализируемых норм[5] позволяет сделать вывод о том, что они подлежат применению к трудовым отношениям без каких-либо ограничений по субъектному признаку.

Данная проблема отсутствовала бы в принципе, если бы соответствующие изменения Закон № 285-ФЗ внес в ст. 349.2 Трудового кодекса Российской Федерации.

Следующее нововведение, привнесенное Законом № 285-ФЗ: ст. 11.1 Закона о противодействии коррупции дополнена обязанностью сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

Исходя из буквального толкования указанной нормы права она распространяется и на работников военных организаций[6] (далее – работники), однако такой вывод представляется преждевременным.

Согласно ст. 12.2 Закона о противодействии коррупции если иное не установлено нормативными правовыми актами Российской Федерации, на работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные для федеральных государственных служащих, проходящих службу в соответствующих федеральных государственных органах, в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами федеральных государственных органов.

[3] См., например: ч. 1 ст. 19 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

[4] Статья 349.1 «Особенности регулирования труда работников государственных корпораций, государственных компаний».

[5] Части 2 и 3 ст. 349.1 Трудового кодекса Российской Федерации содержат указание на то, что они подлежат применению для целей Трудового кодекса Российской Федерации.

[6] Работники организаций, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации и созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации.

Вместе с тем, согласно ст. 349.2 Трудового кодекса Российской Федерации на работников организаций, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, в случаях и порядке, которые установлены Правительством Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Законом о противодействии коррупции и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции.

Постановлением Правительства Российской Федерации «О распространении на отдельные категории граждан ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции» от 5 июля 2013 г. № 568 (далее – Постановление Правительства Российской Федерации № 568) не предусмотрена обязанность работников сообщать о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

Таким образом, до внесения соответствующих изменений в Постановление Правительства Российской Федерации № 568 указанная обязанность в отношении работников применению не подлежит.

Необходимо указать и на то, что законодателем даже не сделана попытка разрешить проблему соотношения «общего» и «профессионального» конфликтов интересов[7], а также определить надлежащую дефиницию «профессионального» конфликта интересов, в том числе личной заинтересованности[8]. Это свидетельствует об отсутствии у законодателя единой стратегии, направленной на совершенствование правового института конфликта интересов и охватывающей все его необходимые аспекты.

Изложенное позволяет прийти к вывод о том, что проблемы реализации ряда положений антикоррупционного законодательства применительно к работникам не нашли своего решения и в связи с принятием Закона № 285-ФЗ.

Актуальным вопросом в свете рассматриваемой проблематики является порядок реализации работниками обязанности, предусмотренной абз. 5 подп. «в» п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации № 568, – уведомлять работодателя (его представителя) и своего непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно, в письменной форме.

В соответствии со ст. 11.1 Закона о противодействии коррупции приказом Министра обороны Российской Федерации от 26 февраля 2015 г. № 108 утвержден Порядок уведомления работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, о фактах обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений и принятия мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов (далее – Порядок).

Указанный правовой акт, к сожалению, продолжает устойчивую традицию Министерства обороны Российской Федерации регламентировать отношения по противодействию коррупции с участием работни-

[7] Выделение законодателем «профессиональных» конфликтов интересов преследует цель установить особые правила взаимоотношений между профессиональным субъектом и лицом, пользующимся его услугами, учитывающие особенности соответствующих сфер деятельности и позволяющие исключить или создать условия для недопущения ненадлежащего исполнения первым его профессиональных обязанностей в связи с появлением какой-либо личной заинтересованности, противоречащей интересам второго (см. подробнее: Зайков Д.Е. Специфика правового института конфликта интересов в трудовых отношениях // Гражданин и право. 2014. № 12. С. 62).

[8] См. примеры дефиниций «профессионального» конфликта интересов: ч. 1 ст. 75 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ, п. 33 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.

ков на низком юридико-техническом уровне[9].

Первый вопрос, который возникает при изучении Порядка: зачем нужно было в одном документе устанавливать правовое регулирование двух самостоятельных процедур:

– уведомление работодателя работниками о фактах обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений;

– уведомление работодателя работниками о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения[10].

Подобное стремление разработчиков Порядка вполне понятно – уменьшить организационные и технические издержки, объединив в одном приказе Министра обороны Российской Федерации регулирование сходных отношений[11]. Однако низкое качество исполнения подобного благого замысла свело на нет предполагаемый эффект такого решения[12].

Так, вызывает недоумение используемая Порядком терминология.

Становится непонятно, какую же все-таки процедуру определил Порядок: уведомление работодателя работниками о фактах принятия мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов либо уведомление работодателя работниками о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения?

Внутренние противоречия Порядка однозначного ответа на данный вопрос не дают, хотя анализ содержания указанного документа заставляет остановиться на втором варианте[13].

Следующая терминологическая проблема Порядка – использование терминов неизвестного содержания.

Так, в Порядке документ, посредством которого осуществляется соответствующее информирование работником работодателя (военной организации), именует уведомлением[14]. Однако в п. 7 Порядка появляется указание на документы, содержание которых неизвестно: «заявление» и «заявление для регистрации». Что же это? Логика подсказывает, что это то же уведомление, но почему-то указанное в Порядке под другим наименованием.

Не меньше вопросов вызывает и абз. 2 п. 7 Порядка: «В случае поступления заявления для регистрации по почте заверение подписью работника, представившего заявление, не требуется…». О чем вообще здесь идет речь? О каком заверении и чего?

Можно предположить, что данная норма в указанном случае исключает необходимость наличия подписи работника, подавшего уведомление, в Журнале регистрации уведомлений о факте обращения в целях склонения работника к совершению коррупционных правонарушений и о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения (далее – Журнал). Однако неужели это положение нельзя было изложить просто и понятно? Кроме того, приведенная в Порядке форма

[9] См., напр.: *Зайков Д.Е.* О качестве проектов нормативных правовых актов по противодействию коррупции // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 10. С. 119 – 125; *Его же.* Проблемы правового регулирования противодействия коррупции с участием работников военных организаций // Там же. 2015. №. 7. С. 118 – 123.

[10] Данный вариант наименования процедуры приведен в соответствии с подп. «б» п. 2 и п. 4 Порядка. При этом наименование Порядка и абз. 1 п. 1 Порядка говорят о другой процедуре – уведомление работодателя работниками о фактах принятия мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов.

[11] Особенно негативно следует оценить рекомендуемые Порядком образцы используемых документов, подлежащих применению одновременно к различным процедурам.

[12] Подобный подход был применен в приказе Управления делами Президента Российской Федерации «Об утверждении Порядка уведомления представителя нанимателя (работодателя) работниками организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Управлением делами Президента Российской Федерации, о фактах обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, о возникновении конфликта интересов и принятия мер по недопущению любой возможности его возникновения» от 1 октября 2015 г. № 418. При этом его техническое исполнение, особенно в части рекомендуемых для применения образцов документов, представляется удачным.

[13] Следует указать, что сообщение о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения является одной из мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов.

[14] См., например: пп. 4 – 6, 8 – 10 Порядка.

Журнала является рекомендуемой, поэтому рассматриваемая норма представляется излишней.

Другой пример. Согласно п. 6 Порядка прием и регистрация уведомлений от работников осуществляются кадровым подразделением или должностным лицом, ответственным за профилактику коррупционных и иных правонарушений в организации[15].

Однако согласно абз. 4 п. 7 Порядка ведение Журнала возлагается на уполномоченное лицо.

Кто же это уполномоченное лицо? Кем оно уполномочено и на что? Военным организациям приходится догадываться самим, рискуя ошибиться в толковании воли Министерства обороны Российской Федерации[16].

В п. 3 Порядка, устанавливающем требования, предъявляемые к уведомлению о факте обращения к работнику каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений, говорится о необходимости подписания уведомления лично работником с указанием даты его составления, а также о том, что анонимные уведомления к рассмотрению не принимаются. Вместе с тем, из буквального толкования Порядка нельзя сделать однозначный вывод, что данная норма применяется и к уведомлению о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения[17].

Недопущение появления ассматриваемой проблемы было более чем простым – соответствующие положения необходимо было закрепить в отдельном пункте Порядка.

Порядок по неизвестной причине никоим образом не определяет процедуру уведомления работодателя (его представителя) и непосредственного начальника[18] о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения руководителем военной организации, который по отношению к Министерству обороны Российской Федерации (работодателю) является работником.

Не следует подвергать сомнению, что установленная Порядком процедура к руководителю военной организации неприменима, хотя бы по тому основанию, что согласно п. 6 Порядка прием и регистрация уведомлений осуществляются работниками (т. е. подчиненными руководителя военной организации), что противоречит существу рассматриваемых отношений.

Издание отдельного приказа, регламентирующего указанные отношения, исключительно для руководителей военных организаций безосновательно и нецелесообразно[19], в связи с чем следует признать тот факт, что Министерство обороны Российской Федерации решением данного вопроса не занималось[20].

Таким образом, порядок уведомления руководителями военных организаций работодателя (его представителя) и своего непосредственного начальника о наличии конфликта интересов или о возможности его возникновения[21] в настоящее время отсутствует[22]. Данная проблема имеет край-

[15] С какой целью установлена такая альтернатива? Неужели нельзя возложить указанную обязанность только на должностное лицо, ответственное за профилактику коррупционных и иных правонарушений в организации, а уж кто будет выступать в такой ипостаси (начальник кадрового органа, работник кадрового органа, иной работник), военная организация способна определить и сама.

[16] Вероятно, это лицо, осуществляющее прием и регистрацию уведомлений от работников (п. 6 Порядка).

[17] Пункт 4 Порядка, устанавливающий требования, предъявляемые к уведомлению о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, аналогичных положений не содержит.

[18] Необходимо отметить, что вопрос о порядке уведомления работниками своего непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения Порядком в принципе не рассматривается.

[19] Да и нет такого нормативного правового акта.

[20] Некая подобная попытка прослеживается в абз. 1 п. 9 Порядка, но она явно оказалась неудачной.

[21] Соответственно отсутствует и порядок уведомления руководителем военной организации о факте обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений.

[22] Даже в отсутствие Порядка в целях устранения пробела правового регулирования военные организации самостоятельно разрабатывали локальные правовые акты, регламентирующие порядок уведомления работниками работодателя о наличии конфликта интересов или о возможности его возникновения. Однако применение подобного подхода в отношении руководителей военных организаций невозможно.

не негативные последствия[23] и подлежит скорейшему разрешению[24].

Кроме того, неясно, каким образом будет реализовываться в отношении руководителей военных организаций положение, предусмотренное абз. 2 п. 10 Порядка: по окончании проверки уведомления о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения должностному лицу, принявшему решение о ее проведении, представляются материалы для рассмотрения на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов в порядке и сроки, предусмотренные Положением о комиссиях по урегулированию конфликта интересов[25].

Указанная комиссия создается в каждой военной организации, и она уполномочена, в частности, рассматривать вопросы о несоблюдении работниками военных организаций требований об урегулировании конфликта интересов[26]. Однако в отношении руководителя военной организации такие права у комиссии отсутствуют, что обусловлено как служебной зависимостью большей части членов комиссии от руководителя военной организации, так и его полномочиями по рассмотрению протоколов заседаний комиссии и принятию в пределах имеющейся компетенции обоснованных решений[27].

Комиссия Министерства обороны Российской Федерации по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов, действующая на основании приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 августа 2010 г. № 1130, также не полномочна рассматривать какие-либо вопросы в отношении руководителей военных организаций, так как они не являются федеральными государственными гражданскими служащими.

Таким образом, и в данном вопросе имеется правовой вакуум.

Кроме того, также следует указать на наличие еще одной проблемы, носящей в большей степени теоретический характер, причем в рамках всей системы противодействия коррупции.

Согласно подп. «в» и «г» п. 4 Порядка в уведомлении о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения указываются:

– конфликт интересов[28];

– личная заинтересованность работника, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей.

Вместе с тем, подобный подход представляется в корне неверным.

Само понятие конфликта интересов и его содержание раскрывается через личную заинтересованность, наличие которой является непреложным основанием для признания конкретной ситуации конфликтом интересов.

Таким образом, для работодателя основной и первоначальной является задача установления факта наличия личной заинтересованности работника[29], а только затем (при положительном результате) возникает необходимость определения ее влияния на надлежащее исполнение работником должностных обязанностей, т. е. установ-

[23] Должность руководителя военной организации без всякого сомнения является коррупционно-опасной и признана таковой приказом Министра обороны Российской Федерации от 24 ноября 2014 г. № 865.

[24] См. пример решения указанной проблемы: п. 4 Порядка принятия работниками, замещающими отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством здравоохранения Российской Федерации, мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов, утвержденного приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 17 сентября 2015 г. № 643н, и др.

[25] Положение о комиссиях организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством обороны Российской Федерации, по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 июня 2014 г. № 388.

[26] См. абз. 3 подп. «а» п. 9 Положения о комиссиях по урегулированию конфликта интересов.

[27] См. п. 26 Положения о комиссиях.

[28] См. ч. 1 ст. 10 Закона о противодействии коррупции в прежней редакции.

[29] Которая, напомним, является возможностью, т. е. выступает в форме предположения.

ление факта наличия конфликта интересов или возможности его возникновения[30].

Именно в связи с изложенным выше в силу ч. 3 ст. 11 Закона о противодействии коррупции основанием для принятия работодателем мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является наличие у него сведений о возникновении у работника личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов.

При этом само уведомление работодателя работником о наличии конфликта интересов или о возможности его возникновения[31] можно истолковать двумя способами:

– как выполнение работником обязанности по принятию мер по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и урегулированию возникшего конфликта интересов;

– как признание работником факта наличия конфликта интересов (работник не принял необходимых мер по предотвращению конфликта интересов и допустил его возникновение), что является самостоятельным основанием для увольнения работника[32].

Выбор конкретного из приведенных толкований неочевиден, что может быть использовано работодателем и в корыстном интересе. Вместе с тем, такое разночтение представляется неприемлемым и не соответствующим целям противодействия коррупции.

По нашему мнению, вообще само по себе установление обязанности работника сообщать работодателю о наличии конфликта интересов или о возможности его возникновения представляется необоснованным. Работник должен быть обязан сообщать работодателю о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и этим должна исчерпываться его подобная обязанность.

Свидетельством того, что законодатель данный подход воспринял, является рассмотренное выше изменение в ст. 11.1 Закона о противодействии коррупции. Хочется надеяться, что на этом он не остановится и доведет корректировку обязанностей работников до логичного завершения[33].

При этом отрадно отметить, что многие федеральные государственные органы имеющуюся проблему понимают совершенно правильно, уже устанавливая порядок уведомления работодателя работниками о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов[34].

Изложенные недостатки правового регулирования института конфликта интересов применительно к работникам военных организаций являются актуальными и требуют незамедлительного законодательного разрешения в целях повышения эффективности противодействия коррупции.

[30] Полномочиями по определению наличия конфликта интересов в указанной ситуации обладает комиссия военной организации по соблюдению требований к служебному поведению работников и урегулированию конфликта интересов (абз. 3 подп. «а» п. 9, п. 16 Положения о комиссиях по урегулированию конфликта интересов).

[31] Понятие конфликта интересов включает в себя не только ситуацию, при которой личная заинтересованность работника уже влияет (установленный факт) на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, но и ситуацию, при которой личная заинтересованность может повлиять (предположение) на надлежащее исполнение работником должностных обязанностей, т. е. в любом случае это уже будет конфликт интересов.

[32] См. ч. 6 ст. 11 Закона о противодействии коррупции и п. 7.1 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации.

[33] В части исключения из Закона о противодействии коррупции и Постановления Правительства Российской Федерации № 568 обязанности работника сообщать работодателю о наличии конфликта интересов или о возможности его возникновения.

[34] См., напр.: приказ Федеральной службы по интеллектуальной собственности «Об утверждении Порядка уведомления работодателя (его представителя) работниками, замещающими отдельные должности в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой по интеллектуальной собственности, о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов» от 12 октября 2015 г. № 153; приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Об утверждении Порядка уведомления работодателя (его представителя) работниками организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов» от 4 июня 2015 г. № 344н и др.

ВНОВЬ К ВОПРОСУ О ДОСРОЧНОМ УВОЛЬНЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СВЯЗИ С НЕВЫПОЛНЕНИЕМ ИМИ УСЛОВИЙ КОНТРАКТА

(в свете постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 года № 6-П и складывающейся правоприменительной практики)

Р.А. Трощенко, старший преподаватель кафедры филиала ВУНЦ ВВС "ВВА им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина", юрист

После вынесения Конституционным Судом Российской Федерации постановления от 21 марта 2013 г. № 6-П по делу о проверке конституционности подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с жалобами граждан Р.В. Боскачева, И.В. Овсянникова и Д.А. Савельева (далее – Постановление), в отношении военнослужащих началась формироваться новая правоприменительная практика, связанная с увольнением с военной службы в связи с невыполнением ими условий контракта.

На страницах нашего журнала данной тематике был посвящен ряд статей[1].

В настоящей публикации автор предлагает читателям свою точку зрения на некоторые спорные моменты, связанные с увольнением военнослужащих по указанному основанию, предусмотренному подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Закон).

Не вызывает сомнений утверждение о том, что невыполнение условий контракта может выражаться в совершении военнослужащим:

– дисциплинарного проступка;

– административного правонарушения;

– преступления[2].

При этом, как отмечает А.С. Изолитов, увольнение военнослужащего в связи с несоблюдением им условий контракта может осуществляться двумя способами:

– в порядке применения дисциплинарного взыскания;

– в аттестационном порядке[3].

Далее, рассматривая порядок увольнения по указанному в Законе основанию в порядке применения дисциплинарного взыскания в связи с совершением военнослужащим административного правонарушения, А.С. Изолитов указывает следующее: «При принятии решения об увольнении в связи с несоблюдением условий контракта в порядке наложения дисциплинарного взыскания необходимо учитывать, что военнослужащий уже привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения.

Общеизвестен принцип, в соответствии с которым гражданин не может быть привлечен к ответственности за одно и то же правонарушение дважды.

Необходимо четко понимать, что существует административное правонарушение, за которое военнослужащий несет ответственность на общих основаниях (например, ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ – «управление транс-

[1] См., напр.: *Изолитов А.С.* Как правильно уволить военнослужащего за совершение «грубого» административного правонарушения // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 11; *Кулиев А.И.* Теоретические и практические вопросы, связанные с увольнением военнослужащих по невыполнению условий контракта за совершение дисциплинарных проступков // Там же. № 12.

[2] См., подробнее: *Изолитов А.С.* Указ. соч. С. 11.

[3] *Изолитов А.С.* Указ. соч. С. 13.

портным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения»), и дисциплинарный проступок (невыполнение обязанности военнослужащего, предусмотренной ст. 16 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, по строгому соблюдению Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации).

В подготавливаемых при увольнении документах не должны употребляться формулировки «за совершение административного правонарушения...», «за управление транспортным средством в состоянии опьянения». Военнослужащий может быть привлечен к ответственности за «несоблюдение обязанности, предусмотренной ст. 16 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, по строгому соблюдению законодательства Российской Федерации, выразившееся...»[4].

Итак, по мнению указанного автора, во-первых, несмотря на то, что военнослужащий уже привлечен к административной ответственности, он, тем не менее, может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения с военной службы. Вопрос лишь в формулировке, используемой в подготавливаемых при увольнении документах. Во-вторых, проведение аттестации в данном случае не требуется.

Позиция несколько спорная.

По мнению автора настоящей статьи, при таком подходе все-таки имеет место не что иное, как повторное привлечение военнослужащего к ответственности за одно и то же правонарушение, и «игра» с формулировками не меняет сути, поскольку правонарушение одно, а наказаний – два – административное и дисциплинарное. Причем и то и другое неизбежно влечет за собой еще и имущественные санкции в виде штрафа и лишения части денежного довольствия.

Ведь несоблюдение обязанности, предусмотренной ст. 16 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, по строгому соблюдению законодательства Российской Федерации должно выражаться в конкретном виновном действии или бездействии. В рассматриваемом примере это несоблюдение выразилось в нарушении ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, за которое, еще раз отметим, военнослужащий уже понес юридическую ответственность. Соответственно нет оснований для повторного привлечения его к дисциплинарной ответственности за то же самое нарушение, но уже в виде наложения дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы, предусмотренного п. «д» ст. 67 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ДУ ВС РФ) и ч. 3 ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в порядке реализации дисциплинарного взыскания лишь за те административные правонарушения, за которые он несет дисциплинарную ответственность, и при условии, что за такое административное правонарушение к нему не было ранее применено иное, предусмотренное действующим законодательством, дисциплинарное взыскание.

Как справедливо отмечают К.В. Фатеев, С.С. Харитонов и С.В. Шанхаев, поскольку увольнение с военной службы военнослужащего в связи с невыполнением им условий контракта должно рассматриваться как реализация уполномоченным командованием дисциплинарного взыскания, постольку за совершение административного правонарушения, за которое он несет административную ответственность на общих основаниях, не должно применяться дисциплинарное взыскание – досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта[5].

Теперь обратимся к вопросу о необходимости проведения аттестации военнослужа-

[4] *Изолитов А.С.* Указ. соч. С. 13.

[5] *Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В.* Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. М., 2011.

щего при его увольнении в порядке реализации дисциплинарного взыскания. Как было отмечено выше, по мнению А.С. Изолитова, проведение таковой не является обязательным. Такой же позиции придерживается и А.И. Кулиев, который также отмечая, что военнослужащий может быть уволен по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона как в порядке реализации дисциплинарного взыскания, так и в порядке аттестации, указывает со ссылкой на обзорную справку Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, что при увольнении военнослужащего в порядке реализации дисциплинарного взыскания проведение аттестации не требуется[6].

Действительно, законодательство о порядке прохождения военной службы и уставные положения не предусматривают необходимости проведения аттестации в отношении военнослужащих, досрочно увольняемых с военной службы в порядке дисциплинарного взыскания.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении также указывает, что направление в аттестационную комиссию представления о досрочном увольнении военнослужащего в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы, является правом, а не обязанностью соответствующего командира (начальника), который, следовательно, может решить данный вопрос, не обращаясь в аттестационную комиссию. Однако здесь же Конституционный Суд Российской Федерации отмечает: «Вместе с тем в случае, когда военнослужащий по своим деловым и личным качествам не соответствует требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу (о чем, в частности, может свидетельствовать наличие у него неснятых дисциплинарных взысканий), аттестацию, в том числе внеочередную, следует признать обязательным элементом порядка досрочного увольнения такого военнослужащего с военной службы, *поскольку в системе действующего правового регулирования только процедура аттестации способна обеспечить необходимую степень полноты, объективности и всесторонности при оценке того, отвечает ли военнослужащий указанным требованиям* (курсив мой. – *Р. Т.*)».

Как понимать данную позицию? Вспоминаем известную фразу: «Казнить нельзя помиловать». Ведь и в том и в другом случае в тексте Постановления речь идет об увольнении по одному и тому же основанию, предусмотренному подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона, – в связи с невыполнением условий контракта. Представляется, что подход к процедуре такого увольнения, с учетом его конечной цели, должен быть единым. При этом, в Постановлении указано, что под невыполнением условий контракта как основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы следует считать лишь значительные отступления от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе, которые *могут выражаться* (здесь и далее курсив мой. – *Р. Т.*), в частности, в совершении виновных действий (бездействия), свидетельствующих об отсутствии у военнослужащего необходимых качеств для надлежащего выполнения обязанностей военной службы.

Однако вряд ли значительные отступления от требований законодательства могут выражаться в совершении невиновных действий (бездействия). Поэтому слова «могут выражаться» в указанном тексте Постановления следует, очевидно, читать как «выражаются», а, следовательно, иных форм невыполнения контракта со стороны военнослужащего, кроме как его виновных действий (бездействия), быть не может.

Таким образом, невыполнение условий контракта – это всегда конкретные виновные действия (бездействие), которые, в частности, свидетельствуют об отсутствии у военнослужащего необходимых качеств. С учетом вышеизложенного направление в аттестационную комиссию представления

[6] *Кулиев А.И.* Указ. соч. С. 30.

о досрочном увольнении военнослужащего в связи с невыполнением им условий контракта о прохождении военной службы, наверное, в любом случае следовало бы признать обязательным.

Однако законодатель посчитал иначе – в соответствии с п. 2.2 ст. 51 Закона, введенным Федеральным законом «О внесении изменения в статью 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 1 декабря 2014 г. № 415-ФЗ, военнослужащий может быть уволен с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона, только по заключению аттестационной комиссии, вынесенному по результатам аттестации военнослужащего, за исключением случаев, когда увольнение по указанному основанию осуществляется в порядке исполнения дисциплинарного взыскания.

В соответствии с п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» (от 29 мая 2014 г. № 8 далее – постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации) досрочное увольнение с военной службы по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона в связи с невыполнением условий контракта может применяться к военнослужащим в *порядке дисциплинарного взыскания и в порядке аттестации* с учетом соответствия военнослужащего предъявляемым к нему требованиям.

Итак, досрочное увольнение с военной службы по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона в связи с невыполнением условий контракта в порядке аттестации прямо предусмотрено Законом и разъяснено постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации. И все-таки остается вопрос: допускает ли этот порядок увольнение военнослужащих, уже понесших за такое невыполнение соответствующую юридическую ответственность? И если да, то в каких случаях?

Например, А.С. Изолитов отмечает: «Военнослужащий, совершивший «грубое» административное правонарушение, может быть уволен в аттестационном порядке… При этом на момент увольнения военнослужащий *должен считаться подвергнутым административному наказанию*»[7]. По мнению А.И. Кулиева, при увольнении военнослужащего в аттестационном порядке, например, при совершении им грубого дисциплинарного проступка, командиром (начальником) проводится разбирательство в порядке, предусмотренном ст. 28.8 Федерального закона «О статусе военнослужащих», с составлением протокола о грубом дисциплинарном проступке для установления вины военнослужащего. Если по результатам разбирательства вина военнослужащего в совершении грубого дисциплинарного проступка будет доказана, к нему применяется дисциплинарное взыскание (*не в виде увольнения с военной службы*). После чего военнослужащий по решению командира может быть рассмотрен на заседании аттестационной комиссии по вопросу соответствия занимаемой воинской должности и требованиям, которые предъявляются к военнослужащим. При этом решение аттестационной комиссии для увольнения по указанному основанию является обязательным[8].

Вместе с тем, в п. 4.2 Постановления Конституционный Суд Российской Федерации указал буквально следующее: «Согласно статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление. Названная норма, по ее буквальному смыслу, распространяется на случаи привлечения к уголовной ответственности, однако это не означает, что Конституция Российской Федерации допускает неоднократное привлечение к административной или дисциплинарной ответственности за одно и то же деяние, – установленный ею запрет, в котором нашел отражение общеправовой прин-

[7] *Изолитов А.С.* Указ. соч. С. 14
[8] *Кулиев А.И.* Указ. соч. С. 27.

цип non bis in idem, направлен, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 11 мая 2005 года № 5-П, на обеспечение правовой безопасности и правовой определенности и стабильности. Исходя из природы юридической ответственности как формы реакции на конкретное правонарушение в целях устранения или смягчения последствий правонарушения либо наказания правонарушителя, а также предотвращения новых правонарушений, повторное привлечение лица к одному и тому же виду ответственности за одно и то же деяние было бы – вопреки названному общеправовому принципу – ответственностью без правонарушения, что недопустимо в правовом государстве.

Применительно к дисциплинарной ответственности военнослужащих указанный конституционный запрет, реализованный на законодательном уровне в пункте 2 статьи 28.3 Федерального закона «О статусе военнослужащих», не допускающем привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности повторно за один и тот же дисциплинарный проступок, означает, что в том случае, когда невыполнение военнослужащим условий контракта выражается в совершении дисциплинарного проступка, его увольнение за совершение данного дисциплинарного проступка не может иметь места, если ранее на этого военнослужащего уже было наложено дисциплинарное взыскание в качестве меры ответственности за данный дисциплинарный проступок.

Соответственно неоднократное совершение военнослужащим дисциплинарных проступков само по себе не является основанием прекращения военно-служебных отношений в порядке реализации дисциплинарной ответственности, если эти дисциплинарные проступки уже повлекли применение к нему дисциплинарных взысканий. Иное означало бы двойное наказание за один и тот же проступок, чем нарушались бы конституционные принципы равенства и справедливости, необходимость соблюдения которых при применении дисциплинарной ответственности к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, обусловлена, как это вытекает из статей 19 (часть 1), 32 (часть 4), 37 (часть 1), 55 (часть 3) и 59 (часть 2) Конституции Российской Федерации, общими принципами юридической ответственности в демократическом правовом государстве, каковым в силу ее статьи 1 (часть 1) является Российская Федерация.

Вместе с тем в интересах военной службы, выражающихся, в частности, в поддержании боевой готовности воинских подразделений, эффективном выполнении стоящих перед ними задач, недобросовестное отношение военнослужащего к своим обязанностям, в том числе подтверждаемое наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий, может послужить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

Решение по данному вопросу должно приниматься в рамках процедуры аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, которая, согласно Положению о порядке прохождения военной службы (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237), проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, определения соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования (пункт 1 статьи 26) с соблюдением требований, установленных статьями 26 и 27 данного Положения, Порядком организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации (утвержден приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 года № 444, которым был признан утратившим силу ранее действовавший приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 апреля 2002 года №

100 «О порядке организации и проведения аттестации офицеров и прапорщиков (мичманов) Вооруженных Сил Российской Федерации»), а также нормативными правовыми актами руководителей иных федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба».

Именно два последних абзаца п. 4.2 Постановления, как представляется, и дали первоначально правоприменителям повод для формирования практики увольнения военнослужащих, в том числе уже привлеченных к дисциплинарной ответственности, в так называемом аттестационном порядке.

Тем не менее, из буквального толкования указанного абзаца не следует, что вывод о несоответствии военнослужащего требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту, является основанием для его увольнения по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона.

В абз. 4 п. 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации указывает, что невыполнение условий контракта о прохождении военной службы может выражаться, в частности, в совершении военнослужащим дисциплинарного проступка, уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения. Далее, в абз. 2 п. 4 Постановления судебный орган конституционного контроля конкретизирует, что невыполнением условий контракта как основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы следует считать лишь значительные отступления от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе, которые могут выражаться, в частности, в совершении виновных действий (бездействия), свидетельствующих об отсутствии у военнослужащего необходимых качеств для надлежащего выполнения обязанностей военной службы. При этом, согласно абз. 5 п. 4.3 Постановления, заключение аттестационной комиссии, которое, как следует из п. 13 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, может быть дано и для увольнения военнослужащего по основанию, предусмотренному подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона, также преимущественно связано *с оценкой конкретных действий (бездействия) военнослужащего, являющихся причиной его увольнения, т. е. имеет ограниченный предмет рассмотрения.*

Итак, обязательным условием для досрочного увольнения военнослужащего в связи с неисполнением условий контракта следует считать наличие конкретных действий (бездействия) военнослужащего, являющихся причиной его увольнения. И, как справедливо отмечает А.И. Кулиев, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, могут быть уволены по невыполнению условий контракта *только за совершение* трех видов правонарушений:

– дисциплинарного проступка;

– административного правонарушения;

– преступления[9].

Однако если рассматривать на аттестационной комиссии конкретные действия (бездействие), за которые военнослужащий уже понес дисциплинарную или административную ответственность, то они не могут послужить причиной для его увольнения в силу уже упомянутого принципа non bis in idem.

Например, в отношении военнослужащего, получившего очередной выговор, принимается решение о рассмотрении его на аттестационной комиссии на предмет *соответствия требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту, с точки зрения деловых и личных качеств.* Комиссия приходит к выводу о таком несоответствии исключительно ввиду неоднократного нарушения военнослужащим воинской дисциплины, что подтверждается наличием неснятых дисциплинарных взысканий. Заключение комиссии – уволить за несоблюдение условий контракта на основании подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона. Зададимся вопросом: в чем выражается несоблюдение военнослужащим ус-

[9] *Кулиев А.И.* Указ. соч. С. 27.

ловий контракта? Какие конкретные действия являются причиной его увольнения?

В рассматриваемом примере несоответствие требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту, с точки зрения деловых и личных качеств, подтвержденное, например, наличием нескольких неснятых дисциплинарных взысканий само по себе, строго говоря, не является невыполнением условий контракта. Несоответствие не может являться невыполнением, поскольку последнее есть действие или бездействие. Но за конкретные действия военнослужащий в нашем примере уже привлечен к дисциплинарной ответственности. Причиной увольнения они быть не могут. И увольнение в данном случае – прямое нарушение принципа non bis in idem.

Как совершенно справедливо отмечали Р.А. Закиров, В.М. Корякин и С.В. Шанхаев, досрочное увольнение военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением условий контракта может осуществляться *только в качестве меры дисциплинарной ответственности.* При этом ни Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе», ни Федеральный закон «О статусе военнослужащих», ни Положение о порядке прохождения военной службы, ни ДУ ВС РФ не предусматривают возможность применения рассматриваемой меры дисциплинарного воздействия за совокупность дисциплинарных проступков, за каждый из которых военнослужащий уже получил соответствующее дисциплинарное взыскание[10].

Увольнение военнослужащего лишь по факту заключения аттестационной комиссии о его несоответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту, было бы возможно, если бы Закон прямо предусматривал такое отдельное основание для его увольнения, как несоответствие требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту. Такого основания для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, в отличие от военнослужащих органов федеральной службы безопасности и органов государственной охраны, не предусмотрено. А вот последние, в соответствии с подп. «е.2» п. 2 ст. 51 Закона, могут быть досрочно уволены *в связи с несоответствием требованиям*, неисполнением обязанностей, нарушением запретов, несоблюдением ограничений, установленных законодательством Российской Федерации и связанных с прохождением военной службы в органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны. Таким образом, в отношении военнослужащих указанной ведомственной принадлежности законодатель ввел более жесткие «правила игры».

Следуя букве закона можно сделать вывод, что обязательным условием для увольнения военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации по основанию, предусмотренному подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона, является правонарушение, за которое он не был ранее привлечен к дисциплинарной либо административной ответственности. Иные дисциплинарные правонарушения играют лишь роль «отягчающих» обстоятельств, способствующих принятию аттестационной комиссией категоричного заключения о несоответствии военнослужащего предъявляемым к нему требованиям и необходимости его досрочного увольнения в связи с невыполнением им условий контракта, но – за конкретное правонарушение.

Возможность увольнения военнослужащего Вооруженных Сил Российской Федерации по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона в аттестационном порядке не означает, что такой порядок допускает его увольнение по указанному основанию при отсутствии с его стороны конкретных виновных противоправных действий (бездействия), за которые он ранее не был привлечен к юридиче-

[10] *Закиров Р.А., Корякин В.М., Шанхаев С.В.* Невыполнение военнослужащим условий контракта как основание его досрочного увольнения с военной службы: проблемы правоприменительной практики // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 10.

ской ответственности, поскольку в конечном итоге этот порядок в случае принятия командиром соответствующего решения по результатам аттестации «заканчивается» применением меры юридической ответственности – наложением дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения.

Исключением из данного правила является совершение военнослужащим преступления.

В таких случаях, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, *увольнение военнослужащего по основанию, предусмотренному подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона*, хотя и связано с его осуждением за совершение преступления, т. е. с его виновными действиями, *представляет собой не меру юридической ответственности*, а последствие привлечения военнослужащего к уголовной ответственности, обусловленное тем обстоятельством, что командование, оценив характер совершенного преступления и личность военнослужащего, не нашло возможным, учитывая специфику его профессионально-служебной деятельности, продолжение военно-служебных отношений с ним как с лицом, фактически переставшим удовлетворять предъявляемым к нему законодательством о военной службе требованиям.

В отношении административных правонарушений, за которые военнослужащие несут ответственность на общих основаниях, Конституционный Суд Российской Федерации такой оговорки не сделал[11].

Однако оппоненты наверняка возразят, что теперь с учетом положений п. 2.2 ст. 51 Закона увольнение по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона по заключению аттестационной комиссии можно рассматривать не как меру юридической ответственности, в том числе и в случае совершения военнослужащим дисциплинарного (административного) проступка (проступков), за который он ранее был привлечен к ответственности. Другими словами, как уже отмечалось ранее, командование, оценив характер совершенных правонарушений и личность военнослужащего, не нашло возможным – учитывая специфику его профессионально-служебной деятельности – продолжение военно-служебных отношений с ним как с лицом, фактически переставшим удовлетворять предъявляемым к нему требованиям. И духу Закона это утверждение явно будет соответствовать.

Кроме того, согласно п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации под невыполнением условий контракта как основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы следует считать лишь значительные (существенные) отступления от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе, которые могут выражаться, в частности, *в совершении виновных действий (бездействия), свидетельствующих об отсутствии у военнослужащего необходимых качеств для надлежащего выполнения обязанностей военной службы;* совершении одного из грубых дисциплинарных проступков, составы которых перечислены в п. 2 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих»; совершении дисциплинарного проступка при наличии у него неснятых дисциплинарных взысканий; совершении уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения, за которое военнослужащий несет ответственность на общих основаниях; наличии иных юридически значимых обстоятельств, позволяющих в силу специфики служебной деятельности военнослужащего сделать вывод о том, что он перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

С учетом такого широкого толкования невыполнения условий контракта, а также положений п. 2.2 ст. 51 Закона правоприменительная практика пошла по пути

[11] Отметим также, что ст. 89 ДУ ВС РФ до настоящего времени допускает привлечение военнослужащего к дисциплинарной ответственности за уголовное преступление. – *Р. Т.*

увольнения военнослужащих по основанию, предусмотренному подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона, в порядке аттестации в том числе и при отсутствии с их стороны действий (бездействия), за которые они ранее не были привлечены к дисциплинарной или административной ответственности. Подтверждением тому является определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2014 г. № 205-КГ14-53. Как следует из данного определения, Ц., проходящий военную службу по контракту в органах ФСБ России, был уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта при отсутствии на момент принятия такого решения с его стороны действий, за которые он бы ранее не был привлечен к дисциплинарной или административной ответственности[12]. Тем не менее, по мнению автора, Ц., в рассматриваемом случае должен был быть уволен не по подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона, а по подп. «е.2» п. 2 ст. 51 Закона. Тем более что, как следует из текста указанного определения, Ц. был представлен к досрочному увольнению именно в связи с несоответствием требованиям, предъявляемым к военнослужащим. Об увольнении Ц. по тому же основанию ходатайствовала перед соответствующим начальником и аттестационная комиссия.

Информация

В Ростовской области старший офицер признан виновным в мошенничестве, совершенном в особо крупном размере

Доказательства, собранные 54 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора военнослужащему майору К. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 [2] УК РФ (мошенничество при получении выплат, совершенное в особо крупном размере).

Следствием и судом установлено, что К. в 2014 году представил в жилищную комиссию войсковой части 3504 рапорт и документы на получение жилищной субсидии, при этом факт наличия у него в собственности одной четвертой доли квартиры в г. Волжском Волгоградской области скрыл. В результате указанных действий размер полученной жилищной субсидии составил свыше 4 миллионов рублей, что причинило государству ущерб на сумму свыше 1 миллиона рублей.

Ростовским-на-Дону гарнизонным военным судом К. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года с отбыванием в колонии-поселении и штрафа в размере 300 тысяч рублей.

В Ленинградской области осуждены бывшие должностные лица архива Военно-Морского Флота

Доказательства, собранные 459 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточным для вынесения приговора бывшим начальнику филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина) П. и начальнику хозяйственного отдела этого же филиала Т. Они признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере).

Следствием и судом установлено, что в 2007 году П. фиктивно трудоустроил в архив 4 граждан. В дальнейшем указанные «мертвые души» трудовые обязанности не исполняли, а начисляемые им в качестве заработной платы денежные средства распределялись между служащими архива с целью повышения мотивации работы.

В ноябре 2012 года П. стало известно об увеличении лимитов выделяемых денежных средств, в том числе в виде премии в соответствии с приказом Минобороны России № 1010. В связи с этим у него возник преступный умысел на незаконное личное обогащение путем хищения части денежных средств.

Реализуя данный умысел и действуя группой лиц по предварительному сговору совместно с Т., П. представлял вышестоящему начальству фиктивные документы – табели учета рабочего времени и свои приказы на выплату вышеназванным «мертвым душам» премий. Начисленные денежные средства распределялись между служащими архива, после чего Т. осуществлял сбор с них части данных денег, которыми они распоряжались по своему усмотрению. Таким образом, похищено около 2 миллионов рублей.

В ходе производства предварительного следствия обвиняемые признали свою вину в содеянном и в полном объеме возместили причиненный государству имущественный вред.

Приговором Гатчинского городского суда Ленинградской области П. назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года условно, Т. – на срок 2 года 6 месяцев условно.

[12] См. подробнее: Судебная практика судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 4. С. 77 – 80.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ СТРАХОВОЙ ПЕНСИИ ПО СТАРОСТИ ВОЕННЫМ ПЕНСИОНЕРАМ

Т.В. Ломакина, доцент кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Военного университета, кандидат юридических наук

Многим офицерам, которые служат в Вооруженных Силах Российской Федерации, рано или поздно придется столкнуться после увольнения в запас с вопросами трудоустройства, соблюдения их прав при зачете имеющейся у них выслуги лет в различные разновидности стажа работы, который играет важную роль в установлении выплат стимулирующего, компенсационного характера в составе заработной платы, а также в назначении страховой пенсии по старости.

В научных периодических изданиях достаточно широко рассматривались вопросы пенсионного обеспечения военнослужащих[1]. В настоящей статье будут затронуты вопросы, касающиеся условий назначения страховой пенсии военнослужащим, ее размеров, документов, необходимых для ее получения, и др.

С 1 января 2015 г. в России в связи с принятием Федерального закона «О страховых пенсиях» от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (далее – Закон № 400-ФЗ) введен новый порядок формирования и расчета пенсии в системе обязательного пенсионного страхования. В настоящее время в законодательстве не применяется понятие «трудовая пенсия». Оно трансформировалось в страховую пенсию, назначение которой будет осуществляться по новой пенсионной формуле. В соответствии с ней пенсионный капитал граждан каждый год будет фиксироваться в баллах – индивидуальных пенсионных коэффициентах. В рубли накопленные баллы будут переводиться при назначении пенсии. На момент выхода на пенсию баллы за каждый год суммируются и умножаются на стоимость балла. Эта стоимость будет ежегодно увеличиваться.

Для того чтобы страховые взносы работодателя во время работы в учреждениях, организациях учитывались при назначении страховой пенсии по линии Пенсионного фонда Российской Федерации (далее – ПФР), военный пенсионер должен быть зарегистрирован в системе обязательного пенсионного страхования. Сведения о начисленных и уплаченных страховых взносах, а также периодах работы в гражданских организациях отражаются на индивидуальном лицевом счете в ПФР и будут определять право на страховую пенсию и возможную выплату за счет средств пенсионных накоплений. Номер этого счета указан на страховом свидетельстве обязательного пенсионного страхования – СНИЛС. Его можно получить, лично обратившись в отделение Пенсионного фонда России по месту регистрации. Если адрес проживания не подтвержден регистрацией – то по месту фактического проживания. Для этого необходимо заполнить анкету застрахованного лица и предъявить документ, удостоверяющий личность.

По общему правилу страховая пенсия по старости назначается по достижении воен-

[1] *Ефремов А.В.* Выплата пенсий и ежемесячной денежной компенсации вдовам (вдовцам) погибших (умерших) военнослужащих в зависимости от вступления и невступления в новый брак // Право в Вооруженных силах. 2013. № 12. С. 23 – 27; *Его же.* Правовые вопросы, возникающие при несвоевременном перерасчете военных пенсий, в том числе пенсий по случаю потери кормильца // Там же. 2015. № 2. С. 31 – 34.

ным пенсионером общеустановленного пенсионного возраста. Ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста при соблюдении условий для досрочного назначения страховая пенсия может быть назначена, например, в случае работы на Севере, труда в тяжелых условиях и т. д.

В связи с принятием в рамках проводимой пенсионной реформы федеральных законов, таких как «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», «О страховых пенсиях», «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», на первое место при определении права на пенсионное обеспечение, размера страховых пенсий выдвигается страховой стаж. Согласно названным законам, а также Федеральному закону «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ появилось понятие страхового стажа.

Страховой стаж – это учитываемая при определении права на страховую пенсию и ее размера суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности, за которые начислялись и уплачивались страховые взносы в ПФР, а также иных периодов, засчитываемых в страховой стаж.

Многие военнослужащие, становясь пенсионерами и получая пенсию за выслугу лет в возрасте 40 – 50 лет, продолжают после увольнения с военной службы трудовую деятельность в качестве наемных работников на должностях, не относящихся к военной службе. В этом случае работодатель производит за военного пенсионера денежные отчисления на страховую (и накопительную) часть индивидуального лицевого счета.

В результате на индивидуальном лицевом счете военного пенсионера образуется пенсионный капитал (ПК), который при наступлении нижеперечисленных условий, выплачивается ему в качестве страховой пенсии по старости, за исключением ее фиксированного базового размера (в настоящее время составляет 4 383 руб.).

Такими условиями для получения страховой пенсии у бывших военнослужащих, а также сотрудников других силовых ведомств являются следующие:

1) получение пенсии за выслугу лет или по инвалидности;

2) достижение возраста 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин;

3) наличие страхового стажа не менее 6 лет (на 2015 г.). При этом наличие у военных пенсионеров льготной выслуги лет (за службу в особых условиях: в удаленной либо особой местности; участие в боевых действиях и пр.) не учитывается.

При исчислении страхового стажа в него не включаются периоды службы, предшествовавшие назначению пенсии по инвалидности, либо периоды службы, работы и иной деятельности, учтенные при определении размера пенсии за выслугу лет в соответствии с Законом Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» от 12 февраля 1993 г. № 4468-I.

В 2015 г. необходимый страховой стаж составляет 6 лет, а начиная с 1 января 2016 г. он будет ежегодно увеличиваться на 1 год до 15 лет в 2024 г.;

4) наличие минимальной суммы индивидуальных пенсионных коэффициентов (баллов) – на 2015 г. она установлена в размере 6,6 и будет ежегодно повышаться до 30 в 2025 г. Соблюдение этого условия не требуется от тех военных пенсионеров, которые обратилась в ПФР за назначением страховой пенсии по старости до 2015 г.

Военным пенсионерам страховая пенсия по старости назначается без учета фиксированной выплаты (фиксированного базового размера в прежней пенсионной формуле). Страховая пенсия ежегодно индексируется государством.

Если военный пенсионер после назначения второй пенсии продолжает работать, то размер его страховой пенсии по старости подлежит беззаявительному перерасчету с 1 августа ежегодно.

Выплата средств пенсионных накоплений

До конца 2014 г. трудовая пенсия по старости для граждан 1967 года рождения и моложе состояла из страховой и накопительной частей, и страховые взносы работодателя, которые он уплачивает в ПФР, распределялись между этими двумя частями. С 2015 года накопительная пенсия становится самостоятельным видом пенсии. Условия назначения и формула расчета накопительной пенсии не меняются. Граждане 1967 года рождения и моложе в течение 2014 – 2015 гг. имеют право выбрать вариант пенсионного обеспечения: направить все страховые взносы, уплачиваемые работодателем, только на страховую пенсию или на страховую и накопительную пенсии.

Размер страховой части пенсии, как и у любого застрахованного лица, зависит от стажа и заработка за период работы до 1 января 2002 г., а после – от суммы страховых взносов, учтенных на индивидуальном лицевом счете. С учетом того что военнослужащим, уволенным в запас и имеющим трудовой (страховой стаж) до 2002 г., вторая пенсия уже назначена и выплачивается, в настоящей статье мы рассмотрим вопросы назначения второй пенсии в текущем и последующих годах.

Многие военные пенсионеры задают вопрос о конкретном размере назначаемой страховой пенсии. Сумма выплат индивидуальна для каждого пенсионера. Ее расчет производится специалистами после подачи всех необходимых документов. Вместе с тем, базовые расчеты можно привести.

Для расчета определяется размер страховой части трудовой пенсии по старости (П) по тем правилам, которые действовали на 31 декабря 2014 г., без учета фиксированного базового размера страховой части трудовой пенсии. Полученную величину следует разделить на стоимость одного пенсионного коэффициента (СПКк). Стоимость одного пенсионного коэффициента (СПК) по состоянию на 1 января 2015 г. равна 64,1 руб. (ч. 10 ст. 15 Закона № 400-ФЗ). Эта величина будет индексироваться два раза в год (ч. 20 ст. 15 Закона № 400-ФЗ):

– с 1 февраля – с учетом уровня инфляции;

– с 1 апреля – с учетом уровня доходов ПФР.

Величина одного пенсионного коэффициента по состоянию на 1 февраля 2015 г. составляет 71 руб. 41 коп. (Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 г. № 39).

База персонифицированного учета ПФР содержит все необходимые сведения о расчетном пенсионном капитале, стаже и заработной плате каждого участника системы обязательного пенсионного страхования, чтобы пересчитать его уже сформированные пенсионные права в пенсионные коэффициенты.

Пример 1. Военный пенсионер И.И. Иванов (страховой стаж 10 лет) обратился за назначением страховой пенсии в январе 2015 г.

На основании сведений персонифицированного учета И.И. Иванову была рассчитана страховая часть трудовой пенсии по старости в соответствии с теми правилами, которые действовали на 31 декабря 2014 г. Ее величина составила 6 579 руб., что равно 103 ИПК[2] (6 579 руб.: 64,1 руб.). Из чего сложилась эта сумма? За период с момента увольнения до достижения пенсионного возраста (60 лет) на индивидуальном лицевом счете И.И. Иванова в ПФР накопилось 1 500 000 руб. (пенсионный капитал). Указанная сумма была разделена на 228 (период дожития в месяцах), что и составило 6 579 руб. К указанной выше сумме ИПК могут быть добавлены баллы и за некоторые иные периоды (например, по уходу, осуществляемому трудоспособным лицом за инвалидом I группы, ребенком-инвали-

[2] Индивидуальный пенсионный коэффициент.

дом или за лицом, достигшим возраста 80 лет – 1,8). С учетом изменения стоимости одного пенсионного коэффициента размер пенсии И.И. Иванова составит с 1 февраля 2015 г. 7 355 руб.

У будущих пенсионеров, имеющих страховой стаж до 2015 г., все сформированные пенсионные права фиксируются, сохраняются и гарантированно будут исполняться. В 2014 г. произведена их конвертация в ИПК. Конвертация проведена ПФР в беззаявительном порядке.

За каждый календарный год после 1 января 2015 г. работающим гражданам начисляется ИПК. Для застрахованных лиц, за которых страховые взносы на формирование накопительной пенсии не начисляются и не уплачиваются, ИПК в 2015 г. составит 7,39, в 2016 г. – 7,83, в 2017 г. – 8,26, в 2018 г. – 8,70, в 2019 г. – 9,13, в 2020 г. – 9,57, в 2021 г. и в последующие годы – 10,00.

Пример 2. В организации работают военные пенсионеры – Н.Н. Николаев и М.М. Михайлов, которые начали трудиться с 1 января 2015 г.

В текущем году оба работника ежемесячно получают заработную плату в размере 45 000 руб. Организация ежемесячно перечисляет в ПФР страховые взносы в размере 9 900 руб. (45 000 руб. х 22 %).

Предельная величина базы для начисления страховых взносов в 2015 г. установлена в размере 680 000 руб. Нормативный размер страховых взносов составил 108 800 руб. (680 000 руб. х 16 %).

Н.Н. Николаев перевел свои пенсионные накопления (6 %) в негосударственный пенсионный фонд (НПФ). При достижении возраста 60 лет Н.Н. Николаев будет получать и страховую, и накопительную пенсию. Поэтому на страховую пенсию направляются страховые взносы в размере 16 % (22 % – 6 %). При этом часть страховых взносов в размере 6 % переводится на солидарную часть. Следовательно, на индивидуальную часть тарифа страховых взносов зачисляются страховые взносы в размере 10 % (22 % – 6 % – 6 %).

За 2015 г. организация перечислила в ПФР в пользу Н.Н. Николаева 118 800 руб. (9 900 руб. х 12 мес.). При этом на индивидуальную часть тарифа было зачислено 54 000 руб. (118 800 руб. : 22 % х 10 %). Величина ИПК за 2015 г. составляет 4,96 (54 000 руб. : 108 800 руб. х 10). Однако с учетом максимального значения ИПК за 2015 г. на лицевом счете Н.Н. Николаева будет учтен ИПК в размере 4,62.

М.М. Михайлов свои пенсионные накопления (6 %) направил на формирование страховой пенсии. Поэтому на индивидуальную часть страховой пенсии направляются страховые взносы в размере 16 % (22 % - 6 %).

За 2015 г. организация перечислила в ПФР в пользу М.М. Михайлова 118 800 руб. (9 900 руб. х 12 мес.). При этом на индивидуальную часть тарифа было зачислено 86 400 руб. (118 800 руб. : 22 % х 16 %). Величина индивидуального пенсионного коэффициента за 2015 г. составляет 7,94 (86 400 руб. : 108 800 руб. х 10). Однако с учетом максимального значения ИПК за 2015 г. на лицевом счете М.М. Михайлова будет учтен ИПК в размере 7,39.

Трудовая деятельность Н.Н. Николаева продолжалась с 2015 по 2024 г. Максимальное количество ИПК, которые он может «заработать» за 10 лет, составляет 56,79 (4,62 + 4,89 + 5,16 + 5,43 + 5,71 + 5,98 + (6,25 х 4 года).

Трудовая деятельность М.М. Михайлова продолжалась с 2015 г. по 2024 гг. Максимальное количество ИПК, которые он может заработать за 10 лет, составляет 90,88 (7,39 + 7,83 + 8,26 + 8,7 + 9,13 + 9,57 + (10 х 4 года).

Стоимость одного пенсионного коэффициента по состоянию на 1 февраля 2015 г. составляет 71 руб. 41 коп. Если рассчитывать страховую пенсию Н.Н. Николаеву и М.М. Михайлову исходя из этой величины, то она составит:

– у Н.Н. Николаева – 4 055,37 руб. (56,79 х 71,41 руб.);

– у М.М. Михайлова – 6 489,74 руб. (90,88 х 71,41 руб.).

С учетом того что стоимость пенсионного коэффициента будет увеличиваться ежегодно в среднем на 5 %, то в 2024 г. она составит примерно 107 руб.

Таким образом, величина страховой пенсии будет равна:

– у Н.Н. Николаева – 6 076,53 руб. (56,79 х 107 руб.);

– у М.М. Михайлова – 9 724,16 руб. (90,88 х 107 руб.).

Если застрахованное лицо работает на двух работах, то индивидуальный пенсионный коэффициент будет определяться по сумме двух зарплат и соответственно по сумме уплаченных страховых взносов, начисленных и уплаченных на сумму зарплаты. При этом ИПК в любом случае не должен превышать максимального значения.

При расчете ИПК учитывается только официальная зарплата до вычета НДФЛ. В настоящее время работодатели платят страховые взносы на обязательное пенсионное страхование по тарифу 22 % от вознаграждений, начисленных в пользу работника. Из них 6 % тарифа направляется на солидарную часть страхового тарифа, из оставшихся 16 % на формирование пенсионных накоплений может быть направлено 6 %, а 10 % – на формирование страховой пенсии, а может – по желанию гражданина – полностью быть направлено на формирование страховой пенсии.

Если гражданин родился до 1967 г., то его пенсия по старости не будет содержать накопительную часть пенсии, поскольку его работодатели отчисляют весь объем страховых взносов только на страховую часть пенсии.

В том случае, если гражданин родился в 1967 г. и позднее, то до 31 декабря 2015 г. ему будет дополнительно предоставлена возможность выбора тарифа страхового взноса на накопительную часть пенсии: либо оставить 6 %, как в настоящее время, либо отказаться от формирования пенсионных накоплений, тем самым значительно увеличив формирование пенсионных прав в страховой пенсии.

Для назначения страховой пенсии по старости военному пенсионеру необходимо обратиться в территориальный орган ПФР по месту его регистрации. Если адрес проживания не подтвержден регистрацией, то по месту фактического проживания. Необходимо представить заявление и следующие документы: паспорт; страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования; справку из органа, который осуществляет пенсионное обеспечение по линии силового ведомства. Эта справка должна содержать данные о том, с какой даты гражданин получает пенсию, о периодах службы, предшествовавших назначению пенсии по инвалидности, либо периодах службы, работы и иной деятельности, учтенных при определении размера пенсии за выслугу лет; документы, подтверждающие «гражданский» стаж (трудовую книжку, трудовой договор, справки, выдаваемые работодателями или соответствующими государственными (муниципальными) органами, и т. д.

Факт и дата приема заявления органом ПФР подтверждаются распиской-уведомлением о приеме и регистрации заявления, которая выдается заявителю (при личном обращении) либо направляется ему по почте (п. 57 Административного регламента предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по установлению трудовых пенсий и пенсий по государственному пенсионному обеспечению, утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 марта 2014 г. № 157н). Если к заявлению о назначении пенсии приложены не все необходимые документы, военный пенсионер вправе представить их в течение трех месяцев. При этом днем обращения за пенсией будет считаться день приема заявления территориальным органом ПФР (ч. 2 ст. 22 Закона № 400-ФЗ; п. 58 Административного регламента). В настоящее время заявление о назначении пенсии можно подать и в электронном виде. Такой способ обращения за назначением пенсии делает

необязательным личный визит гражданина в клиентскую службу ПФР.

С 1 января 2015 г. выдача пенсионных удостоверений прекращается, что не отменяет уже действующие, имеющиеся на руках у пенсионеров удостоверения. При этом для подтверждения факта назначения и размера пенсии по желанию (т. е. необязательно) можно получить соответствующую справку при обращении к специалисту клиентской службы территориального управления ПФР, а также в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг. Кроме того, справку можно заказать на сайте ПФР в «Личном кабинете застрахованного лица» либо в разделе «Электронные сервисы/ Предварительный заказ документов»[3].

В заключение следует отметить, что пенсионная система – развивающийся социальный институт. Он требует постоянного совершенствования и обновления. И Закон № 400-ФЗ еще раз подтверждает это. Пенсионное законодательство должно непрерывно изменяться с учетом обстоятельств, затрагивающих те или иные вопросы реализации пенсионных прав российских граждан.

Информация

В Московской области в отношении сотрудников военного комиссариата возбуждено уголовное дело

Военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Люберецкому гарнизону возбуждено уголовное дело в отношении сотрудников военного комиссариата Московской области по городам Павловский Посад, Электрогорск и Павлово-Посадскому району – начальника отдела П., начальника отделения призыва Ф. врача-терапевта Т. Они подозреваются в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки, совершенное группой лиц по предварительному сговору).

По данным следствия, в период с января 2014 года по октябрь 2015 года П., Ф.и Т. неоднократно лично и через посредников получали взятки за совершение незаконных действий, связанных с освобождением граждан от призыва на военную службу.

Предварительно установлено, что действиями фигурантов уголовного дела освобождено от призыва на военную службу 140 граждан.

В настоящее время все участники преступления допрошены в качестве подозреваемых.

Расследование уголовного дела продолжается.

В Ставропольском крае осужден военнослужащий, обвиняемый в причинении тяжкого вреда здоровью знакомому

Доказательства, собранные 55 военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации, признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора военнослужащему старшине А. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего).

Судом установлено, что 20 октября 2014 года А., находясь в отпуске в селе Отказное Советского района Ставропольского края, во время конфликта нанес знакомому 2 удара металлической трубой в область головы и 2 удара ногами в грудную клетку, причинив телесные повреждения, от которых потерпевший скончался спустя несколько дней.

Приговором Пятигорского гарнизонного военного суда А. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года с отбыванием в колонии общего режима.

В Волгоградской области военнослужащий признан виновным в убийстве

Доказательства, собранные военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Камышинскому гарнизону, признаны судом достаточными для вынесения приговора военнослужащему по контракту рядовому М. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство).

Следствием и судом установлено, что 4 января текущего года М. в городе Камышин познакомился с женщиной, с которой стал употреблять спиртные напитки. Спустя непродолжительное время указанные лица направились в туннель лесопильной станции, где между ними возникла ссора, в ходе которой военнослужащий, взяв лежавший неподалеку фрагмент дерева, нанес женщине множественные удары в область головы и по различным частям тела, причинив последней телесные повреждения разной степени тяжести.

После этого М., безразлично относясь к возможным последствиям для жизни и здоровья потерпевшей, оставил ее, выкинул за пределы лесопильной станции орудие преступления и скрылся.

Полученные травмы повлекли смерть женщины.

Волгоградским гарнизонным военным судом М. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет с отбыванием в колонии строгого режима. Кроме того, суд удовлетворил гражданский иск о взыскании с осужденного компенсации морального вреда в размере 400 тысяч рублей.

[3] Официальный сайт ПФР – www.pfrf.ru.

КОММЕНТАРИИ К НОВЕЛЛАМ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Д.Ю. Гайдин, юрисконсульт подразделения Федеральной службы охраны Российской Федерации

Прошедший 2015 год ознаменован рядом событий в нормативно-правовом регулировании жилищного обеспечения военнослужащих, которые нельзя обойти вниманием с точки зрения правового анализа их влияния на процесс реализации прав военнослужащих на жилище. Речь идет об изменениях, внесенных в Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации и предоставления им жилых помещений в собственность бесплатно» от 29 июня 2011 г. № 512[1]. Данные изменения важны, в первую очередь, для военнослужащих, так как благодаря им оптимизирован порядок признания нуждающимися в жилых помещениях по месту прохождения военной службы. Для правоведов и правоприменителей они также имеют значимость как в связи с преодолением некоторых коллизий и пробелов в праве, так и в связи с появлением новых правовых неопределенностей.

Причиной внесения изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512 явилось вступление в силу с 14 ноября 2013 г. новой редакции абз. 3 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 28 мая 1998 г. № 76-ФЗ, в соответствии с которым военнослужащие-граждане, заключившие контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. (за исключением курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования), признанные нуждающимися в улучшении жилищных условий или нуждающимися в жилых помещениях, получили право на предоставление жилых помещений в собственность бесплатно, и абз. 13 п. 1 указанной статьи, которым Правительству Российской Федерации было предписано определить порядок признания названных военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях[2].

Следует отметить, что катализатором нормативного урегулирования порядка признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях по месту прохождения военной службы явилась неочевидная и спорная необходимость распространения на военнослужащих так называемой категории «до 1998 года» такой формы жилищного обеспечения, как предоставление жилых помещений в собственность бесплатно. Дело в том, что в первоначальной редакции ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» было предусмотрено, что военнослужащие «до 1998 года» после первых пяти лет военной службы обеспечиваются жилыми помещениями на общих основаниях (т. е. на условиях соци-

[1] Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512» от 28 августа 2015 г. № 900.

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 15 и 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 2 ноября 2013 г. № 298-ФЗ.

ального найма) как по месту прохождения военной службы, так и в избранном месте жительства, а военнослужащие, обеспечиваемые на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, обеспечиваются в избранном месте жительства жилыми помещениями в собственность. В последующем, со 2 декабря 2008 г., за военнослужащими, относящимися к категории «после 1998 года», было закреплено право на жилищное обеспечение в избранном месте жительства по их выбору либо жилым помещением по договору социального найма, либо жилым помещением в собственность бесплатно[3]. Однако военнослужащие «до 1998 года» по-прежнему подлежали обеспечению жилыми помещениями только по договору социального найма.

Законодатель мог и не устранять данную разницу. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что разный порядок предоставления жилых помещений в период прохождения военной службы предопределяет и основания для установления различий в обеспечении жилыми помещениями при увольнении с военной службы как по месту ее прохождения, так и при перемене места жительства. Возникшая дифференциация в формах обеспечения жильем подлежащих увольнению с военной службы военнослужащих, заключивших первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г. и после этой даты, не влечет отступление от конституционного принципа равенства, поскольку данный принцип, гарантируя одинаковые права и обязанности для лиц, относящихся к одной категории субъектов права, не исключает возможность установления дифференцированного режима для различных категорий лиц, если такая дифференциация обусловлена объективными факторами и не носит произвольного, дискриминирующего характера[4]. Тем не менее, поправки в ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», позволяющие военнослужащим «до 1998 года» получать жилые помещения в собственность, были внесены и вступили в силу с 14 ноября 2013 г.

Вновь наше внимание обращает на себя большая временная разница между вступлением в силу новой нормы федерального закона и принятием в ее исполнение подзаконного нормативного правового акта. Определение Правительством Российской Федерации порядка признания лиц, указанных в абз. 3 и 2 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», нуждающимися в жилых помещениях и порядка предоставления им жилых помещений в собственность бесплатно последовало по истечении более полутора лет с момента вступления в силу нормы закона. Столь значительная задержка вызывает удивление тем, что поправки в Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512 носят преимущественно технический характер. Тем не менее, длительность внесения изменений не снизила степень их актуальности, необходимости и значимости для жилищного обеспечения военнослужащих.

Благодаря распространению действия Постановления Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512 на военнослужащих «до 1998 года» была удовлетворена потребность в нормативно-правовом регулировании на федеральном уровне порядка признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях по месту прохождения военной службы и их учета в федеральных органах исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. Необходимость введения единых правил, возможно, и не являлась настолько острой, ведь и в их отсутствие процесс жилищного обеспечения не был парализован, однако

[3] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 1 декабря 2008 г. № 225-ФЗ.

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цыбина Максима Леонидовича на нарушение его конституционных прав абзацем двенадцатым пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 14 мая 2013 г. № 694-О.

нельзя не признать позитивным упорядочение и регламентацию ими процедуры признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях. В отличие от порядка признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях по избранному месту жительства порядок признания нуждающимися в жилых помещениях по месту прохождения военной службы никогда ранее не регулировался отдельным нормативным правовым актом федерального межведомственного уровня. Статья 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» отсылала к общему порядку обеспечения жильем для постоянного проживания военнослужащих «до 1998 года». Федеральные органы исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, руководствовались Жилищным кодексом Российской Федерации (ЖК РФ) – единственным нормативным регулятором порядка признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, – который содержит много бланкетных норм, отсылающих к законодательству субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В таких правовых условиях было достаточно непросто найти единые правила и стандарты признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях и придерживаться их. С вступлением в силу новой редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512 такие правила появились.

Следует перечислить компоненты процесса принятия военнослужащих на учет нуждающихся в жилых помещениях по месту прохождения военной службы, которые получили обновленную правовую регламентацию в Правилах признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации:

– учетная норма площади жилого помещения, применяемая в целях признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях (п. 2);

– форма заявления о признании нуждающимся и принятии на учет (п. 3);

– перечень документов, прилагаемых к заявлению (пп. 3, 4);

– сроки на принятие решений о принятии на учет, отказе в принятии на учет, снятии с учета (пп. 5, 15);

– действия по намеренному ухудшению жилищных условий (п. 6);

– сроки уведомления о принятых решениях (пп. 7, 15);

– дата принятия на учет (пп. 9, 10);

– срок на сообщение об изменении сведений в ранее представленных документах (пп. 11, 12);

– основания для снятия с учета (п. 14).

В связи с появлением Правил признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации, которые охватывают все категории военнослужащих, за исключением участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (НИС), и распространяются на отношения по признанию военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях как по месту прохождения военной службы (за исключением служебных жилых помещений), так и по избранному постоянному месту жительства, справедливо поставить вопрос о действии ранее изданных нормативных правовых актов. Как указал в 2013 г. Конституционный Суд Российской Федерации, на военнослужащих – граждан Российской Федерации, обеспечиваемых на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями, распространяются Правила признания нуждающимися в жилых помещениях, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512. В отношении же иных военнослужащих продолжают применяться в части, не противоречащей действующему законодательству, Правила учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, а также военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы,

нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства (утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054).

В настоящее время в связи с расширением границ действия Постановления Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512, с нашей точки зрения, Правила, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054, в отношении военнослужащих применению не подлежат в связи с тем, что:

– *во-первых*, указанные Правила противоречат Федеральному закону «О статусе военнослужащих» в части, касающейся органа, уполномоченного на принятие решений о принятии военнослужащих на учет нуждающихся в жилых помещениях. Правилами определено, что таким органом являются созданные при органах местного самоуправления общественные комиссии по жилищным вопросам (п. 4), тогда как в соответствии с вышеназванным Федеральным законом военнослужащие признаются нуждающимися в жилых помещениях и принимаются на учет федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (абз. 13 п. 1 ст. 15);

– *во-вторых*, указанные Правила противоречат закону в части определения категории лиц, подлежащих признанию нуждающимися в жилых помещениях. Правила относят к таким лицам граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более в календарном исчислении; семьи военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, и семьи граждан, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, имевших общую продолжительность военной службы 20 лет и более в календарном исчислении; членов семей военнослужащих, погибших при выполнении задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах (п. 6). В то же время в соответствии с указанным Федеральным законом нуждающимися в жилых помещениях по избранному месту жительства могут быть признаны не являющиеся участниками НИС военнослужащие, подлежащие увольнению с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более, а также военнослужащие, подлежащие обеспечению на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и достигшие общей продолжительности военной службы 20 лет и более (абз. 3 и 12 п. 1 ст. 15);

– *в-третьих*, вышеназванные правила противоречат закону в части определения оснований для признания нуждающимися в жилых помещениях. Законом предписано признавать военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ (абз. 13 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих»). Правилами установлены иные основания, перечень которых шире и которые во многом не совпадают с основаниями, установленными законом (п. 7).

Переходя от общего взгляда на изменения, внесенные в Правила, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512, к их детальному разбору, обратим внимание на одну новеллу, которая, по нашему мнению, внесла принципиальную коррективу

в порядок признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях. Как уже было указано выше, ранее военнослужащие «до 1998 года» признавались нуждающимися в жилых помещениях в соответствии с нормами жилищного законодательства, которыми предписано применять учетную норму площади жилого помещения, установленную по месту жительства военнослужащего. В настоящее время в соответствии с п. 2 Правил признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации подлежит применению учетная норма площади жилого помещения, установленная в соответствии с законодательством Российской Федерации по месту прохождения военной службы. Очевидно, что данное изменение появилось в связи с необходимостью обеспечивать военнослужащих «до 1998 года» жилыми помещениями во время прохождения военной службы именно по месту прохождения военной службы. В этой связи необходимо установить значения понятия «место прохождения военной службы» применительно к отношениям по жилищному обеспечению военнослужащих.

Данному вопросу уже уделялось внимание в научной литературе. В частности, С.В. Корнишин писал, что в правовых актах, в которых применяется указанное и аналогичные ему понятия, их определения не содержатся. Отсутствие этих определений связано, очевидно, с тем, что в каждой конкретной правовой норме им придается такой смысл, который отличается теми или иными особенностями. Какое-либо единое понятие места военной службы вряд ли может быть одинаково точным во всех случаях создания и применения правовых норм. Используя формально-юридический метод, указанный правовед установил признаки места военной службы, к которым он отнес наименование воинской части и местность, в которой она расположена. Однако, по его мнению, данных признаков недостаточно, так как исследуемое понятие возможно рассмотреть с иных точек зрения. Применяя функциональный подход, указанный автор пришел к выводу, что местом военной службы является место исполнения военнослужащим обязанностей военной службы. Вместе с тем, он указал, что такое определение является излишне широким в силу установления законом целого ряда случаев, в которых военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы.

В связи с изложенным С.В. Корнишин считает, что среди всех возможных мест исполнения военнослужащим обязанностей военной службы необходимо определить такое, по которому военнослужащий исполняет указанные обязанности постоянно или преимущественно и реализует на постоянной основе большинство своих прав, обусловленных военной службой, где военно-служебные правоотношения с его участием являются наиболее длительными по времени по отношению ко времени их существования в иных местах исполнения обязанностей военной службы. Именно данное место будет являться местом прохождения военной службы, так как оно характеризуется такими предопределенными объективно признаками, как концентрация и наибольшая продолжительность существования военно-служебных правоотношений с участием военнослужащего.

Указанные признаки с учетом их объективной природы С.В. Корнишин полагает необходимым считать первичными. По отношению к ним наименование воинской части (условное или действительное) и местность, где она расположена, следует считать вторичными признаками, с использованием которых может определяться место военной службы. Первичным признакам должен принадлежать приоритет. Дифференциация указанных признаков на первичные и вторичные позволяет правильно определить место военной службы в случаях, когда воинская часть расположена вне пункта постоянной дислокации. Исходя из изложенного, указанный автор сделал вывод, что место военной службы военнослужащего – это пункт

постоянной дислокации воинской части (воинская часть, расположенная в пункте постоянной дислокации), в штате которой он состоит (в распоряжении командира которой находится), или место исполнения военнослужащим обязанностей военной службы на постоянной основе вне пункта постоянной дислокации воинской части, в штате которой он состоит[5].

Схожая трактовка понятия «место военной службы» встречается и в судебной практике. Основываясь на разъяснениях, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3, военные суды делали вывод, что под местом военной службы понимается обособленная территория, на которой расположена воинская часть и установленное за ее пределами место, в котором военнослужащий обязан находиться в связи с отданным приказом или в силу исполнения должностных обязанностей[6].

Для жилищных правоотношений единственно значимой является принадлежность места военной службы к конкретному муниципальному образованию Российской Федерации, т. е. нахождение территории воинской части или места, в котором исполняются основные должностные обязанности, в границах какого-либо города, городского округа, района, поселка и т. д. Только по данному показателю возможно определить размер учетной нормы площади жилого помещения, подлежащей применению для решения вопроса о признании военнослужащего нуждающимся в жилом помещении. При этом если использовать исключительно функциональный подход для установления места военной службы, то определение учетной нормы может стать невозможным. Например, если военнослужащий проходит военную службу за пределами Российской Федерации. Эта проблема может также коснуться моряков, подводников, летчиков и других военнослужащих, которые исполняют свои обязанности, в основном не находясь на территории одного определенного муниципального образования. Представляется, что в данном случае необходимо применять формальный подход и устанавливать место военной службы только по расположению воинской части, в штате которой состоит военнослужащий.

Однако существуют и противоположные ситуации, когда военнослужащий исполняет свои обязанности в определенном месте на территории конкретного муниципального образования, которое не совпадает с местом расположения воинской части. Такие ситуации характерны, например, для подразделений специальной связи и информации. Соответственно здесь необходимо применять функциональный подход для определения места военной службы.

Одной из целей военно-социальной работы является создание военнослужащему благоприятных жилищных условий, которые также позволяют ему своевременно прибывать на военную службу и к месту жительства без ущерба личному времени[7]. Для этого необходимо, чтобы военнослужащий имел жилье в максимальной близости от места основного исполнения своих должностных обязанностей. Полагаем, что, используя функциональный подход, органы военного управления будут достигать указанной цели.

Необходимо отметить, что предоставление жилья по месту прохождения военной службы, определяемому с точки зрения места основного исполнения должностных обязанностей, может войти в противоречие с интересами военнослужащих. Нам известно много примеров такой ситуации, когда военнослужащий числится в воинской части, дислоцированной в г. Москве, а фактически военную службу проходит в близ-

[5] *Корнишин С.В.* Место военной службы: что это такое? // Право в Вооруженных Силах. 2000. № 3. С. 32 – 48.

[6] Решение Брянского гарнизонного военного суда от 5 марта 2013 г. по делу № 2-65/2013; решение Брянского гарнизонного военного суда от 5 июня 2013 г. по делу № 2-117/2013.

[7] *Корякин В.М.* Право социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. М., 2005. С. 12 – 17.

лежащем городе-спутнике в Московской области. По вполне понятным причинам такой военнослужащий заинтересован в жилищном обеспечении по формальному, а не фактическому (функциональному) месту своей службы.

На основании изложенного можно сделать вывод, что после изменения порядка признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях возникла неопределенность в вопросе применения учетных норм площади жилого помещения. Отсутствие в законодательстве четкого определения понятия «место военной службы» применительно к сфере жилищного обеспечения военнослужащих, а также отсутствие такового в судебной практике, которой еще предстоит сформироваться, создает почву для усмотрения правоприменителем, что является коррупциогенным фактором. Выделенная нами новелла в нормативно-правовом регулировании жилищного обеспечения военнослужащих входит в противоречие с институтом нуждаемости в жилье. С нашей точки зрения, основой данного института является неразрывная связь между основаниями для признания гражданина нуждающимся и его постоянным местом жительства. В случаях когда место жительства военнослужащего не совпадает с местом его службы, такая связь нарушается. А такие случаи в настоящее время достаточно распространены.

Обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы делает гражданина нуждающимся именно по месту его жительства. При выезде в другое муниципальное образование, т. е. при смене места жительства, гражданин снимается с учета и утрачивает право на жилищное обеспечение, однако он может приобрести его вновь, если по новому месту жительства уровень обеспеченности будет ниже установленной в нем учетной нормы. Полагаем, что в новой редакции Правил признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации не совсем удачно соединены специальный статус военнослужащих с общим институтом нуждаемости в жилых помещениях. Связь учетной нормы не с местом жительства, а с местом прохождения военной службы на практике может породить казусные ситуации. К примеру, военнослужащий находится в таких жилищных условиях, которые по меркам учетной нормы муниципального образования, в котором он проживает, делают его нуждающимся в жилом помещении. Однако в силу прохождения военной службы в ином месте, где учетная норма установлена в меньшем размере, официально нуждающимся он признан быть не может. Возможна и обратная ситуация, когда военнослужащий фактически не нуждается в жилье, так как обеспечен более учетной нормы по месту жительства, однако имеет право на принятие на учет исходя из учетной нормы по месту службы. В данных ситуациях смысл института нуждаемости в жилье девальвируется.

Аналогичный вывод можно сделать и после анализа порядка принятия военнослужащих на учет нуждающихся в жилых помещениях по избранному постоянному месту жительства. Наличие у военнослужащего в соответствии с абз. 3 и 12 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» права на жилищное обеспечение по избранному месту жительства устанавливается в зависимости от учетной нормы площади жилого помещения по избранному им постоянному месту жительства. Военнослужащий свободен в выборе любого населенного пункта на территории Российской Федерации в качестве своего постоянного места жительства после увольнения с военной службы, включая и населенный пункт, в котором он проходит военную службу.

Учетные нормы, установленные органами местного самоуправления, сильно варьируются и никак не связаны с единой нормой предоставления военнослужащим площади жилого помещения и нормативом общей площади жилого помещения для расчета размера субсидии для приобретения или строительства жилого помещения

(жилищная субсидия). К примеру, в г. Екатеринбурге учетная норма установлена в размере 10 квадратных метров общей площади жилого помещения, а в г. Ангарске Иркутской области – 18 квадратных метров. Таким образом, военнослужащий, не нуждаясь в жилье по месту жительства или по месту службы, имеет возможность подобрать такой населенный пункт в качестве своего избранного постоянного места жительства, учетная норма которого позволит ему приобрести право на жилищное обеспечение. Одним из первых обратил внимание на данный нюанс нормативно-правового регулирования и подробно осветил его на страницах журнала «Право в Вооруженных Силах» Е.Н. Трофимов[8].

Со своей стороны отметим, что до появления жилищной субсидии как формы реализации жилищных прав признание военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях в соответствии с учетными нормами по избранному постоянному месту жительства не являлось диссонансом. Военнослужащие подлежали обеспечению только жилыми помещениями, расположенными по избранному месту жительства. Тем самым происходила реализация их права на перемену места жительства после увольнения с военной службы. С введением новой формы обеспечения – жилищной субсидии, расчет размера которой производится по экстерриториальному принципу, у военнослужащих появилась возможность приобрести жилое помещение в любом населенном пункте, а не только в избранном месте жительства. Действующее законодательство не предусматривает какого-либо механизма контроля за использованием жилищной субсидии по назначению и не содержит никаких санкций за приобретение военнослужащими жилья ненадлежащей площади и не по заявленному месту жительства. В результате адресат жилищной субсидии может без негативных для себя последствий конвертировать деньги в жилище не по избранному месту жительства, в котором он признан нуждающимся, а по текущему месту жительства, где у него отсутствуют основания для жилищного обеспечения. В данном случае можно констатировать нарушение ч. 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации.

С нашей точки зрения, разрешение возникшего противоречия заключается в установлении единой учетной нормы площади жилого помещения для военнослужащих. Законодателю надлежит определить такой уровень жилищной обеспеченности, при котором военнослужащий будет иметь право на жилищное обеспечение независимо от места прохождения военной службы, места жительства или избранного постоянного места жительства. Для федеральных государственных гражданских служащих такой уровень уже определен в размере 15 квадратных метров общей площади жилого помещения[9]. Объективных причин невозможности его распространения на военнослужащих нами не усматривается.

Информация

В Волгоградской области офицер приговорен к 7 годам лишения свободы

Доказательства, собранные военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Волгоградскому гарнизону, признаны судом достаточными для вынесения приговора военнослужащему старшему лейтенанту А. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) и пп. «а» и «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия и причинением тяжких последствий).

Судом установлено, что А. 19 августа 2014 года во время следования воинского эшелона предъявил подчиненному военнослужащему надуманные претензии по поводу пропажи дизельного топлива, приказав возместить его стоимость. Получив отказ, офицер нанес военнослужащему множественные удары кулаками в живот и шею, в результате которых он скончался.

Волгоградским гарнизонным военным судом А. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 7 лет с содержанием в исправительной колонии строгого режима.

[8] *Трофимов Е.Н.* О некоторых вопросах, связанных с избранием военнослужащими постоянным местом жительства после увольнения с военной службы населенного пункта, отличного от последнего места военной службы // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 6.

[9] Постановление Правительства Российской Федерации «О предоставлении федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения» от 27 января 2009 г. № 63.

О ПРОБЛЕМАХ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И НЕОБХОДИМОСТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Е.А. Глухов, старший преподаватель СПВИ ВВ МВД России, кандидат юридических наук, подполковник юстиции;
А.Е. Шныров, адъюнкт СПВИ ВВ МВД России, капитан юстиции

Бюрократизм – действия
правильные формально
и издевательские по существу.
В.И. Ленин

С чего бы начать настоящее повествование? С очередного описания фактов бюрократизма в нашей стране? С проблем при реализации военнослужащими своего права на жилище? С ситуации, в которой одни чиновники не могут или не желают наладить взаимодействие с другими чиновниками? Или начать с различного правового положения военнослужащих различных силовых ведомств в сфере жилищного обеспечения? А возможно – с противоречия между декларированием государством бесплатности получения жилья для военнослужащих[1] и реальной необходимостью тратить деньги на получение различных справок в процессе предоставления военнослужащему заветного жилья?

Все вышеперечисленные мысли будут приведены в представленной на суд читателя статье.

Итак, поводом для написания настоящей статьи послужила очередная бюрократическая проволочка, участником которой и стал один из авторов. Суть ее сводится к получению платных документов из государственных и муниципальных учреждений при постановке на жилищный учет. А спорный вопрос здесь заключается в следующем: должен ли эти документы получать сам военнослужащий, терять при этом на поездки за справками свои деньги и время, отрывать от привычных занятий себя и членов своей семьи или эту работу должна выполнять военная организация, осуществляющая постановку на жилищный учет? При всем этом такого рода справки (из учреждений Росреестра России, Бюро технической инвентаризации, Департамента жилищной политики г. Москвы и т. п.) самому военнослужащему не нужны – он и так знает, имеется ли у него жилье. Такие справки нужны военному ведомству для выполнения возложенной на него функции по жилищному обеспечению и ведения учета лиц, нуждающихся в получении жилья от военного ведомства.

Поясним подробнее.

Перспектива получения жилья от государства – один из главных стимулов для поступления на военную службу и удержания на военной службе многих тысяч наших сограждан. Причем ввиду большой социальной значимости жилища для человека и высокой его стоимости в денежном выражении жилье от военного ведомства пытаются получить как лица, действительно подпадающие под установленные законом

[1] Здесь и далее в настоящей статье под военнослужащими будут пониматься только военнослужащие – граждане Российской Федерации, проходящие военную службу по контракту.

критерии жилищного обеспечения, так и те, которые права на обеспечение жильем не имеют, однако либо непреднамеренно заблуждаются, полагая, что и им такое право положено, либо пытаются обмануть военное ведомство и незаконно получить жилье.

Российское законодательство гарантирует предоставление жилых помещений лишь: а) малоимущим и иным указанным в законе категориям; б) только тем из них, которые компетентными органами признаны нуждающимися в жилых помещениях (ст. 40 Конституции России).

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (редакции от 13 июля 2015 г.) в п. 1 ст. 15 также подтверждает данное конституционное положение и конкретизирует его. В нем указано, что жилищной субсидией, жилыми помещениями по договору социального найма или передаваемыми в собственность (это так называемое постоянное жилье) военнослужащие обеспечиваются при условии их признания нуждающимися в жилых помещениях в соответствии со ст. 51 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ). В свою очередь, в ст. 51 ЖК РФ перечислены те основания, которые дают право гражданину быть признанным нуждающимся в жилых помещениях; и все указанные основания связаны с проверкой вопроса о наличии у гражданина либо членов его семьи иного жилья.

Российский законодатель установил, что независимо от количества членов семьи, продолжительности военной службы, воинского звания, должности, наград и иных заслуг жилье от военного ведомства предоставляется только тем военнослужащим, которые не имеют другого жилья либо имеют жилье, площадь которого менее учетной нормы, либо не производили в недавнем прошлом действий по ухудшению своих жилищных условий.

В самом общем виде здесь действует следующее правило: при нахождении у военнослужащего или совместно с ним проживающего члена его семьи жилого помещения (на праве собственности или по договору социального найма площадью более учетной нормы в данной местности) либо при намеренном ухудшении ими жилищных условий, совершенном до пяти лет назад, такой военнослужащий не признается нуждающимся в жилых помещениях. Следовательно, он не может претендовать на получение постоянного жилья. А значит, на него не распространяются льготы и социальные гарантии, установленные для военнослужащих, признанных нуждающимися в жилых помещениях (например, запрет на увольнение таких военнослужащих без их желания с военной службы по определенным «льготным» основаниям, отсутствие права на выплату компенсации за наем жилых помещений после увольнения).

Как видно, ключевым условием получения права на жилищное обеспечение от государства является приобретение военнослужащим и членами его семьи статуса нуждающихся в жилых помещениях.

Согласно абз. 13 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие признаются нуждающимися в жилых помещениях в порядке, утверждаемом Правительством Российской Федерации. И действительно, 29 июня 2011 г. Правительство Российской Федерации издало Постановление № 512[2], в приложении № 1 к которому регламентирован данный вопрос. Однако здесь следует заметить, что только с 9 сентября 2015 г.[3] данный нормативный правовой акт стал распространяться на всех военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. До указанной даты (до 9 сентября 2015 г.) под его действие подпадали только военнослужащие, обеспечиваемые на весь период службы слу-

[2] Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации и предоставления им жилых помещений в собственность бесплатно» от 29 июня 2011 г. № 512 (в редакции от 28 августа 2015 г.).

[3] Дата вступления в силу Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512» от 28 августа 2015 г. № 900.

жебными жилыми помещениями: заключившие первый контракт после 1998 г. и выпускники военных вузов 1998 и последующих годов выпуска[4]. Ну и во-вторых, изначально данное Постановление было издано для регламентации вопроса обеспечения военнослужащих жилыми помещениями в собственность не касалось вопросов обеспечения их жильем по договору социального найма. В приложении № 2 к данному Постановлению приведены Правила предоставления военнослужащим жилых помещений в собственность бесплатно, Правила же предоставления военным ведомством жилых помещений по договорам социального найма Правительство Российской Федерации до настоящего времени не издавало.

Поскольку изменения в указанный выше документ только недавно вступили в силу и до сентября 2015 г. не существовало нормативного правового акта Правительства Российской Федерации о признании военнослужащих нуждающимися в предоставлении жилых помещений по договорам социального найма, то по данному вопросу было необходимо руководствоваться непосредственно ЖК РФ и приказами руководителей силовых министерств и ведомств.

Государство, гарантируя предоставление военнослужащим жилья, осуществляет указанную деятельность опосредованно, через свои органы. Так, например, на Главное командование внутренних войск МВД России возложена обязанность осуществлять меры по обеспечению конституционных прав, гарантий социальной защиты военнослужащих, организовывать их расквартирование, принимать меры по улучшению обеспечения жилой площадью военнослужащих[5]. Приказами руководителей военных ведомств функция по жилищному обеспечению военнослужащих делегирована подчиненным органам военного управления.

Таким образом, вся ответственность в вопросе принятия решений об обеспечении военнослужащих жильем в конечном итоге лежит на определенных должностных лицах военного ведомства. В целях принятия объективных решений по вопросам жилищного обеспечения и недопущения ущерба государству от предоставления жилья военнослужащим, не имеющим на него права, созданы специальные органы, которые занимаются именно постановкой на жилищный учет, ведением и контролем данного учета, распределением жилья. Но поскольку порядок предоставления военнослужащим жилых помещений устанавливается федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба (абз. 18 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих»), и, естественно, приказы руководителей силовых ведомств по данному вопросу различаются между собой, то в различных силовых ведомствах вопросами жилищного обеспечения военнослужащих занимаются разные организационные структуры и должностные лица с различными полномочиями и обязанностями. Обратим внимание на этот важный фактор, опосредованно влияющий и на права претендующих на жилье военнослужащих, которые фактически также различаются в зависимости от принадлежности к различным силовым министерствам и службам.

Начнем с первой стадии жилищных правоотношений военнослужащих – изъявление желания получить жилье, постановка на жилищный учет. Право на жилище носит заявительный характер, осуществляется по заявлениям граждан, которые желают получить жилое помещение от государства.

В различных силовых ведомствах заявление (рапорт) о постановке на жилищный учет (о признании нуждающимся в жилых

[4] Более подробно анализ данного документа см.: *Глухов Е.А., Корякин В.М.* Определен порядок признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях и предоставления жилья в собственность бесплатно // Право в Вооруженных Силах. 2011. № 8. С. 36 – 40.

[5] Положение о Главном командовании внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 3 марта 1999 г. № 281.

помещениях) военнослужащий адресует в различные структуры: в Вооруженных Силах Российской Федерации – в Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации (ДЖО Минобороны России) и подчиненные ему Региональные управления жилищного обеспечения (РУЖО), в иных силовых ведомствах – в жилищные (жилищно-бытовые) комиссии[6]. И если в Вооруженных Силах Российской Федерации Департамент жилищного обеспечения и РУЖО созданы по территориальному принципу, имеют свой обособленный штат, организационно-правовую структуру юридического лица или его филиала, выполнение функции постановки на жилищный учет и распределение жилья является для них основным видом деятельности, то жилищные комиссии существуют на внештатной основе, их участники выполняют обязанности по ведению жилищного учета сверх обязанностей по занимаемым должностям, практически не отвечают за последствия принимаемых ими решений, решения жилищных комиссий в основном вступают в силу лишь после утверждения их командиром воинской части. Главное же отличие жилищных комиссий от структур жилищного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации состоит в том, что жилищные комиссии во взаимоотношениях со сторонними лицами не обладают правоспособностью. Жилищные комиссии не являются юридическими лицами, не являются они даже структурными подразделениями юридического лица (их просто нет в штатах военных организаций); вместе с тем, решения они принимают большинством голосов коллегиально, то есть нельзя свести их действия и к действиям отдельных членов комиссии или ее председателя.

В ракурсе настоящей статьи здесь важно то, что полномочия по жилищному учету возложены именно на жилищные комиссии, а не на командира воинской части, который сам не вправе принять решение за жилищную комиссию и даже не рассматривает поступившие в жилищную комиссию документы, однако только командир части может вести служебную переписку со сторонними организациями от имени или в интересах жилищной комиссии.

А любым квартирным органам необходимы сведения из сторонних организаций. Во-первых, в целях проверки сведений, представленных самим заявителем-военнослужащим, и выявления оснований для отказа в обеспечении этого военнослужащего жильем. Ведь в условиях большой значимости для любого человека жилья, высокой стоимости жилых помещений, а также естественного желания военнослужащего получить жилье от армии, даже путем обмана государства (обмануть государство в русской культуре не грех), многие военнослужащие представляют в квартирные органы только выгодные для себя документы, только документы, свидетельствующие об их праве на получение жилья, «забывая» представить документы, свидетельствующие в жилищном вопросе не в их пользу. Во-вторых, уже в период нахождения военнослужащего на жилищном учете могут произойти события, влекущие его снятие с такого учета: получение им квартиры по наследству, покупка жилья на собственные деньги, уменьшение состава семьи и т. д. В-третьих, иногда сам военнослужащий может и не знать о такого рода событиях со стороны своих членов семьи либо эти события могут по-разному трактоваться военнослужащим и квартирными органами.

Квартирным органам необходимы, в частности, документы о правах военнослужащих-заявителей и членов их семей на жилые помещения по месту службы военнослужащего (в случае решения вопроса об обеспечении военнослужащего служебным жильем) или на территории всей Российской Федерации (в случае решения вопроса об обеспечении военнослужащего жилым помещением по договору социального найма или в собственность). Указанные

[6] Далее – квартирные органы.

сведения содержатся в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее – ЕГРП), полномочиями по предоставлению такого рода сведений обладают учреждения Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии[7] (далее – учреждения Росреестра России).

Проблемным вопросом здесь как раз и является распределение бремени обязанностей по получению документов из учреждений Росреестра России. Этот вопрос довольно противоречив, вызывает разночтения и добавляет проблемы лицам, претендующим на получение жилья.

Сразу необходимо сделать оговорку, что не все военнослужащие и члены их семей испытывают подобные трудности. Так, военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации при постановке на жилищный учет не должны (но могут самостоятельно) представлять в квартирные органы выписки из ЕГРП в отношении себя и членов своих семей. Приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280[8] определен перечень тех документов, которые должен представлять сам военнослужащий в квартирные органы, и среди них нет документов из Росреестра. Точнее, в первоначальной редакции указанного приказа это требование содержалось, но ввиду признания его коррупциогенным в части установления в нем трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам, предъявляемых для реализации принадлежащих им прав, по требованию органов военной прокуратуры Министр обороны Российской Федерации внес изменения в свой же приказ 2010 г. № 1280, в том числе об отмене требований представлять справки из Росреестра и БТИ для признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях по договорам социального найма[9].

Как пояснил 8 июня 2012 г. заместитель директора ДЖО Минобороны России Н. Мельников, «в 2011 году решен целый ряд серьезных проблемных вопросов в области нормативно-правового регулирования жилищного обеспечения военнослужащих. В частности, с внесением изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» военнослужащие освободились от материальных и временных затрат на получение выписок из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Теперь Минобороны России самостоятельно получает информацию о наличии либо отсутствии в собственности у военнослужащих жилых помещений без участия в этом процессе военнослужащих и членов их семей»[10].

Заместитель Министра обороны Российской Федерации Т. Шевцова в своем интервью от 16 сентября 2011 г. также сообщила об очередной инициативе Минобороны России, которая должна облегчить бюрократические препоны для «служивых». К настоящему времени определен четкий и понятный перечень документов, позволяющий военнослужащему не тратить месяцы на их получение. Одним из документов, который ранее было необходимо представить для получения заветного «ключика от квартиры», являлась справка из Росреестра. В документе представлялась информация о жилищной собственности военнослужащего. Получить ее было непросто, да еще и небесплатно. Стоила она около 1 500 руб. на человека. Соответственно если в семье насчитывается, например, четыре человека, 6 тыс. руб. как не бывало. В настоящий момент Минобороны России и Росреестр заключили соглашение, по которому «военные» сами отправляют запрос на эту информацию, полностью исключая из этого

[7] Пункт 1 приложения к Постановлению Правительства Российской Федерации «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» от 1 июня 2009 г. № 457.

[8] Приказ Министра обороны Российской Федерации «О предоставлении военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации жилых помещений по договору социального найма и служебных жилых помещений» от 30 сентября 2010 г. № 1280.

[9] Приказ Министра обороны Российской Федерации от 15 апреля 2011 г. № 509.

[10] URL: /http://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=11175449@egNews

неприятного процесса своих подопечных. Эта операция бесплатна, т. е. эту работу организовали в рамках обмена между двумя ведомствами и придали этому официальный статус. Теперь военнослужащему достаточно представить сведения о себе и написать, что ни он, ни члены его семьи не обладают собственностью на территории Российской Федерации. Если же обладают, то следует это указать. Эта информация проверяется в Росреестре. Если информация подтверждается, соответственно с военнослужащим заключается договор социального найма[11].

Перечисляя все указанные инициативы, Т. Шевцова выразила уверенность, что они значительно облегчат жизнь военнослужащим[12].

Вместе с тем, данные инициативы в нормативном регулировании процесса жилищного учета коснулись только военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, поскольку изменения в части отмены требования излишних документов были внесены именно в приказ Министра обороны Российской Федерации[13]. Обычные же граждане, слушая выступления должностных лиц Минобороны России в телеэфире, могли подумать, что проблема с получением излишних и платных документов решена во всех силовых структурах.

Однако в некоторых других федеральных органах исполнительной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы, бремя получения документов из сторонних организаций *по умолчанию и не всегда законно* возлагается на самого военнослужащего, претендующего на получение жилья.

Так, например, во внутренних войсках МВД России нормативно не конкретизирован исчерпывающий перечень документов, который должен предоставлять сам военнослужащий для признания его нуждающимся в жилых помещениях. Согласно п. 19 Инструкции об организации работы по обеспечению жилыми помещениями во внутренних войсках МВД России[14] для принятия на учет нуждающихся в жилых помещениях военнослужащими подается в порядке подчиненности рапорт с резолюцией непосредственного начальника. К рапорту прилагаются копия справки о сдаче жилого помещения и другие документы, относящиеся к решению данного вопроса.

Какие именно документы относятся к решению «данного вопроса», ведомственная Инструкция не разъясняет. По сложившейся практике квартирные органы требуют у военнослужащего, кроме справки о сдаче предыдущего жилья, еще:

– копию паспорта самого военнослужащего и всех членов его семьи (свидетельств о рождении);

– копию свидетельства о заключении брака;

– выписки из личного дела о прохождении военной службы;

– копии приказов о зачислении в списки личного состава воинской части;

– справку о составе семьи;

– выписку из домовой книги;

– копию финансового лицевого счета с места жительства военнослужащего;

– выписку из ЕГРП, выдаваемую учреждениями Росреестра России;

– справки из учреждений БТИ и им подобных со всех мест жительства и прохождения военной службы военнослужащего о наличии у него права на жилые помещения;

– иные документы по усмотрению жилищных комиссий.

Причем, с учетом отношений власти-подчинения между заявителем-военнослужащим и его командованием, в том числе и заместителем командира воинской части по тылу (обычно именно это должностное лицо возглавляет жилищную комиссию),

[11] Интервью Т. Шевцовой «По закону и справедливости» // Красная звезда. 2011. 22 июня.

[12] URL: /http://www.oboznik.ru/?p=10589

[13] По данным автора, Минобороны России заключило соглашение о взаимодействии с Росреестром России 25 мая 2010 г.

[14] Утверждена приказом МВД России «Об организации работы по обеспечению жилыми помещениями во внутренних войсках МВД России» от 12 февраля 2010 г. № 75.

все документы, даже те, которые нужно взять из соседнего кабинета штаба воинской части, все равно должен собрать сам военнослужащий и сам же представить их в квартирный орган. Некоторые справки военнослужащий заказывает, получает, выпрашивает в одном кабинете, чтобы всего лишь передать их в другой кабинет своего же штаба. Бюрократическая военная организация не проявляет никакого интереса к улучшению результатов своей деятельности за счет удовлетворения потребностей обратившегося за реализацией своих прав военнослужащего.

Однако вернемся к рассмотрению вопроса о получении самых дорогих (в прямом смысле этого слова) документов – выписок из ЕГРП, выдаваемых учреждениями Росреестра. Стоимость такой выписки на одного члена семьи военнослужащего – 1 500 руб.

Как было указано выше, такие выписки из ЕГРП в Вооруженных Силах Российской Федерации получаются квартирными органами самостоятельно, во внутренних войсках МВД России – за деньги самими военнослужащими[15]. В связи с этим возникают вопросы: соответствует ли законодательству требование к военнослужащему платить деньги за бесплатное обеспечение его жильем? И допустима ли такая ситуация, когда равные субъекты (военнослужащие разных военных ведомств) поставлены в неравные условия в вопросе реализации одного и того же социального права?

Для ответа на первый вопрос необходимо обратиться к п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которому Российская Федерация гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета. ЖК РФ закрепляет, что органы государственной власти, обеспечивая в пределах своих полномочий условия для осуществления права на жилище, используют бюджетные средства и иные не запрещенные законом источники денежных средств для улучшения жилищных условий граждан (пп. 2 и 3 статьи 2). В п. 4 ст. 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» указано, что реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, в том числе и по вопросам их жилищного обеспечения, возлагается на командиров, органы государственной власти, органы местного самоуправления в пределах их полномочий. Как было указано выше, полномочия по жилищному обеспечению военнослужащих возложены на квартирные органы военного ведомства.

Кроме того, учитывая многолетнюю практику бесплатного предоставления военнослужащим жилых помещений по установленным нормам и отсутствие новых норм Федерального закона «О статусе военнослужащих», отменяющих данное правило, приходим к выводу, что военнослужащие имеют право именно на бесплатное обеспечение их жильем. И поскольку стадия постановки в очередь нуждающихся в жилых помещениях также входит в процесс жилищного обеспечения, то и на этой стадии должен соблюдаться принцип бесплатности реализации своего права на жилище для военнослужащего.

Более того, обращение гражданина, в том числе и военнослужащего, в государственный орган власти в целях реализации принадлежащего ему права является основанием для оказания ему государственной услуги. Согласно абз. 2 ст. 2 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г.) под государственной услугой понимается, в частности, деятельность по реализации функций федерального органа исполнительной власти при осуществлении отдельных государственных полномочий, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных норматив-

[15] Из этого общего правила есть исключения. Так, например, для военнослужащих, проходящих военную службу непосредственно в Главном командовании внутренних войск МВД России, такие документы запрашиваются и получаются квартирными органами. Учреждения Росреестра России представляют их без особых проблем, поскольку запрос осуществляется непосредственно подразделением федерального министерства.

ными правовыми актами полномочий органов, предоставляющих государственные услуги.

С вступлением в силу названного Закона государственные услуги должны предоставляться на бесплатной основе. В соответствии со ст. 7 указанного Закона публичные органы власти (в том числе и квартирные органы военных ведомств) более не вправе требовать от заявителя:

1) представления документов и информации или осуществления действий, которые не предусмотрены нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в связи с предоставлением государственных услуг;

2) представления документов и информации, в том числе подтверждающих внесение заявителем платы за предоставление услуг, которые находятся в распоряжении органов, предоставляющих государственные услуги, иных государственных органов либо подведомственных им организаций (за исключением, оговоренным в самом Законе);

3) осуществления действий, в том числе согласований, необходимых для получения государственных услуг и связанных с обращением в иные организации (за исключением случаев, оговоренных в самом Законе).

Рассмотрение заявления (запроса) военнослужащего по вопросам реализации им своих жилищных прав (в том числе о постановке его на учет нуждающихся в жилых помещениях) по своему характеру является рассмотрением обращения, а эта деятельность безоговорочно признается государственной услугой. Подтверждением тому служит и название услуги «Принятие на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях» в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 797[16]. Такого рода государственные услуги числятся и в Портале государственных услуг Российской Федерации (http://www.gosuslugi.ru/) в более чем 100 муниципальных образований. В Общероссийском классификаторе услуг населению ОК 002-93 (утвержден постановлением Госстандарта России от 28 июня 1993 г. № 163) услуга по предоставлению нанимателю жилого помещения приведена под номером 0411012 и располагается в группе жилищно-коммунальных услуг.

Верховный Суд Российской Федерации, в одном из своих дел рассматривая жилищный спор о соответствии федеральному законодательству положений постановления Правительства Москвы по жилищному вопросу, сравнивал оспариваемую норму постановления именно с законом о предоставлении государственных и муниципальных услуг и признал ее соответствующей закону[17].

По мнению авторов, деятельность по принятию на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлению военнослужащим жилья осуществляется квартирными органами систематически и является государственной услугой по реализации военнослужащими своего права на жилище.

Согласно ч. 4 ст. 52 ЖК РФ (в редакции, действующей с 1 января 2013 г.) для принятия на жилищный учет должны быть представлены документы, подтверждающие право граждан состоять на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях по договорам социального найма, кроме документов, получаемых по межведомственным запросам органом, осуществляющим принятие на учет. Органом, осуществляющим принятие на учет, самостоятельно запрашиваются документы (сведения), необходимые для принятия гражданина на учет, в органах государственной власти и местного самоуправления и подведомственных

[16] Постановление Правительства Российской Федерации «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления» от 27 сентября 2011 г. № 797.

[17] Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2014 г. № 5-АПГ13-56 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=578818.

им организациях, если такие документы не были представлены заявителем по собственной инициативе.

Даже если рассматривать заявление о постановке военнослужащего на жилищный учет просто как обычное обращение гражданина в государственный орган, то и тогда деятельность по получению необходимых справочных документов по рассмотрению обращения все равно возлагается на орган, рассматривающий обращение. Как указывалось в определении Верховного Суда Российской Федерации от 5 октября 2011 г. № 56-Г11-16[18], «органы государственной власти, предоставляющие государственные услуги, вправе требовать от заявителя в обязательном порядке представления лишь тех документов, перечень которых прямо предусмотрен ч. 6 ст. 7 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Иные же документы, в данный перечень не входящие, должны быть получены соответствующими государственными органами самостоятельно. В силу п. 2 ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[19] государственный орган или должностное лицо вправе запрашивать необходимые для рассмотрения обращения документы и материалы в других государственных органах, за исключением судов, органов дознания и органов предварительного следствия».

Таким образом, органы, принимающие граждан на жилищный учет, в том числе и квартирные органы, более не вправе требовать от заявителей представления тех документов, которые они могут получить самостоятельно по межведомственным запросам. Обеспечение социальных прав человека должно быть гарантировано государственной властью вне зависимости от платежеспособности соответствующего лица. Из этого следует, что коммерциализация деятельности по реализации гарантированных государством прав недопустима. Государство существует, в частности, для реализации социальной политики, а не для зарабатывания денежных средств на этой деятельности.

Однако на практике все не так гладко, как в теории. Даже при согласии командования и жилищной комиссии самостоятельно получить документы по межведомственному запросу здесь возможны проблемы. Поясним на примере ситуации, в которой оказался один из авторов (далее – автор), при попытке встать на жилищный учет.

Представив в жилищную комиссию весь пакет документов, подтверждающих право быть нуждающимся в жилых помещениях, кроме выписок из ЕГРП, автор одновременно просил командование военного института направить запрос в учреждение Росреестра России о предоставлении указанных выписок в отношении его и членов его семьи. Командование пошло навстречу автору и направило такой запрос, однако спустя месяц на него был получен ответ об отказе в предоставлении запрашиваемой информации по трем основаниям:

а) запрос был написан в форме текстового обращения, а не по установленной для таких запросов форме, указанной в приказе Минэкономразвития России от 14 мая 2010 г. № 180[20];

б) запрос был подписан председателем жилищной комиссии, а не руководителем военного института;

в) к запросу не был приложен документ, подтверждающий внесение платы за предоставление информации учреждением Росреестра России.

Начальник военного института подписал новый запрос. На сей раз – по установленной форме, с приложением к нему доверенностей от автора и членов его семьи на по-

[18] URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=463546

[19] Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (в редакции от 24 ноября 2014 г.).

[20] Приказ Минэкономразвития России «Об установлении порядка предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 14 мая 2010 г. № 180 (в редакции от 3 июля 2015 г.).

лучение и обработку персональных данных, запрашиваемых из учреждения Росреестра России. Кроме того, к запросу было приложено обоснование необходимости получения военным институтом такого рода сведений.

На этот раз камнем преткновения остались только платность получения запрашиваемых выписок из ЕГРП и полномочия воинской части запрашивать данные сведения.

По мнению чиновников Росреестра, за получение указанных сведений в любом случае должен был кто-то платить: военнослужащий или его военная организация – не суть важно. По мнению же автора, выдача информации должна быть бесплатной, так как это действие фактически осуществляется в рамках межведомственного взаимодействия в соответствии с Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Следует согласиться с мнением С.А. Белова о том, что услуга не должна становиться юридически обязательной для гражданина, особенно в условиях, когда гражданин эту услугу должен оплачивать. Государство в такой ситуации не должно использовать свои властные полномочия, чтобы заставлять гражданина оплачивать получение услуги именно у государства.

Властные полномочия не должны использоваться для навязывания услуги и путем совмещения контрольно-надзорной деятельности с деятельностью по оказанию услуг. В этом случае может возникать противоречие между интересами всего государства и интересами конкретного ведомства, оказывающего услугу, за которую гражданин обязан заплатить. Оказание государственной услуги не может приносить прибыль и быть выгодно государству, но оно может быть выгодно для конкретного ведомства, получающего в дополнение к бюджетному дополнительный источник непосредственного финансирования[21].

Лично автору совсем не нужны были запрашиваемые военным институтом сведения, он и так знал, что не владеет недвижимостью ни в России, ни за рубежом. Поэтому автор и не имел желания платить 6 тыс. руб. (за семью из четырех человек) только лишь за то, чтобы заказать документ, в качестве курьера привезти его из учреждения Росреестра России и отдать в квартирный орган.

За разъяснением ситуации автор обратился с письменными запросами в Росреестр России, Минэкономразвития России, к Уполномоченному по правам человека по г. Санкт-Петербург, в электронное правительство. Все инстанции, кроме Уполномоченного по правам человека в г. Санкт-Петербург, не усмотрели каких-либо нарушений в требовании получения платных документов от военнослужащих.

Анализ судебной практики в различных регионах России позволяет прийти к выводу о том, что проиллюстрированная автором проблема характерна не только для г. Санкт-Петербурга. Во многих регионах нашей Родины суды различного уровня рассматривали споры между командирами воинских частей и чиновниками Россреестра России о предоставлении выписок из ЕГРП на подчиненных военнослужащих. И суды, как правило, удовлетворяют требования командиров воинских частей[22]. Свою позицию суды мотивировали следующим образом:

Командиры воинских частей, являющихся территориальными органами федерального органа исполнительной власти, представляя интересы войсковой части в организациях и государственных органах, в рамках исполнения возложенных обязанностей по обеспечению социальных гарантий военнослужащих в области прав на жили-

[21] *Белов С.А.* Принципы правового регулирования деятельности по оказанию государственных услуг // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сб. / под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М., 2007. С. 76.

[22] Апелляционное определение Иркутского областного суда от 25 декабря 2014 г. по делу № 33-10357/2014 [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-irkutskij-oblastnoj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-467743829/.

ще имеют право на получение сведений о правах отдельного лица на имеющиеся или имевшиеся у него объекты недвижимости, если соответствующие сведения необходимы для осуществления полномочий в установленной сфере деятельности. Тем более если сам подчиненный военнослужащий дал согласие на обработку и получение командованием своих персональных данных.

В п. 3 Правил признания нуждающимися в жилых помещениях военнослужащих – граждан Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512, приведен список документов, представляемых военнослужащим для постановки на жилищный учет, в котором отсутствует уведомление из ЕГРП в связи с тем, что данная выписка запрашивается органом, осуществляющим принятие на учет самостоятельно.

Схожее требование содержится и в ч. 4 ст. 52 ЖК РФ. Именно органом, осуществляющим принятие на жилищный учет, самостоятельно запрашиваются документы (их копии или содержащиеся в них сведения), необходимые для принятия гражданина на учет, в органах государственной власти, органах местного самоуправления и подведомственных им организациях, в распоряжении которых находятся данные документы (их копии или содержащиеся в них сведения), если такие документы не были представлены заявителем по собственной инициативе.

Отказ регистрационной службы в предоставлении сведений о правах отдельных лиц на имеющиеся (имевшиеся) у них объекты недвижимости препятствует заявителям в осуществлении полномочий по решению вопроса о принятии на учет военнослужащих, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и предоставлении им жилых помещений.

Согласно абз. 5 ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (в редакции от 13 июля 2015 г.) сведения о содержании правоустанавливающих документов, обобщенные сведения о правах отдельного лица на имеющиеся или имевшиеся у него объекты недвижимости предоставляются должностным лицам федеральных органов исполнительной власти, их территориальных органов, если соответствующие сведения необходимы для осуществления полномочий данных органов в установленной сфере деятельности, в том числе для предоставления государственных или муниципальных услуг.

Из анализа приведенных положений названного Закона, которые подлежат применению в их системном единстве, следует, что действующее законодательство, предоставляя военнослужащим гарантии обеспечения жилыми помещениями, возлагает на государство в лице уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, обязанность по учету нуждающихся в жилье военнослужащих в соответствии с требованиями, в частности, жилищного законодательства.

Кроме того, в соответствии с п. 12.1 Временного порядка оформления и предоставления во внутренних войсках МВД России служебных жилых помещений или жилых помещений в общежитии, утвержденного приказом главнокомандующего внутренними войсками МВД России от 8 октября 2014 г. № 412, военнослужащие и члены их семей вправе по собственной инициативе представлять в жилищную комиссию выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним о правах военнослужащего и членов его семьи на жилые помещения в населенном пункте по месту расположения воинской части, в которой военнослужащий проходит военную службу, и в близлежащих населенных пунктах.

При этом согласно п. 12.3 названного Временного порядка жилищной комиссией самостоятельно запрашиваются документы, указанные в пп. 12.1 и 12.2 данного по-

рядка, в органах государственной власти, органах местного самоуправления и подведомственных им организациях, в распоряжении которых находятся данные документы (их копии или содержащиеся в них сведения), если такие документы не были представлены военнослужащими и членами их семей по собственной инициативе.

В силу п. 36.6 Общего положения о соединении и воинской части внутренних войск МВД России, утвержденного приказом МВД России от 15 ноября 2003 г. № 884[23], командир воинской части представляет интересы воинской части в организациях и государственных органах.

Таким образом, выполнение жилищной комиссией воинской части функции по постановке на учет лиц, нуждающихся в жилых помещениях по месту прохождения военной службы, предполагает наличие у командира воинской части права самостоятельно запрашивать документы, необходимые для реализации мер социальной защиты военнослужащих в сфере жилищных отношений, в том числе и выписки из ЕГРП.

После продолжительной и упорной переписки автора со многими должностными лицами, после совещаний и переговоров Управление Росреестра по Санкт-Петербургу письмом от 24 июля 2015 г. № 2-10408з-15 выразило свою позицию о возможности предоставления выписок из ЕГРП по запросам воинских частей бесплатно. Автор не заплатил за справки из Росреестра ни копейки денег, но потерял три месяца на ожидание получения справок, переписку и жалобы.

Итак, в настоящей статье показана пусть небольшая, но победа над бюрократической машиной, здравый смысл одержал победу над казуистикой и нестыковкой законодательства. Хотелось бы, чтобы подобный подход применялся и в других аналогичных ситуациях. Если законодательство можно трактовать по-разному, то решение в споре граждан и государственного органа должно приниматься в пользу граждан.

А чтобы предупредить конфликтные ситуации в данных отношениях необходимо, по мнению автора, конкретизировать законодательство о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и законодательство о полномочиях квартирных органов. В этих целях необходимо прописать в законе право командования военных организаций получать сведения о недвижимом имуществе своих подчиненных в целях ведения жилищного учета. Ведь, как не раз подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, обязанности публичной власти по обеспечению реализации гражданами, относящимися к каждой определенной законодательством категории, права на жилище должны быть также четко определены законом[24].

Информация

В Камчатском крае задержан военнослужащий, самовольно оставивший место службы

ВСУ по ТОФ задержан военнослужащий матрос Д., подозреваемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части).

Следствием установлено, что в июле 2004 года во время хозяйственных работ матрос Д., желая уклониться от прохождения военной службы, самовольно оставил воинскую часть и в течение 11 лет скрывался от правоохранительных органов, проживая в лесном массиве недалеко от г. Петропавловска-Камчатского. В результате мероприятий, проведенных сотрудниками уголовного розыска УМВД России по Камчатскому краю и военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, указанный военнослужащий 30 ноября 2015 года задержан.

В настоящее время по уголовному делу проводятся следственные и иные процессуальные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего, решается вопрос об избрании в отношении Д. меры пресечения.

[23] Приказ МВД России «Об утверждении Общего положения о соединении и воинской части внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 15 ноября 2003 г. № 884.

[24] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности статей 4, 5 и пункта 5 статьи 14 Федерального закона «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» в связи с запросами Правительства Волгоградской области и Правительства Сахалинской области» от 24 декабря 2013 г. № 30-П.

О НОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, ПОЗВОЛЯЮЩЕМ УВОЛЬНЯТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ БЕЗ ЖИЛЬЯ

А.В. Федорович, юрист, подполковник юстиции запаса, помощник депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

В апреле 2015 г. завершилась многолетняя, без преувеличения, борьба органов военного управления против положения, содержавшегося в абз. 2 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (далее – Закон о статусе военнослужащих), которое предусматривало, что «военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений».

Федеральным законом «О внесении изменений в статью 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и статью 15 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам военной службы в органах военной прокуратуры и военных следственных органах Следственного комитета Российской Федерации» от 20 апреля 2015 г. № 97-ФЗ, «стремительно» принятым Государственной Думой 10 апреля 2015 г. сразу во втором и третьем чтениях и одобренным Советом Федерации 15 апреля 2015 г., дан «зеленый свет» на увольнение упомянутой категории военнослужащих с военной службы без предоставления им жилых помещений. Следует учесть, что с момента поступления законопроекта из Правительства Российской Федерации в Государственную Думу до принятия в виде закона прошел всего лишь месяц, что для практики работы нижней палаты парламента крайне необычно.

В редакции вышеназванного Закона № 97-ФЗ абз. 2 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» изложен в следующей редакции:

«Военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, состоящие на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях в федеральном органе исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии, за исключением случаев, предусмотренных абзацем третьим настоящего пункта. При желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы они обеспечиваются жилыми помещениями по избранному месту жительства в порядке, предусмотренном пунктом 14 статьи 15 настоящего Федерального закона».

Что же это за «случаи, предусмотренные абзацем третьим настоящего пункта»? А вот они.

«В случаях, если военнослужащие-граждане, указанные в абзаце втором настоящего пункта, отказались от предложенного

жилого помещения, расположенного по месту военной службы или по избранному месту жительства, которое соответствует требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, либо отказались от жилищной субсидии или не представили документы, необходимые для предоставления жилого помещения или жилищной субсидии, в течение 30 дней с даты уведомления их федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, о готовности предоставить жилое помещение или жилищную субсидию, не считая периода временной нетрудоспособности военнослужащих-граждан, пребывания их в отпуске, в служебной командировке и иных обстоятельств, объективно исключающих возможность представления указанных документов (в том числе времени проведения мероприятий, связанных с получением военнослужащими-гражданами указанных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях, уполномоченных на выдачу таких документов), согласия таких военнослужащих-граждан на увольнение с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии не требуется. При этом порядок уведомления военнослужащих-граждан о готовности предоставить им жилое помещение или жилищную субсидию и представления военнослужащими-гражданами документов, необходимых для предоставления жилого помещения и жилищной субсидии, устанавливается федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба. Указанные военнослужащие-граждане в случае их увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии обеспечиваются жилыми помещениями в форме и порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом».

Ключевые слова в этом новом, третьем, абзаце п. 1 ст. 23 – «если военнослужащие… *отказались от предложенного жилого помещения, … либо отказались от жилищной субсидии* (курсив мой. – *А. Ф.*)». Из текста закона следует, что достаточно *одного* такого отказа и военнослужащего командование вправе с легкой душой уволить без жилья.

Также военнослужащего можно будет уволить с военной службы, если он не успел представить документы, необходимые для предоставления жилого помещения или жилищной субсидии, в течение 30 дней с даты его уведомления командованием о готовности предоставить ему жилое помещение или жилищную субсидию.

По сути, вышеназванный Закон лишил военнослужащего права выбора – подходит ли ему и его семье эта квартира или можно решить вопрос о предоставлении ему иного жилья. Жесткие формулировки Закона позволяют уволить военнослужащего сразу после отказа или истечения вышеуказанных 30 дней, даже если его позиция более чем обоснованна. При направлении командованию аргументированных возражений именно против предоставляемого жилья (к примеру, отсутствие подведенных к построенному в чистом поле или на окраине какого-нибудь небольшого поселения дому коммуникаций, неподключение к дому воды или электричества, даже несоответствие проекту, наличие конструктивных недоделок, нарушение строительных или санитарных норм и т. п.) у военнослужащего мало шансов избежать увольнения, потому что его рапорт скорее всего будет рассмотрен, когда эти 30 дней уже истекут, а кадровый орган подготовит и, вполне возможно, уже реализует приказ о его увольнении.

Автор законопроекта – Минобороны России – не особо скрывал, что названный

Закон направлен, прежде всего, против «распоряженцев», т. е. военнослужащих, зачисленных в распоряжение соответствующих командиров; но никто этим военнослужащим должностей предлагать не собирается, однако и уволить их не могут вследствие требования закона о необходимости предварительного обеспечения их жильем. На начало апреля 2015 г. в очереди на получение жилья в Минобороны России находились 35 тыс. военнослужащих, из них почти 40 % (13,8 тыс. человек)[1] являлись «распоряженцами». Законом количество отказов военнослужащих от предоставляемого жилья не было регламентировано, что позволяло военнослужащим неоднократно отказываться от предложенного жилья и заставляло военные структуры, ответственные за распределение жилья, заниматься самодеятельностью и придумывать для военнослужащих байки, что они могут якобы отказываться от жилья не более 2 – 3 раз, иначе вообще будут лишены права на него. Люди с менее стойкой нервной системой «покупались» на это и давали согласие на неподходящие для них квартиры, другие продолжали отстаивать свои права, превращаясь в обузу и чуть ли не личных врагов для командиров, кадровиков и офицеров, занимающихся распределением жилья.

Следует отметить, что новый Закон является логическим продолжением ряда законопроектов, подготовленных Минобороны России в 2009 – 2010 гг., основной смысл которых состоял именно в исключении из Федерального закона «О статусе военнослужащих» (далее – Закон о статусе военнослужащих) абз. 2 п. 1 ст. 23, что позволило бы увольнять с военной службы военнослужащих, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более и которые нуждаются в улучшении жилищных условий, без их согласия без предоставления им жилых помещений.

Во времена бывшего СССР военнослужащие и члены их семей, как правило, ближе к сроку увольнения в запас были обеспечены постоянным жильем. Тогда практически не возникало проблем в связи с тем, что у военнослужащего, подлежащего увольнению с военной службы, к этому моменту еще не было жилья.

В постсоветской России, объявившей себя правопреемницей СССР, обеспечение жильем военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, превратилось почему-то в мучительную, трудно разрешимую проблему. Закрепленное в ст. 15 Закона о статусе военнослужащих право военнослужащих – граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, на обеспечение жилым помещением стало почему-то почти повсеместно трактоваться органами военного управления как право военнослужащих получать жилье перед увольнением. В период прохождения военнослужащими военной службы командование перестало считать себя обязанным обеспечивать их постоянным жильем, начиная думать об этом, когда подходил срок этим людям увольняться в запас.

В связи с изложенным вопрос исключения из Закона о статусе военнослужащих вышеуказанного положения, содержавшегося в абз. 2 п. 1 ст. 23, приобрел для военного командования, без преувеличения, стратегическое значение. Минобороны России при поддержке других федеральных органов исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, неоднократно обращалось к высшему руководству страны с предложениями позволить разработку законопроекта, подобного Закону № 97-ФЗ. Наконец, выполняя поручение Правительства Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № СИ-П4-4403, Минобороны России и подготовило проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих».

Тот законопроект вызвал оживленное обсуждение и полемику в военном сообществе, в том числе на страницах журнала «Право в Вооруженных Силах». В частно-

[1] Новые известия. 2015. 2 апр.

сти, в опубликованной в 1-м номере за 2011 г. статье начальника отдела Департамента государственной службы и кадров Минюста России А.М. Терехина вышеуказанный законопроект был проанализирован в основном с точки зрения необходимости как можно быстрейшего увольнения «распоряженцев», чтобы не отвлекать внимание и ресурсы государства на их обеспечение. А.М. Терехин откровенно тогда писал, что «наличие военнослужащих, состоящих в распоряжении, которых невозможно уволить с военной службы из-за необеспеченности жильем, создает серьезные препятствия для проведения реформ, в частности, для введения новой системы денежного довольствия военнослужащих, которую предполагается ввести с 2012 г.». А.М. Терехин намекал на то, что будущее повышение денежного содержания военнослужащих руководством Минобороны России с самого начала связывалось с уменьшением объема социальных льгот, гарантий и компенсаций, предоставляемых военнослужащим, среди которых основным является обеспечение жилым помещением. Так, в докладной записке бывшего Министра обороны Российской Федерации А.Э. Сердюкова, представленной в 2009 г. Председателю Правительства Российской Федерации В.В. Путину, где было впервые предложено в качестве «пилотного проекта» резко, в три раза, увеличить денежное содержание военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, прямо был поставлен вопрос о необходимости в этой связи пересмотреть объем льгот военнослужащих, в том числе их право на жилье.

Ряд других авторов, в том числе автор этих строк, выступили против названного выше законопроекта, указывая на ущемление интересов военнослужащих и членов их семей. Но теперь выясняется, что тот законопроект был куда как гуманней и милосердней к этой категории граждан, чем принятый Закон № 97-ФЗ.

Авторы указанного законопроекта без обиняков в п. 2 ст. 1 просто записали, что «абзац второй пункта 1 статьи 23 исключить». Но при этом они дополняли п. 13 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих положением о том, что «данные военнослужащие не могут быть выселены из занимаемых ими служебных жилых помещений до обеспечения жилыми помещениями по установленным нормам».

Безусловно, эта предполагавшаяся норма могла остаться чистой воды декларацией, поскольку в основополагающем для сферы жилищных отношений нормативном правовом акте – Жилищном кодексе Российской Федерации (далее – ЖК РФ) есть ряд положений, регламентирующих порядок предоставления служебного жилого помещения и изъятия его: например, ст. 104 ЖК РФ предусматривает, что договор найма служебного жилого помещения заключается на период прохождения службы, а увольнение со службы является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения. Казалось бы, для того, чтобы обезопасить военнослужащих, о которых речь идет в рассматриваемом законопроекте, проживающих в служебных жилых помещениях, при их увольнении с военной службы от угрозы возможного выселения из служебного жилья следовало бы внести поправку в ст. 104 ЖК РФ и указать в ней, что увольнение со службы является основанием прекращения договора найма служебного жилого помещения, за исключением увольнения с военной службы упомянутой в этом законопроекте категории военнослужащих. Но никакой такой поправки в ЖК РФ тогда предложено не было.

Однако в настоящее время Закон № 97-ФЗ вообще проигнорировал проблему служебного жилья! Значит, теоретически можно в случае отказа от предложенного жилья или истечения 30 дней после получения военнослужащим уведомления о предоставлении ему квартиры уволить его и сразу выгнать из служебного жилья.

Самое главное преимущество указанного ущербного, по мнению автора, законо-

проекта в сравнении с Законом № 97-ФЗ: законопроект предусматривал, что обеспечение жилым помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется после увольнения с военной службы *в порядке очередности* в соответствии с нормами предоставления жилого помещения федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путем выдачи государственных жилищных сертификатов.

А Закон № 97-ФЗ дополняет п. 1 ст. 23 Закона о статусе военнослужащих новым абзацем – абзацем третьим, в котором говорится, что «указанные военнослужащие-граждане в случае их увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии обеспечиваются жилыми помещениями в форме и порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом».

Как видим, никакой конкретики в отношении военнослужащих, которые не обеспечены жильем и которых можно будет увольнять в соответствии с Законом № 97-ФЗ, не имеется.

Вывод очевиден: новый Закон суров по отношению к военнослужащим, заслужившим право на достойное жилье и не желающим безропотно соглашаться на любую малопригодную для их семей квартиру, а также не содержит ответов на вопросы по их дальнейшему обеспечению положенным жильем.

Информация

В Хабаровском крае офицер осужден за халатность, в результате которой погибли военнослужащие по призыву

Доказательства, собранные военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому гарнизону, признаны судом достаточными для вынесения приговора командиру минометной батареи старшему лейтенанту Э. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 293 УК РФ (ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц).

Судом установлено, что 4 июня 2015 года в результате обрушения плит перекрытия аварийного здания, расположенного на территории общевойскового полигона в Хабаровском районе Хабаровского края, погибли 2 военнослужащих по призыву.

Причиной данного происшествия явилось ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей Э., который, не желая проводить занятие по тактической подготовке, дал указание личному составу батареи разместиться в заброшенном здании.

Приговором Хабаровского гарнизонного военного суда Э. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год 6 месяцев с отбыванием в колонии-поселении и права занимать должности, связанные с руководством людьми, сроком на 2 года.

Кроме того, суд удовлетворил гражданский иск потерпевших о взыскании с осужденного в счет компенсации морального вреда 1 миллион 100 тысяч рублей.

В Нижегородской области военнослужащий по контракту признан виновным в нарушение правил обращения с оружием

Доказательства, собранные военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Мулинскому гарнизону, признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора военнослужащему по контракту младшему сержанту И. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 349 УК РФ (нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, повлекшее по неосторожности смерть человека).

Следствием и судом установлено, что в мае 2015 года И., будучи временно прикомандированным к воинской части, находясь на территории полигона, в помещении учебного класса решил самостоятельно произвести неполную разборку пулемета калибра 7,62 мм.

Действуя в нарушение правил обращения с оружием и не убедившись в отсутствии патрона в патроннике пулемета, он передернул затворную раму и нажал на спусковой механизм. При этом по неосторожности направил ствол пулемета в сторону находившихся в помещении других военнослужащих. В результате произошедшего выстрела 2 военнослужащим причинены огнестрельные ранения, один из которых погиб.

Подсудимый И. свою вину в нарушении правил обращения с оружием, повлекшем вышеуказанные последствия, признал полностью и в содеянном раскаялся.

Решением Нижегородского гарнизонного военного суда И. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года с отбыванием в колонии-поселении.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1395-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дейнеко Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданина А.В. Дейнеко к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. Решением суда общей юрисдикции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, гражданину А.В. Дейнеко было отказано в удовлетворении требований, связанных с обжалованием решения жилищной комиссии территориального органа Федеральной службы безопасности Российской Федерации об отказе в постановке на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении. Как указали суды, А.В. Дейнеко на момент увольнения с военной службы на таком учете не состоял, в период же прохождения службы был снят с данного учета на основании пункта 5 части 1 статьи 56 Жилищного кодекса Российской Федерации - поскольку после вступления в силу Жилищного кодекса Российской Федерации ему был предоставлен земельный участок для строительства жилого дома.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации А.В. Дейнеко оспаривает конституционность положений статьи 15 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», закрепляющих гарантии в жилищной сфере для военнослужащих, а также дополнительные жилищные гарантии для определенной категории граждан, уволенных с военной службы и не обеспеченных жилищной субсидией или жилыми помещениями, - такие граждане не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы (пункт 13).

По мнению заявителя, оспариваемые положения не соответствуют статьям 2, 7, 19 (часть 2), 40 (части 1 и 3), 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 55 (части 2 и 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку предусматривают прекращение действия жилищных гарантий в отношении лиц, уволенных с военной службы, которые никогда не имели жилья, в том числе не были обеспечены жильем в период военной службы.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные заявителем материалы, не находит оснований для принятия его жалобы к рассмотрению.

Согласно статье 40 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на жилище (часть 1), малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающим-

ся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами (часть 3). Разрешение же вопросов, связанных с установлением конкретных форм, источников и порядка предоставления гарантий в жилищной сфере для граждан, нуждающихся в жилье, относится к прерогативе законодателя.

Оспариваемые заявителем положения предусматривают жилищные гарантии для военнослужащих, а также дополнительные жилищные гарантии для лиц, которые при увольнении с военной службы состояли на учете в качестве нуждающихся в жилье, что соответствует указанным конституционным требованиям. Эти законоположения не ограничивают каким-либо образом права граждан, включая заявителя, на обеспечение жильем в общем порядке согласно нормам Жилищного кодекса Российской Федерации.

С учетом изложенного положения статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» сами по себе конституционные права заявителя не нарушают.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дейнеко Андрея Владимировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д. Зорькин

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1338-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафудинова Александра Исхаковича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 6 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданина А.И. Шарафудинова к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.И. Шарафудинов оспаривает конституционность примененной при рассмотрении его дела судами общей юрисдикции части второй статьи 6 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», в соответствии с которой пенсионерам из числа лиц, указанных в статье 1 данного Закона, при поступлении их на военную службу или на службу в органы внутренних дел, в Государственную противопожарную службу, в органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ или учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (в том числе в любых других государствах) выплата назначенных пенсий на время службы приостанавливается.

Как следует из представленных материалов, в октябре 1995 года А.И. Шарафудинову, как лицу, уволенному с военной службы и имеющему выслугу 26 лет 2 месяца 24 дня, была назначена пенсия за выслугу лет в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-I. После поступления в мае 1998 года на службу в таможенные органы по контракту ему было присвоено звание майора таможенной службы и выплачивалось денежное содержание, включающее процентную надбавку за выслугу лет (70 процентов), а с ноября 2007 года была приостановлена выплата ранее назначенной пенсии за выслугу лет. После увольнения со службы заявителю была назначена пенсия за выслугу лет по нормам Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-I как сотруднику таможенных органов и ее размер исчислен с учетом общей продолжительности выслуги - 35 лет 6 месяцев 13 дней.

По мнению заявителя, оспариваемая норма противоречит статьям 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку допускает возможность приостановления выплаты военным пенсионерам назначенных им пенсий за выслугу лет в случае поступления на иную указанную в ней службу.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные А.И. Шарафудиновым материалы, не находит оснований для принятия его жалобы к рассмотрению.

Согласно пункту 3 статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение об отказе в принятии обращения к рассмотрению в случае, если по предмету обращения Конституционным Судом Российской Федерации ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу.

В Постановлении от 18 марта 2004 года № 6-П Конституционный Суд Российской Федерации установил, что пенсионное обеспечение граждан, проходивших военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов либо военную службу по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны страны и безопасности государства, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, прокурорских работников, сотрудников таможенных органов Российской Федерации, сотрудников налоговой полиции, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее - лиц, проходивших военную и правоохранительную

службу) производится на основании специальных законов - Федерального закона от 15 декабря 2001 года «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей». Предоставляя лицам, проходившим военную и (или) правоохранительную службу, право на получение пенсии за выслугу лет за счет средств федерального бюджета независимо от возраста при прекращении службы и одновременно закрепляя правило о приостановлении выплаты этой пенсии при их возвращении на военную или правоохранительную службу, федеральный законодатель исходил из специфики и характера такой службы, а также преследовал цель не только гарантировать указанным лицам соответствующее материальное обеспечение в случае необходимости оставить службу (как правило, более высокое, чем у лиц, получающих трудовые пенсии по старости по системе обязательного пенсионного страхования), но и стимулировать их переход в другие сферы занятости, способствовать своевременной ротации кадров на военной и правоохранительной службе.

Оспариваемая норма части второй статьи 6 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», согласно которой пенсионерам из числа лиц, указанных в статье 1 данного Закона, при поступлении их на военную службу или на службу в органы внутренних дел, в Государственную противопожарную службу, в органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ или учреждения и органы уголовно-исполнительной системы (в том числе в любых других государствах) выплата назначенных пенсий за выслугу лет на время службы приостанавливается, признана Конституционным Судом Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации.

В мотивировочной части Постановления от 18 марта 2004 года № 6-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что пенсионеры, вернувшиеся на военную или правоохранительную службу и вновь приобретшие статус военнослужащего (сотрудника правоохранительных органов), также находятся в равном положении - выплачиваемое им денежное довольствие, иные виды обеспечения устанавливаются в том числе исходя из имеющейся у них выслуги на военной и (или) правоохранительной службе, причем предусмотренное с учетом выслуги увеличение размера полагающегося денежного довольствия в определенной мере компенсирует приостановление выплаты пенсии за выслугу лет. В случае продолжения службы соответствующий период также подлежит зачету в выслугу лет, и при последующем увольнении выплата пенсии возобновляется исходя из той выслуги, которую они приобрели на день последнего увольнения.

Кроме того, поскольку у граждан, имеющих необходимую для назначения пенсии выслугу на военной и (или) правоохранительной службе, сохраняется равенство возможностей в выборе (продолжить службу или оставить ее и получать полагающуюся им пенсию), связанные с таким свободным выбором различные правовые последствия, обусловленные дифференциацией в правилах выплаты пенсии за выслугу лет лицам, уволившимся с военной службы или службы в правоохранительных органах и вновь поступившим (вернувшимся) на службу после увольнения, в части, касающейся права на получение назначенной пенсии за выслугу лет, не могут рассматриваться как нару-

шающие равноправие, гарантированное статьей 19 Конституции Российской Федерации, и ограничивающие право на свободу труда, закрепленное статьей 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

По смыслу пунктов 3 и 5 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2004 года № 6-П, изложенные правовые позиции в равной мере распространяются на всех уволившихся со службы лиц, которые впоследствии вновь вернулись либо поступили на службу, дающую право на пенсионное обеспечение по нормам Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», в том числе на сотрудников таможенных органов Российской Федерации.

Данное Постановление, а значит, и выраженные в нем правовые позиции и выводы сохраняют свою силу.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафудинова Александра Исхаковича, поскольку по поставленному заявителем вопросу Конституционным Судом Российской Федерации ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. Зорькин

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1302-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Касперовича Сергея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пунктом 21 Правил владения, пользования и распоряжения вещевым имуществом, а также банно-прачечного обслуживания в мирное время»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев по требованию гражданина С.Г. Касперовича вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин С.Г. Касперович, уволенный с военной службы в отставку по состоянию здоровья, оспаривает конституционность следующих норм:

положения пункта 2 статьи 14 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», предусматривающего, что военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, обеспечиваются вещевым имуществом в зависимости от условий прохождения военной службы, военных сборов по нормам и в сроки, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации, в порядке, определяемом Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба); порядок владения, пользования и распоряжения вещевым имуществом определяется Правительством Российской Федерации;

пункта 21 Правил владения, пользования и распоряжения вещевым имуществом, а также банно-прачечного обслуживания в мирное время (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 390), согласно которому по решению командира воинской части военнослужащим может выдаваться вещевое имущество за плату по его стоимости или в счет положенного к выдаче по норме снабжения, но не полученного ранее этими военнослужащими вещевого имущества личного пользования, стоимость которого не превышает стоимости заменяемых предметов вещевого имущества.

По мнению заявителя, оспариваемые нормы, примененные в его деле судами общей юрисдикции, не соответствуют статье 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют по решению командира воинской части без согласия военнослужащего производить замену положенных по нормам снабжения предметов вещевого имущества на вещевое имущество, подлежащее списанию и не предусмотренное нормами снабжения, чем ставят военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в разное положение.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные С.Г. Касперовичем материалы, не находит оснований для принятия его жалобы к рассмотрению.

В соответствии со статьей 14 Федерального закона «О статусе военнослужащих» Правительством Российской Федерации были утверждены Правила владения, пользования и распоряжения вещевым имуществом, а также банно-прачечного обслуживания в мирное время. Пункт 21 указанных Правил предусматривает возможность принятия командиром воинской части решения о выдаче вещевого имущества военнослужащим, не получившим положенное вещевое имущество личного пользования. Такое правовое регулирование направлено на вещевое обеспечение военнослужащих, своевременно не получивших положенное вещевое имущество личного пользования, в равной мере распространяется на всех военнослужащих, проходящих службу по контракту, а потому не может расцениваться как нарушающее конституционный принцип равенства.

При этом оспариваемые заявителем нормы не предполагают возможности их произвольного применения, а правомерность соответствующего решения командира воинской части может быть предметом судебной проверки.

Разрешение же вопроса о законности и обоснованности действий командира войсковой части 65262 по обеспечению вещевым имуществом при исключении С.Г. Касперовича из списков личного состава воинской части связано с установлением фактических обстоятельств дела и не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она установлена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального консти-

туционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40, пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Касперовича Сергея Геннадьевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. Зорькин

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1301-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кихова Алигаджи Юсуповича на нарушение его конституционных прав пунктом 9 приложения № 5 и приложением № 52.1 к приказу директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 1 мая 2003 года № 082»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев вопрос о возможности принятия жалобы гражданина А.Ю. Кихова к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.Ю. Кихов оспаривает конституционность:

пункта 9 приложения № 5 к приказу директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 1 мая 2003 года № 082, согласно которому периоды исчисления выслуги лет для назначения пенсий на льготных условиях подтверждаются приказами соответствующих должностных лиц органов федеральной службы безопасности, имеющих право издавать приказы по личному составу, во всех случаях освобождения от воинских должностей (должностей) и (или) перехода из подразделений, в которых военная служба (служба) военнослужащих засчитывается в выслугу лет для назначения пенсий на льготных условиях, а также привлечения других военнослужащих к участию в мероприятиях (работах), исполнение которых позволяет исчислять им выслугу лет для назначения пенсий на льготных условиях;

приложения № 52.1 к указанному приказу, согласно которому периоды непосредственного ведения дел оперативной провер-

ки и разработки по коррупции (должностным преступлениям против интересов государственной службы) засчитываются в выслугу лет для назначения пенсий на льготных условиях - один месяц службы за один и одну треть месяца (с 15 января 2004 года) на основании приказов соответствующих начальников территориальных органов безопасности в отношении в том числе оперативного состава.

По мнению А.Ю. Кихова, который в период со 2 августа 2004 года по 1 января 2010 года работал в подразделениях экономической безопасности Управления ФСБ России по Республике Дагестан, оспариваемые нормы противоречат статьям 18, 19 (часть 1) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку не предусматривают порядка и процедуры издания приказов о зачете периода непосредственного ведения дел по коррупции в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях, что, в свою очередь, влечет возникновение необоснованных преимуществ и злоупотреблений со стороны руководства органов безопасности.

Оспариваемые нормы применены в деле заявителя судами общей юрисдикции.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

В соответствии со статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и статьями 3, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в деле заявителя. Разрешение вопроса о нарушении прав граждан ведомственными нормативными актами, к числу которых относится приказ директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 1 мая 2003 года № 082, в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации не входит.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 1 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кихова Алигаджи Юсуповича, поскольку разрешение поставленных в ней вопросов Конституционному Суду Российской Федерации не подведомственно.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д. Зорькин

Информация

По требованию военных прокуроров работникам филиала ОАО «Славянка» возвращена задолженность по заработной плате

Военной прокуратурой Красноярского гарнизона по результатам проверки соблюдения законодательства о труде установлено, что руководство филиала «Красноярский» открытого акционерного общества «Славянка» более 400 сотрудникам неправомерно занизило надбавки за работу в сложных климатических условиях. В связи с этим долг составил более 2,3 млн рублей.

По требованию военных прокуроров виновные должностные лица судом привлечены к административной ответственности, задолженность перед работниками погашена, выплаты производятся в установленном порядке.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1269-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саадулаева Магомеда Даитбековича на нарушение его конституционных прав положением статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев по требованию гражданина М.Д. Саадулаева вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. Как следует из содержания жалобы, гражданин М.Д. Саадулаев оспаривает конституционность абзаца второго статьи 5 Федерального закона от 8 ноября 2011 года № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым пункт 1 статьи 5 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» признан утратившим силу.

Как следует из представленных материалов, М.Д. Саадулаеву в марте 2012 года выплачена страховая сумма по страховому случаю, наступившему в ноябре 2011 года. Размер страхового возмещения был рассчитан в порядке, определенном статьей 5 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ в редакции, действовавшей на

момент наступления страхового случая, исходя из 25 окладов месячного денежного содержания. Заявитель, полагая, что страховая сумма подлежит выплате в размере, установленном пунктом 2 статьи 5 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ в редакции Федерального закона от 8 ноября 2011 года № 309-ФЗ, действующей с 1 января 2012 года, т.е. на момент выплаты страховой суммы (в размере 2 000 000 рублей выгодоприобретателям в равных долях), обратился в суд. В удовлетворении требований М.Д. Саадулаеву судами общей юрисдикции было отказано.

По мнению заявителя, оспариваемое им положение статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части признания утратившим силу положения абзаца третьего пункта 1 статьи 5 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ, по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не соответствует Конституции Российской Федерации, поскольку позволяет отказать в выплате страховой суммы после 1 января 2012 года в размере 2 000 000 рублей членам семей тех военнослужащих, которые погибли до вступления в силу Федерального закона от 8 ноября 2011 года № 309-ФЗ.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

В силу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» граждане вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение своих конституционных прав и свобод законом и такая жалоба признается допустимой, если этим законом затрагиваются их конституционные права и свободы и если оспариваемый закон применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде. К жалобе должна быть приложена копия официального документа, подтверждающего применение обжалуемого закона при разрешении конкретного дела судом.

Между тем представленными заявителем постановлениями судов общей юрисдикции не подтверждается применение в его деле оспариваемой им нормы.

Кроме того, как следует из представленных материалов, оспаривая конституционность указанного законоположения, М.Д. Саадулаев фактически настаивает на применении в его деле статьи 5 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ в редакции, вступившей в силу с 1 января 2012 года, и по существу ставит перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о выборе нормы, подлежащей применению в конкретном деле, разрешение которого не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, установленную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», как не относится к его полномочиям и контроль за деятельностью правоприменительных органов.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40, пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Саадулаева Магоме-

да Даитбековича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации

В.Д. Зорькин

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1268-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сусарова Максима Игоревича на нарушение его конституционных прав частью 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев по требованию гражданина М.И. Сусарова вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин М.И. Сусаров оспаривает конституционность части 12 статьи 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», согласно которой при увольнении военнослужащего с военной службы или отчислении с военных сборов гражданина, призванного на военные сборы, в связи с признанием его не годным к военной службе вследствие военной травмы ему выплачивается единовременное пособие в размере:

1) 2 000 000 рублей - военнослужащему, проходящему военную службу по контракту;

2) 1 000 000 рублей - военнослужащему, проходящему военную службу по призыву, или гражданину, призванному на военные сборы.

По мнению М.И. Сусарова, признанного ограниченно годным к военной службе вследствие увечья, полученного им в 2006 году при исполнении обязанностей военной службы, и в 2007 году уволенного с военной службы по болезни, оспариваемое законоположение нарушает конституционное право на получение единовременного пособия, предусмотренного для военнослужащих, получивших травму при исполнении обязанностей военной службы, которым установлена категория годности к военной службе «ограниченно годен».

Как следует из представленных материалов, суды общей юрисдикции в деле заявителя отказались применять оспариваемую им часть 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», исходя из того что данный Федеральный закон вступил в силу с 1 января 2012 года.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

Единовременное пособие, предусмотренное частью 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», по своей правовой природе выступает наряду с обязательным государственным страхованием элементом особого публично-правового механизма возмещения вреда пострадавшим военнослужащим и является дополнительной социальной гарантией, предоставляемой в случае невозможности продолжения службы в связи с получением телесных повреждений при исполнении обязанностей военной службы.

Законодатель, действуя в рамках своей дискреции, предусмотрел, что правовое регулирование, установленное названным Федеральным законом, применяется с 1 января 2012 года (часть 1 статьи 7 данного Федерального закона), что соответствует общему принципу действия закона на будущее время и не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявителя в указанном в жалобе аспекте.

Оспаривая конституционность части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», заявитель, выражая несогласие с принятыми по его делу правоприменительными решениями, фактически настаивает на применении данной нормы в его деле, по существу ставя перед Конституционным Судом Российской Федерации вопрос о придании обратной силы действующему в настоящее время правовому регулированию. Однако разрешение данного вопроса не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, установленную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40, пунктом 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сусарова Максима Игоревича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. Зорькин

Информация

В Калининграде военные прокуроры защитили права жителей одного из военных городков

Военной прокуратурой Балтийского флота в ходе проверки установлено, что из-за нераспорядительности должностных лиц подрядной организации построенные многоквартирные дома, предназначенные для заселения военнослужащими, остались без газа и тепла.

В связи с проводимой реорганизацией подрядчик не позаботился включить три новостройки в договор управления жилищным фондом.

После оперативного вмешательства военного прокурора Балтийского флота между ООО «Главное управление жилищным фондом» и ОАО «Газпроммежрегионгаз» заключен договор, в домах налажены тепло- и газоснабжение.

Более полутора тысяч военнослужащих и членов их семей теперь в благоустроенных квартирах.

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 23-ПРП

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

изучив обращение гражданина В.И. Семенова, установил:

Определением от 21 февраля 2008 года № 76-О-О Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.И. Семенова на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 48 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-I «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», поскольку она не отвечала требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

Определением от 17 ноября 2009 года № 1482-О-О Конституционный Суд Российской Федерации отказал В.И. Семенову в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение его конституционных прав положениями статьи 48 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей», а также статей 28 и 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

В названных жалобах заявитель, проживающий в районе Крайнего Севера, ставил вопрос о возможности сохранения размера пенсии, исчисленной с учетом районного коэффициента, лицам, прослужившим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях соответственно менее 15 или 20 календарных лет, уволенным с военной службы по состоянию здоровья при выезде из этих регионов на новое постоянное место жительства.

Во вновь поступившем в Конституционный Суд Российской Федерации обращении не содержится каких-либо дополнительных материалов, которые могли бы дать основание для принятия Конституционным Судом Российской Федерации иного решения по предмету жалобы. Фактически заявитель ставит вопрос о пересмотре решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые согласно части первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» являются окончательными и не подлежат обжалованию.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью пятой статьи 3, частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и пунктом 5 параграфа 23 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Прекратить переписку с гражданином Семеновым Виктором Ионикеевичем по вопросу о нарушении его конституционных прав частью второй статьи 48 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

2. Настоящее Определение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. Зорькин

Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. № 1202-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лопатина Станислава Аркадьевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «О статусе военнослужащих»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, Г.А. Жилина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, Н.В. Селезнева, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

рассмотрев по требованию гражданина С.А. Лопатина вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, установил:

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин С.А. Лопатин оспаривает конституционность следующих положений Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»:

пункта 12 статьи 15, предусматривающего, что органы местного самоуправления вправе в первоочередном порядке предоставлять для определенной категории военнослужащих право на вступление в жилищно-строительные (жилищные) кооперативы либо выделять земельные участки для строительства индивидуальных жилых домов;

пункта 2 статьи 17, закреплявшего право военнослужащих на бесплатное предоставление земельных участков в собственность (утратил силу согласно пункту 10 статьи 100 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ).

По мнению заявителя, оспариваемые нормы не соответствуют Конституции Российской Федерации, в том числе ее статье 55 (часть 2), поскольку предусматривают отмену права военнослужащих на бесплатное предоставление земельных участков. Также в жалобе содержится просьба восстановить действие правового акта органа местного самоуправления, регламентировавшего порядок предоставления земельных участков для льготных категорий граждан.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, отмена пунктом 10 статьи 100 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ льготы по предоставлению земельного участка определенным категориям граждан (включая военнослужащих) - притом что бесплатное предоставление земельных участков Конституцией Российской Федерации не гарантируется - не выходит за пределы дискреции федерального законодателя и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан (определения от 21 декабря 2006 года № 633-О, от 19 февраля 2009 года № 252-О-О, от 24 февраля 2011 года № 163-О-О и от 17 июля 2014 года № 1679-О).

Кроме того, заявителем в нарушение требования статьи 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не представлено документальное подтверждение применения судами оспариваемых положений Федерального закона «О статусе военнослужащих» в его конкретном деле.

Разрешение же вопроса о восстановлении действия правового акта органа местного самоуправления не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она установлена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 40, пунктами 1 и 2 статьи 43, частью первой статьи 79, статьями 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации определил:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лопатина Станислава Аркадьевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой, и поскольку разрешение поставленного в ней вопроса не подведомственно Конституционному Суду Российской Федерации.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. Зорькин

Информация

По материалам военных прокуроров бывший генеральный директор Главка по обустройству войск осужден к лишению свободы за махинации с государственной недвижимостью

В соответствии с предложением государственного обвинителя Пресненский районный суд г. Москвы приговорил бывшего генерального директора ОАО «Главное управление обустройства войск» Владимира Абраменко к трем годам лишения свободы.

Установлено, что Абраменко, действуя вопреки своим обязанностям и интересам общества, неправомерно реализовал сторонней организации земельный участок площадью более 22 тыс. кв. метров и находящиеся на нем три объекта недвижимости по заниженной стоимости. Как следствие, потери государства, как учредителя этого акционерного общества, составили более 114 млн рублей.

Признав Абраменко виновным в злоупотреблении должностными полномочиями, повлекшем тяжкие последствия (ч.2 ст. 201 УК РФ), суд также взыскал с подсудимого причиненный ущерб.

ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКАЗЧИКА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТА КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНЫ СТРАНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Е.А. Свининых, кандидат юридических наук, доцент

Коррупция – социальное явление, имеющее тысячелетнюю историю[1]. На всем ее протяжении человечество предпринимает попытки по борьбе с коррупцией, которые имеют определенный успех, но не безоговорочное устранение коррупционных проявлений. Не является исключением и коррупция в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Специалисты отмечают, что в Вооруженных Силах и воинских формированиях Российской Федерации наиболее характерные проявления коррупции – нецелевое использование бюджетных средств, нарушение правил и требований при проведении аукционов, конкурсов и отбора подрядчиков, оплата реально невыполненных работ, значительное завышение цен на продукцию военного назначения, взятки, откаты и иные злоупотребления[2].

В большинстве случаев совершение коррупционных деяний негативно отражается на эффективном расходовании бюджетных средств. Данное обстоятельство не может игнорироваться при формулировании законодательных требований к процессу планирования и осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Это стало одной из причин указания в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон о контрактной системе) такой его цели, как предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере государственных и муниципальных закупок.

Постановка законодателем вышеуказанной цели предполагает определение понятия «коррупция». Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, эффективность правовой борьбы с любым явлением изначально зависит от четкости его легального определения[3].

К сожалению, следует констатировать нерешенность задачи по формированию

[1] *Дамаскин О.В.* Коррупция : состояние, причины, противодействие : учеб. пособие. М., 2009 ; *Просандеева Н.В.* Противодействие коррупции : правовые системы в истории // История государства и права. 2014. № 2. С. 50 – 54.

[2] *Харитонов С.С., Илий С.К.* Криминологическая характеристика коррупционной преступности в военной организации государства [Электронный ресурс] // Военное право. 2012. № 3. С. 8 – 9. URL: http://www.voennoepravo.ru/files/Haritonov.doc (дата обращения: 11.10.2015).

[3] *Хабриева Т.Я.* Коррупция и право : доктринальные подходы к постановке проблемы // Журн. рос. права. 2012. № 6. С. 5 – 17.

общепризнанного понимания категориального аппарата, используемого для описания коррупционных проявлений. Отечественные правоведы отмечают существующее многообразие подходов к формулированию понятия «коррупция» и отсутствие его общепринятой дефиниции[4].

На наш взгляд, в контексте Закона о контрактной системе коррупцию необходимо определять максимально широко, включая в это понятие не только коррупцию в государственном и муниципальном, но и в частном секторе.

Представляется, что под коррупцией в сфере государственных и муниципальных закупок следует понимать умышленное использование лицом своего должностного или служебного положения при планировании и/или осуществлении указанных закупок, направленное на извлечение частной выгоды вопреки законным интересам общества и государства, равно как и обещание, предложение, предоставление или посредничество в предоставлении лицу, обладающему должностным или служебным положением, каких-либо материальных и/или нематериальных благ, с тем чтобы это лицо совершило противоправное деяние с использованием своего положения, направленное на предоставление материальных и/или нематериальных благ для себя и/или третьих лиц в связи с их участием в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и/или исполнении государственного или муниципального контракта, а также заключение хозяйствующими субъектами ограничивающего конкуренцию участников государственной или муниципальной закупки соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации.

Ориентируясь на данное нами определение коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок, определим основной блок правонарушений, являющихся коррупционными. Его составляют правонарушения, влекущие уголовную и административную ответственность.

Коррупционными преступлениями в сфере государственных и муниципальных закупок (в том числе закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства. – *Прим. авт.*) следует признать следующие группы преступных деяний, совершенных при планировании и осуществлении указанных закупок:

1) преступные деяния, относящиеся к коррупционным преступлениям при любых условиях (ст. 289 УК РФ – «Незаконное участие в предпринимательской деятельности»; ст. 290 УК РФ – «Получение взятки»; ст. 291 УК РФ – «Дача взятки» – ст. 291[1] УК РФ – «Посредничество во взяточничестве» – ст. 304 УК РФ – «Провокация взятки или коммерческого подкупа»;

2) преступные деяния, относящиеся к коррупционным преступлениям при условии их совершения из корыстных мотивов (ст. 285 УК РФ – «Злоупотребление должностными полномочиями»; ст. 285[1] УК РФ – «Нецелевое расходование бюджетных средств»; ст. 286 УК РФ – «Превышение должностных полномочий» – ст. 292 УК РФ – «Служебный подлог»;

3) преступления в сфере экономики, если они сопряжены с умышленным использованием лицом своего должностного или служебного положения, направленным на извлечение частной выгоды вопреки законным интересам общества и государства при планировании и/или осуществлении государственных и муниципальных закупок[5];

[4] *Артемьев А.Б.* Коррупция в механизме функционирования государства (теоретико-правовое исследование в рамках эволюционного подхода) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 25; *Корякин В.М.* Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности. М., 2014. С. 120; *Онуфриенко А.В.* Система преступлений коррупционной направленности : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 15.

[5] Например, к коррупционному следует отнести преступление, совершенное начальником федерального государственного учреждения Минобороны России и генеральным директором ООО «Сервис-Строй» и квалифицированное судом по ч. 4 ст. 160 УК РФ. Указанные должностные лица похитили принадлежащие государству денежные средства по заключенному в интересах Ленинградского военного округа государственному контракту на поставку щебня для ремонта дорог необщего назначения Ленинградского военного округа. По данному контракту ООО «Сервис-Строй» недопоставило щебня на определенную денежную сумму, однако эти деньги были перечислены на расчетный счет ООО «Сервис-Строй» и похищены начальником учреждения и генеральным директо-

4) ограничение конкуренции путем заключения между участниками государственной (муниципальной) закупки – конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации (ч. 1 ст. 178 УК РФ).

К коррупционным правонарушениям в сфере государственных и муниципальных закупок относятся не только вышеперечисленные группы преступлений, но и ряд административных проступков, совершенных при планировании и осуществлении указанных закупок. В частности, к коррупционному следует отнести административное правонарушение, предусмотренное ст. 19.28 КоАП РФ («Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»).

Право, являясь, с одной стороны, «жертвой» коррупционных извращений, в то же время выступает мощным средством противодействия[6]. Одним из средств противодействия коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения обороны страны и безопасности государства является односторонний отказ государственного заказчика от исполнения контракта в случае привлечения контрагента или его должностных лиц к административной или уголовной ответственности за совершение ими коррупционных правонарушений, не связанных с заключением и исполнением этого контракта.

В Законе о контрактной системе (чч. 9 и 15 ст. 95) предусмотрены две группы оснований одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта:

а) дискреционные;

б) обязательные.

К дискреционным основаниям относятся случаи, когда государственному заказчику предоставляется право принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта. В Законе о контрактной системе дискреционные основания не конкретизируются. В ст. 95 данного Закона включена бланкетная норма, согласно которой к ним относятся основания, предусмотренные ГК РФ для одностороннего отказа от исполнения отдельных видов обязательств. В свою очередь, из абз. 2 п. 2 ст. 310 и п. 1 ст. 450^1 ГК РФ следует, что государственный заказчик как сторона контракта, исполняющая его не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, вправе оговорить в нем свое право на односторонний отказ от исполнения контракта. При этом государственный заказчик при осуществлении этого права должен действовать добросовестно и разумно (п. 4 ст. 450^1 ГК РФ). Представляется, что оговорка в государственном контракте о праве заказчика на односторонний отказ от его исполнения в случае привлечения контрагента или его должностных лиц к административной или уголовной ответственности за совершение ими коррупционных правонарушений, не связанных с заключением и исполнением этого контракта, не будет нарушать требования добросовестности и разумности.

К обязательным основаниям одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта относятся случаи, когда заказчик обязан принять соответствующее решение. Такая обязанность возлагается на него, если в ходе исполнения государственного контракта будут выявлены факты несоответствия контрагента установленным в извещении о проведении запроса котировок, документации о закупке требованиям к участникам закупки или

ром общества (Определение Ленинградского областного суда от 7 марта 2013 г. № 33-1006/2012. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Как коррупционное преступление необходимо рассматривать и случай мошенничества, описанный М.В. Трофимовым. Между воинской частью и коммерческой организацией был заключен контракт на выполнение работ по осуществлению капитального ремонта кровли штаба части. Между тем все работы по ремонту кровли были выполнены военнослужащими части, а должностными лицами были присвоены денежные средства, предназначенные для ремонта (Трофимов М.В. Юридическая ответственность военных организаций Федеральной службы безопасности за финансовые правонарушения (на примере пограничных органов) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 119 – 121).

[6] Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией : науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013.

предоставления контрагентом недостоверной информации о своем соответствии таким требованиям, что позволило ему стать победителем конкурентной процедуры определения поставщика (подрядчика, исполнителя).

Буквальное толкование положений ч. 15 ст. 95 Закона о контрактной системе позволяет сделать вывод об обязательности одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта не только в случае предоставления его контрагентом на этапе определения поставщика (подрядчика, исполнителя) недостоверной информации о своем соответствии требованиям к участникам закупки. Решение об одностороннем отказе должно быть принято заказчиком и тогда, когда его контрагент перестал соответствовать этим требованиям после заключения государственного контракта. Однако на практике вышеназванное законоположение интерпретируется не буквально, а ограничительно. Например, по мнению ФАС России, Минэкономразвития России и арбитражных судов, включение лица в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) после заключения им государственного контракта не имеет ретроактивного эффекта в том смысле, что это обстоятельство не может выступать основанием для одностороннего отказа заказчика от исполнения уже заключенного контракта[7].

Вместе с тем, как в судебно-арбитражной практике, так и на уровне разъяснений Минэкономразвития России и ФАС России пока не сформирована позиция по поводу обязательности одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта в случае наступления после заключения последнего обстоятельств, влекущих несоответствие поставщика (подрядчика, исполнителя) иным указанным в ст. 31 Закона о контрактной системе требованиям к участнику закупки. Речь идет, например, о случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда в отношении указанных в п. 7 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе лиц с назначением им наказания за преступления в сфере экономики, в том числе относящиеся к коррупционным, т. е. о возникновении состояния судимости. Должно ли указанное обстоятельство являться обязательным основанием для одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта, если эти преступления не были связаны с заключением и исполнением этого контракта?

Как отмечается зарубежными специалистами в области публичных закупок, расторжение государственных контрактов в связи с возникновением обстоятельств для отстранения хозяйствующих субъектов от участия в публичной закупке, в частности, совершения ими правонарушений, – это известная, но не получившая широкого распространения в мире практика[8]. Например, в Федеральных закупочных правилах США (*Federal Acquisition Regulation (FAR) 9.405-1*) прямо указывается на право заказчика продолжить исполнение государственного контракта в случае отстранения его контрагента от участия в федеральных закупках, в том числе в связи с совершением последним или его должностными лицами правонарушений. По мнению специалистов министерства обороны США, это право не должно быть изменено на обязанность и в будущем[9]. Вместе с тем, руко-

[7] Письмо ФАС России от 6 августа 2015 г. № АЦ/40483/15 // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2015. № 37; письмо Минэкономразвития России от 18 февраля 2015 г. № Д28и-387; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 января 2015 г. по делу № А60-35762/2014; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21 апреля 2015 г. № 09АП-11847/2015-ГК по делу № А40-178922/14 (документы официально опубликованы не были. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»).

[8] *Arrowsmith S., Linarelli J., Wallace D.* Regulating Public Procurement : National and International Perspectives. The Hague – Boston, 2000. P. 785 – 795.

[9] Report to Congress on Contracting Fraud / Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology and Logistics. October 2011. – P. 2. [Electronic resource]. URL: http://www.sanders.senate.gov/imo/media/doc/102011%20-%20DOD%20Fraud%20Report.pdf (дата обращения: 15.10.2015) ; Coordination of Remedies for Fraud and Corruption Related to Procurement Activities : Instruction of Department of Defense on June 4, 2008 № 7050.05. [Electronic resource]. URL: http://www.dtic.mil/whs/directives/corres/pdf/705005p.pdf (дата обращения: 15.10.2015).

водитель федерального органа исполнительной власти, которому подведомственен заказчик, может обязать его отказаться от исполнения контракта.

Даже если совершение хозяйствующим субъектом либо его должностными лицами правонарушений, не связанных с заключением и исполнением контракта, не привело к отстранению этого лица от участия в публичных закупках, то данное обстоятельство все равно может стать основанием для одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта. В Федеральных закупочных правилах США (*FAR 12.403*) предусматривается возможность расторжения контракта по усмотрению государственного заказчика (*termination for the Government's convenience*). Нередко заказчики используют предоставленные им полномочия и включают в контракт оговорку о своем праве на расторжение контракта в случае, например, совершения контрагентом по государственному контракту любого коррупционного правонарушения.

Таким образом, в США не предусмотрена обязанность заказчика отказываться в одностороннем порядке от исполнения государственного контракта в случае совершения контрагентом (его должностными лицами) правонарушения, не связанного с заключением и исполнением этого контракта.

Что касается права Европейского союза, то Директива ЕС о публичных закупках 2014/24/EU[10] не содержит каких-либо положений об одностороннем отказе заказчика от исполнения контракта в связи с совершением правонарушений его контрагентом или должностными лицами последнего. Вместе с тем, государства – члены ЕС вправе включить нормы о таком отказе в национальные законодательства.

Например, в Великобритании в нормативных правовых актах о публичных закупках не упоминается не только об обязанности, но и о праве государственного заказчика отказаться от исполнения контракта в случае совершения поставщиком (его должностными лицами) правонарушения, не связанного с заключением или исполнением этого контракта. Из этого, однако, не следует, что такая возможность у заказчиков отсутствует. Свое право на односторонний отказ от исполнения контракта при наступлении вышеназванных обстоятельств государственный заказчик может оговорить непосредственно в контракте[11].

На наш взгляд, опыт США и Великобритании свидетельствует о нецелесообразности возложения отечественным законодателем на государственного заказчика обязанности отказываться в одностороннем порядке от исполнения контракта в случае, когда после заключения контракта контрагент или его должностные лица были судимы за совершение преступлений в сфере экономики либо в отношении их были применены указанные в п. 7 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе виды административных наказаний. Более гибким представляется подход, при котором заказчик наделяется правом на такой отказ. Это позволяет заказчику учитывать возможный негативный эффект отказа для публичных интересов. Например, отказ от исполнения контракта неприемлем, если он приведет к несвоевременному обеспечению нужд в сфере обороны страны и безопасности государства в условиях чрезвычайной ситуации военного характера.

Как при возложении на государственного заказчика обязанности, так и при предоставлении ему права отказаться в одностороннем порядке от исполнения контракта в связи с привлечением контрагента (его должностных лиц) к административной или уголовной ответственности за совершение

[10] Directive 2014/24/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on public procurement and repealing Directive 2004/18/EC // Official Journal of the European Union. 2004. L. 94/65.

[11] *Sope W.-El.* Fighting Corruption in Public Procurement : A Comparative Analysis of Disqualification or Debarment Measures. Oxford ; Portland, 2012. P. 218.

коррупционных правонарушений, не связанных с заключением и исполнением этого контракта, необходимо ответить на целый ряд вопросов.

Первый вопрос касается допустимого варианта одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта. Отказывается ли заказчик от контракта целиком (непропорциональный отказ) или только в той части, которая еще не была исполнена поставщиком (пропорциональный отказ)?

В Законе о контрактной системе нет прямого ответа на поставленный вопрос. Однако исходя из положений ч. 18 ст. 95 Закона о контрактной системе можно предположить, что заказчик вправе совершить только пропорциональный отказ. К аналогичному выводу позволяет прийти и анализ положений ГК РФ. Напомним, что нормы данного Кодекса лежат в основе законодательства Российской Федерации о контрактной системе (ч. 1 ст. 2 Закона о контрактной системе). Как справедливо указывает А.Г. Карапетов, толкование положений п. 2 ст. 453 ГК РФ дает возможность заключить, что расторжение договора прекращает обязательства из него только на будущее (перспективный эффект расторжения)[12]. В свою очередь, Закон о контрактной системе допускает только односторонний отказ государственного заказчика от исполнения контракта полностью. Таким образом, односторонний отказ государственного заказчика от исполнения контракта всегда приводит к расторжению последнего (п. 2 ст. 450[1] ГК РФ). Следовательно, заказчик должен руководствоваться нормой п. 2 ст. 453 ГК РФ, т. е. совершать пропорциональный отказ.

Данный подход применяется и в правовых системах США и Великобритании. В США на допустимость исключительно пропорционального отказа заказчика от исполнения контракта указывают отдельные положения Федеральных закупочных правил. Так, согласно названным Правилам при одностороннем отказе заказчика от исполнения контракта необходимо оплатить уже поставленные товары[13]. В Великобритании совершение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) правонарушений, не связанных с заключением или исполнением контракта, также не влечет за собой отказ заказчика от исполнения контракта целиком, включая и ту часть, которая была получена заказчиком ранее[14].

Определение допустимого варианта одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта предопределяет судьбу исполненного по государственному контракту до его расторжения в связи с указанным отказом. В данном случае считаем необходимым руководствоваться правилом, закрепленным в п. 4 ст. 453 ГК РФ.

Закон о контрактной системе не содержит норм, определяющих исчерпывающим образом последствия одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта. В ч. 23 ст. 95 Закона о контрактной системе установлено лишь правило о возмещении контрагенту убытков. Согласно ему при расторжении контракта в связи с односторонним отказом его стороны от исполнения контракта другая сторона контракта вправе потребовать возмещения только фактически понесенного ущерба, непосредственно обусловленного обстоятельствами, являющимися основанием для принятия решения об одностороннем отказе от исполнения контракта. Отметим расхождение данной нормы с предписаниями ч. 1 ст. 534 ГК РФ. В соответствии с последними в случаях отказа государственного заказчика от товаров, поставка которых предусмотрена контрактом, поставщику должны быть возмещены причиненные таким отказом убытки, т. е. в том числе и упущенная выгода. На наш взгляд, указанная

[12] *Карапетов А.Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 417, 420.

[13] FAR 12.403(d); FAR 52.212-4.

[14] *Sope W.-El.* Op. cit. P. 226.

коллизия должна решаться на основе правила *lex specialis derogat lex generalis*: применению подлежит норма Закона о контрактной системе.

В Законе о контрактной системе не предусмотрена возможность взыскания убытков государственного заказчика, понесенных им в случае его одностороннего отказа от исполнения контракта по причине несоответствия контрагента указанным в п. 7 ч. 1 ст. 31 Закона о контрактной системе требованиям уже после заключения контракта. В результате остается открытым вопрос о праве заказчика взыскать с контрагента расходы, произведенные на организацию и проведение закупочной процедуры, а также требовать компенсации планируемых затрат на проведение новой закупочной процедуры. На наш взгляд, возможность применения в рассматриваемом случае ст. 15 ГК РФ является дискуссионной. Ведь основанием одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта явилось привлечение контрагента (его должностных лиц) к уголовной или административной ответственности за совершение правонарушения, *не связанного с этим контрактом* (курсив мой. – *Е. С.*).

Следующий вопрос, встающий при одностороннем отказе государственного заказчика от исполнения контракта вследствие привлечения контрагента (его должностных лиц) к административной или уголовной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, не связанных с заключением или исполнением этого контракта, заключается в соответствии данной меры принципу соразмерности правонарушения и применяемых санкций.

Расторжение государственного контракта может привести к серьезному ухудшению финансового положения контрагента заказчика, особенно при осуществлении им деятельности на рынке продукции, закупаемой исключительно государственными заказчиками (например, продукции военного назначения. – *Прим. авт.*). Информация о лице, с которым государственный контракт был расторгнут в связи с односторонним отказом заказчика от его исполнения, включается на двухлетний период в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (ч. 16 ст. 95, ч. 9 ст. 104 Закона о контрактной системе). Это существенно ограничивает доступ хозяйствующего субъекта к рынку государственных и муниципальных закупок. Кроме того, снижается конкурентоспособность этого лица, потому что расторжение контракта негативно отражается на его показателях по такому нестоимостному критерию оценки заявок на участие в государственной (муниципальной) закупке, как опыт работы. Необходимо обратить внимание и на действие принципа *ne bis in idem*. Ведь расторжение государственного контракта может квалифицироваться как дополнительная кара, выходящая за рамки административного или уголовного наказания лиц, виновных в совершении правонарушения.

Аргументируя допустимость одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта вследствие привлечения контрагента (его должностных лиц) к уголовной или административной ответственности за совершение правонарушений, не связанных с заключением или исполнением этого контракта, сошлемся на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированную в одном из его определений относительно ограничения прав физического лица вследствие наличия у него судимости. По мнению высшей судебной инстанции, запрет на заключение трудовых договоров с лицами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, направлен на защиту общественных интересов и прав отдельных групп граждан. Конституционный Суд Российской Федерации прямо подчеркнул, что данный запрет не является дополнительным наказанием за преступление, а пред-

ставляет собой специальную меру защиты публичных интересов[15].

Руководствуясь логикой Конституционного Суда Российской Федерации, считаем возможным признать расторжение государственного контракта в связи с односторонним отказом заказчика от его исполнения вследствие привлечения контрагента (его должностных лиц) к административной или уголовной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, не связанных с заключением или исполнением этого контракта, специальной мерой защиты публичных интересов, а не наказанием поставщика (подрядчика, исполнителя). Следовательно, применение данной меры заказчиком не нарушает принцип *ne bis in idem*.

Вместе с тем, необходимо очертить на законодательном уровне круг случаев, требующих защиты публичных интересов посредством одностороннего отказа государственного заказчика от исполнения контракта. Представляется недопустимой ситуация, когда односторонний отказ заказчика будет направлен исключительно на наказание хозяйствующего субъекта.

[15] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Сергея Федоровича на нарушение его конституционных прав положением части второй статьи 331 Трудового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 26 янв. 2010 г. № 127-О-О. Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ КОНТРАКТА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПОДРЯДНЫХ РАБОТ

П.В. Кириллов, кандидат юридических наук

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (далее – Закон № 44-ФЗ) возлагает обязанности на федеральные органы исполнительной власти по разработке типовых контрактов, типовых условий контрактов (далее – ТК и ТУК)[1]. Порядок их разработки, а также случаи и условия их применения утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения» от 2 июля 2014 г. № 606. Согласно п. 2 данного Постановления ТК и ТУК должны размещаться на официальном сайте www.zakupki.gov.ru до ввода единой информационной системы в эксплуатацию, но раздел «Библиотека типовых контрактов, типовых условий контрактов (44-ФЗ)» указанного сайта на момент написания статьи не был заполнен.

На наш взгляд, в ближайшей перспективе ТК и ТУК, в том числе на выполнение подрядных работ, не появятся в связи со сложностями, возникшими при их разработке, обусловленными тем, что они регулируют и охватывают большой объем гражданско-правовых отношений. Видимо, поэтому в Законе № 44-ФЗ предусмотрены специальные переходные нормы, которые применяются до утверждения типовых контрактов. Так, предусматривается, что до утверждения федеральными органами исполнительной власти ТК и ТУК заказчики обязаны самостоятельно разрабатывать проекты контрактов (данная обязанность

[1] По состоянию на 1 апреля 2015 г.; ч. 11 ст. 34, чч. 6, 7 ст. 112.

возлагается на контрактные службы заказчиков[2]).

При составлении сотрудниками контрактных службы ТК и ТУК следует уделить внимание Методическим рекомендациям по составлению договоров подряда на строительство в Российской Федерации[3], а также возможно использовать форму контракта на выполнение работ по строительству стадионов для подготовки чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г.[4] или типовые договоры, разработанные Международной федерацией инженеров-консультантов (ФИДИК) в сфере строительства и направленные на регулирование отношений участников международной инвестиционно-строительной деятельности. В то же время важно адаптировать типовые договоры[5] с учетом норм российского законодательства, судебной практики и процедур, связанных с реализацией строительных проектов в рамках выполнения государственного оборонного заказа, не нарушая при этом целостности и согласованности положений данных договоров. В частности, нужно адаптировать к российским условиям прием этапов работ, подписание форм КС-2, КС-3 и определение момента перехода рисков при строительстве объекта, а также учитывать особенности российского бухгалтерского учета[6] и др.

Однако для осуществления закупок в рамках государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) разработаны и утверждены примерные условия контрактов, которыми обязаны руководствоваться и федеральные органы исполнительной власти, и другие заказчики и подрядчики[7].

Практика показывает, что возникшие при исполнении контракта на выполнение подрядных работ (далее – контракт) проблемы (судебные споры), прежде всего, обусловлены неточностью и недостаточностью в формулировании его существенных условий. Ведь для их раскрытия в проекте контракта от разработчиков требуются не только специальные знания законодательства о контрактной системе, гражданского законодательства, но и знания градостроительного и бюджетного законодательств.

В Законе № 44-ФЗ неоднократно применяется понятие «существенные условия контракта», которое в данном Законе не раскрыто. При этом ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ устанавливает ограниченный перечень случаев, когда могут быть изменены существенные условия контракта.

К таким случаям, относится, например, уменьшение ранее доведенных до заказчика как получателя бюджетных средств лимитов бюджетных обязательств. При этом государственный заказчик в ходе исполнения контракта обеспечивает согласование новых условий контракта, в том числе цены и (или) сроков исполнения контракта и (или) количества товара, объема работы или услуги, предусмотренных контрактом, в соответствии с п. 6 ст. 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Помимо уменьшения бюджетного финансирования, к таким случаям также относится снижение цены контракта без изменения объема и качества выполняемой работы либо увеличение или уменьшение объема работы не более чем на 10 % с соответствующим увеличением или уменьшением цены контракта. Возможность такого изменения условий должна быть предусмотрена документацией о закупке и контрактом (если

[2] Типовое положение (регламент) о контрактной службе : приказ Минэкономразвития России от 29 октября 2013 г. № 631 : по сост. на 26 мая 2014 г. Подп. 5 п. 14 // Рос. газ. 2013. № 273.

[3] См. подробнее: Протокол Межведомственной комиссии по подрядным торгам при Госстрое России от 5 октября 1999 г. № 12.

[4] См. подробнее: Приказ Минспорта России от 25 ноября 2014 г. № 946/1.

[5] Так, на необходимость адаптации указывают и арбитражные суды: «по своей сути типовые договоры являются документом, унифицирующим обычаи делового оборота, связанные с выполнением строительных и инженерных работ. Следовательно, положения этого типового договора могут быть применены в части, не противоречащей нормам законодательства Российской Федерации, и с учетом иных условий договора» (постановление ФАС Северо-Западного округа от 18 декабря 2013 г. по делу № А56-55092/2011).

[6] Например, если не адаптировать порядок приемки этапов работ, то по умолчанию к заказчику одновременно с подписанием каждого поэтапного акта перейдут и право собственности на выполненные работы, и риски случайной гибели. Также не предполагается ежемесячное подписание форм КС-2, КС-3.

[7] Положение о примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1275.

закупка осуществляется у единственного подрядчика – только контрактом).

Кроме того, в некоторых случаях условия контракта могут быть изменены и при отсутствии соответствующей оговорки в документации о закупке и в контракте, например, если в соответствии с законодательством происходит изменение регулируемых государством цен (тарифов) на выполняемые работы по подключению (присоединению) к сетям инженерно-технического обеспечения. Также допускается изменение существенных условий контракта, заключенного для обеспечения федеральных нужд на срок не менее чем 3 года и ценой не менее 10 млрд руб., в случае если выполнение контракта по независящим от сторон контракта обстоятельствам без изменения его условий невозможно[8]. Для большинства заказчиков данные основания не актуальны.

Вышеперечисленные случаи изменения условий контракта обусловлены изменением только одного существенного условия контракта – цены, при этом такое изменение допускается только по соглашению сторон[9].

Поскольку законодательство о контрактной системе основано, в частности, на положениях Гражданского кодекса Российской Федерации[10], для определения понятия «существенные условия» обратимся к нему.

«Существенные условия договора (контрата)» являются одним из центральных понятий договорного права. Хотя гражданское законодательство не содержит соответствующего легального определения, содержание данного понятия можно вывести из п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации, предусматривающего, что существенными условиями являются:

– предмет договора;

– условия, названные в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида;

– условия, которые обе стороны или одна сторона считают существенными и заявили (заявила) об этом при заключении договора.

При этом учеными высказаны разные точки зрения по поводу существенных условий договора, начиная с мнения о том, что существенными являются только те условия, которые в законодательстве так прямо и обозначаются как «существенные», и кончая суждением, согласно которому существенными являются буквально все условия каждого конкретного договора (контракта)[11].

Нельзя не согласиться с последним суждением, ведь по смыслу абз. 1 п. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, являются существенными. Очевидно, что если то или иное условие закреплено в конкретном договоре (конкретном контракте), то это является следствием того, что одна из сторон при заключении договора (контракта) посчитала, что по этому условию должно быть достигнуто соглашение.

Однако ситуация радикально меняется, если рассматривать существенные условия договора строительного подряда (контракта), т. е. договора определенного вида. Здесь ни о каких «сторонах» рассуждать не приходится – только указания законодательства. Так как при таком рассмотрении существенными будут условия о предмете договора, а также «условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида».

[8] Пункт 1 ч. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ; п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 1186.

[9] Кроме того, в 2015 г. в контрактах на выполнение подрядных работ со сроком исполнения свыше 6 месяцев по соглашению сторон могут изменяться: сроки исполнения контракта, цены контракта, объемы работ (ч. 1.1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ).

[10] Часть 1 ст. 2 Закона № 44-ФЗ.

[11] См. подробнее: *Шевченко Е.Е.* Заключение гражданско-правовых договоров: проблемы теории и судебно-арбитражной практики. М., 2012; *Соловяненко Н.И.* Заключение договора // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. Т.Е. Абовой. М., 2011; *Степанова И.Е.* Существенные условия договора: проблемы законодательства // Вестн. Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. 2007. № 7.

Что означает формулировка «названы в законе»? Требуется ли для признания условия существенным, чтобы в законе было прямо сказано: «условие такое-то является существенным (необходимым)»? Как это указывается, например, в п. 1 ст. 489, п. 1 ст. 558, п. 1 ст. 842 Гражданского кодекса Российской Федерации и т. д. Или достаточно косвенного указания на условия, вроде тех, что содержатся, например, в п. 1 ст. 708 (условие о начальном и конечном сроке выполнения работ), п. 1 ст. 766 (условия контракта: об объеме и о стоимости подлежащей выполнению работы; сроках ее начала и окончания; размере и порядке финансирования и оплаты работ; способах обеспечения исполнения обязательств сторонами) Гражданского кодекса Российской Федерации. Представляется, что все указанные нами примеры условий охватываются формулировкой «названы в законе», а специальные нормы содержат существенные условия для договора строительного подряда (контракта). Иными словами, отнесение тех или иных условий к существенным определяет тот минимальный набор условий, которые стороны обязаны согласовать в договоре (контракте) с тем, чтобы в рассматриваемом нами примере он мог быть охарактеризован как договор строительного подряда. Это необходимо, прежде всего, для недопущения проблем (судебных споров) в ходе выполнения сторонами взятых на себя обязательств, в том числе и для защиты их же прав. Установление законодателем минимального набора условий для договора строительного подряда (контракта) определяет обстоятельства, при которых он может существовать.

«Условие… является существенным» – подобные формулировки в законодательстве не редкость; но выражение «условие… является необходимым» не встречается. Что же имеется в виду под «...условиями, которые названы... как... необходимые для договоров данного вида»? Ответ может быть только один: те, без которых договор соответствующего вида немыслим. Немыслим настолько, что законодатель посчитал нужным восполнять недостаточность договоренности по этим условиям, если они встретятся. Примером могут быть нормы ст. 34 Закона № 44-ФЗ и Положения о примерных условиях государственных контрактов (контрактов) по государственному оборонному заказу (далее – Положение)[12]. Появление «необходимых условий» обусловлено различными способами законодательного закрепления условий определенных видов договоров как существенных в силу требований нормативных правовых актов.

Таким образом, под существенными условиями договора строительного подряда (контракта) как договора определенного вида, по мнению автора, можно рассматривать: предмет договора; условия, которые прямо или косвенно названы в Гражданском кодексе Российской Федерации; условия, которые определены Законом № 44-ФЗ и иными правовыми актами.

Основываясь на вышеуказанных обстоятельствах, и прежде всего на высказывании О.С. Иоффе о том, что установление того или иного перечня существенных условий состоит в том, чтобы «выразить природу соответствующего договора»,[13] предлагаем существенные условия договора строительного подряда (контракта) разделить на четыре группы:

1) обозначенные законодателем как существенные (прямо либо косвенно);

2) обозначенные законодателем как такие, которые должны быть внесены в договор (контракт);

3) предопределенные правоотношениями, связанными с градостроительной деятельностью и иными сферами деятельности;

4) совместно определенные заказчиком и участником закупки по заявлению одного из них.

Как ранее отмечалось, в Законе № 44-ФЗ понятие «существенные условия» не рас-

[12] Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1275.
[13] *Иоффе О.С.* Обязательное право. М., 1975. С. 28.

крыто, при этом в данном Законе неоднократно применяется и понятие «обязательные условия».

По смыслу чч. 6, 8 ст. 30 и чч. 4, 13, 27 ст. 34 Закона № 44-ФЗ под обязательными условиями подразумеваются положения контракта, которые заказчику необходимо включить в него в силу прямого указания Закона № 44-ФЗ, т. е. «обязательные условия», применяемые в Законе № 44-ФЗ, аналогичны выделенной нами второй группе существенных условий договора строительного подряда (контракта)[14]. При этом п. 6 Правил разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов устанавливает, что ТК и ТУК должны содержать только «обязательные условия» Закона № 44-ФЗ.

Следует также отметить, что буквальная трактовка ч. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ в совокупности с п. 2 ст. 767 Гражданского кодекса Российской Федерации не допускает изменение условий контракта при его заключении и исполнении, за исключением случаев, предусмотренных ст. 95 Закона № 44-ФЗ. Указанные законодательные ограничения в изменении условий контракта и сложности, возникающие в ходе исполнения контракта и обусловленные особенностями градостроительной деятельности, могут привести к снижению качества выполнения подрядных работ.

Анализ норм Закона № 44-ФЗ, как и изменений, внесенных в него, показывает, что под «существенными условиями» законодателем, скорее всего, понимаются существенные условия договора определенного вида[15].

На наш взгляд, законодатель в ч. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ все-таки не допускал возможность изменения существенных условий контракта, которые мы отнесли к первой группе существенных условий договора строительного подряда (контракта)[16].

Таким образом, по мнению автора, в Законе № 44-ФЗ под существенными условиями понимается минимальный набор условий, которые прямо или косвенно названы в Гражданском кодексе Российской Федерации и которые должны быть раскрыты в контракте с тем, чтобы он мог быть охарактеризован как договор определенного вида. Ограничение же законодателем в Законе № 44-ФЗ права заказчика на свободу договора (ч. 2 ст. 34) обусловлено тем, что государство стремится к тому, чтобы заказчик осуществил закупки товаров, работ, услуг для обеспечения конкретных государственных нужд, на которые выделяются денежные средства.

Основной вопрос, возникающий в данном случае: разграничение в Законе № 44-ФЗ «существенных условий» и «обязательных условий», а также ограничение свободы договора.

Ранее мы указали, что «существенные условия» и «обязательные условия» по Закону № 44-ФЗ аналогичны соответственно первой и второй группам существенных условий договора строительного подряда (контракта), выделенных нами и объединенных одним понятием «существенные условия договора». Исходя из этого, понятие «существенные условия» возможно изменить на уже применяемую Законом № 44-ФЗ формулировку «условия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации для отдельных видов обязательств». При этом необходимо оставить ограничения в возможности заказчика изменять данные условия. «Обязательные условия», порядок и условия их изменения требуют дальнейшего совершенствования.

При этом законодатель использует предлагаемое ограничение свободы договора в разграничении существенных условий. Так, им определена структура условий (положений) контрактов, которые им разделены как бы на две части: постоянную и перемен-

[14] «Условия, обозначенные законодателем как такие, которые должны быть внесены в договор (контракт)».

[15] См. подробнее ч. 19 ст. 95 Закона № 44-ФЗ.

[16] Предмет, объем и стоимость подлежащей выполнению работы, сроки ее начала и окончания, размер и порядок финансирования и оплаты работ, способы обеспечения исполнения обязательств.

ную[17]. К первой относятся условия, не подлежащие изменению при их применении, т. е. первая часть скорее совпадает с указанными нами первой, второй и третьей группами существенных условий договора строительного подряда (контракта). Необходимо уточнить, что в последнюю группу входят условия, только часть которых изменять заказчик не может, так же как и условия первой и второй групп. Вторая часть содержит условия, применение которых связано с правом выбора заказчиком одного или нескольких вариантов условий, а также с возможностью их формулирования, т. е. вторая часть совпадает с четвертой и частично с третьей группой существенных условий договора строительного подряда (контракта).

Кроме того, законодатель установил и основания применения ТК и ТУК. Так, основанием их обязательного применения для закупок подрядных работ будет являться одновременное соответствие следующим показателям, характеризующим конкретную закупку:

– коды объекта закупки (по ОКПД, ОКВЭД, по каталогу товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд);

– размер начальной (максимальной) цены контракта или цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем);

– иные показатели, которые могут быть указаны разработчиками ТК и ТУК[18].

ТК и ТУК могут не применяться в случае осуществления заказчиком закупок у единственного поставщика следующих подрядных работ:

– у единственного подрядчика. определенного правовым актом Президента Российской Федерации либо по его поручению правовым актом Правительства Российской Федерации, если ими при этом указана возможность заключения контракта без использования типового контракта, типовых условий контракта;

– на сумму до 100 тыс. руб.;

– отдельными заказчиками (например, музеями, архивами, государственными образовательными организациями) до 400 тыс. руб.[19]

При сравнении определений строительного подряда (п. 1 ст. 740 Гражданского кодекса Российской Федерации) и обычного подряда (п. 1 ст. 702 Гражданского кодекса Российской Федерации) большинство ученых, наряду с предметом договора, к существенным условиям договора строительного подряда относят цену и срок. Согласно другому мнению к существенным условиям также относятся «условия о технической документации» (п. 2 ст. 743 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В соответствии с разъяснениями Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации существенными условиями договора строительного подряда являются условия: о предмете, о сроке выполнения (окончания) работ, а также о цене подлежащей выполнению работы или способе ее определения. При этом указанным судом выработана позиция, согласно которой отсутствие утвержденной в установленном порядке технической документации, определяющей предмет договора, не всегда является безусловным основанием для признания договора незаключенным[20]. Видимо, в некоторых случаях арбитражные суды при разрешении спора, исходя из конкретных обстоятельств дела, вынуждены решать вопрос о возможности исключения из числа существенных каких-либо условий, «исправляя» тем самым законодательство.

Условия контракта те же, что и в договоре подряда, однако к нему, помимо вышеуказанных условий, добавляются: размер и порядок финансирования и оплаты работ, способ обеспечения исполнения обяза-

[17] Пункт 7 Правил разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов.
[18] Пункты 15, 16 Правил разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов.
[19] Пункт 18 Правил разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов.
[20] Информационное письмо от 24 января

тельств. Следует отметить, что круг существенных условий контракта выводится из его определения, содержащегося в п. 1 ст. 766 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, первая группа существенных условий контракта на выполнение подрядных работ (которые прямо или косвенно названы в Гражданском кодексе Российской Федерации) включает: предмет, срок выполнения (окончания) работ, цену подлежащей выполнению работы или способ ее определения, размер и порядок финансирования и оплаты работ, способ обеспечения исполнения обязательств.

На наш взгляд, законодательное ограничение в возможности заказчика изменять данные условия в контракте обеспечивает закупку необходимых работ и стабильность отношений участников гражданского оборота. Иные группы условий должны быть свободны в применении. При этом целесообразно предоставить заказчику право выбора между несколькими вариантами условий (вторая группа) или предоставить возможность самостоятельно формулировать их, с учетом определенных особенностей (третья и четвертая группы).

Применение данного подхода определено ключевыми исходными условиями и факторами развития экономики России. Так, падение мировых цен на нефть с середины 2014 г., эскалация конфликта на Украине и сохраняющееся геополитическое напряжение, продолжение действий экономических санкций в отношении России обусловили принятие государством мер, касающихся возможности изменения существенных условий контракта.

Контракты, срок исполнения которых завершается в 2015 г., могут быть пересмотрены, в том числе в части увеличения цены и срока исполнения контракта (увеличение объема выполняемых работ не допускается)[21].

Изменение условий контракта должно оформляться дополнительным соглашением, основанием для его подготовки является обращение подрядчика, направленное в письменной форме в адрес заказчика, с обоснованием невозможности исполнения контракта без изменения его условий в связи с существенным изменением обстоятельств в соответствии со ст. 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Следует учитывать, что заказчик не вправе принимать решение об изменении данных условий без письменного обращения подрядчика.

Заказчик принимает решение о внесении изменений в контракт, исходя:

– из необходимости достижения результатов мероприятий государственных программ, федеральных целевых программ;

– из объема фактически исполненных обязательств, предусмотренных контрактом, на дату принятия решения о внесении в него изменений;

– из утвержденного и доведенного до заказчика объема финансового обеспечения на принятие и (или) исполнение в 2015 г. обязательств по контрактам.

При изменении цены контракта согласованные заказчиком и подрядчиком размеры затрат, подлежащие включению в сводный сметный расчет стоимости строительства, не должны превышать действующих сметных нормативов на отдельные виды затрат. В случае ее увеличения заказчик сокращает объем работ или ходатайствует о внесении изменений в соответствующий нормативный правовой акт (решение) в части увеличения объема осуществляемых капитальных вложений. Изменение условий контракта должно сопровождаться внесением заказчиком изменений в реестр контрактов.

Кроме того, в 2015 г. заказчику предоставлено право не устанавливать требование об обеспечении исполнения контракта, если участниками закупок являются субъекты малого предпринимательства, бюджетные учреждения или автономные учреж-

[21] См. подробнее: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2015 г. № 198; письмо Минэкономразвития России от 31 марта 2015 г. № 7751-АВ/Д03и и др.

дения, а также если предусматривается выплата авансовых платежей в размере не более 15 % цены контракта при проведении заказчиком расчета с подрядчиком в размере не более 70 % цены каждого этапа выполнения работ и проведение полного расчета только после приемки заказчиком всего строительного объема и полного исполнения подрядчиком иных обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением гарантийных обязательств)[22].

Также в случае завершения в полном объеме в 2015 г. исполнения подрядчиком всех обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением гарантийных обязательств, заказчик:

а) осуществляет списание неуплаченных сумм неустоек (штрафов, пеней) (общая сумма неуплаченных неустоек не должна превышать 5% цены контракта);

б) предоставляет отсрочку уплаты неуплаченных сумм неустоек (штрафов, пеней) до окончания текущего финансового года:

– путем списания 50 % неуплаченных сумм неустоек при условии уплаты 50% неуплаченных сумм неустоек до окончания текущего финансового года (общая сумма неуплаченных неустоек от 5 % цены контракта до 20 %);

– путем предоставления отсрочки (общая сумма неуплаченных неустоек превышает 20 % цены контракта)[23].

На данные решения заказчика не влияет признание (не признание) подрядчиком данных задолженностей. В связи с возможностью судебных споров по данным решениям предлагаем заказчикам руководствоваться следующим порядком: сверка расчетов, в том числе с указанием задолженностей, в виде неустоек (штрафов, пеней) (если подрядчик не подтвердит задолженность, неустойка не списывается); направление подрядчику извещения о списании неустойки; составление дополнительного соглашения о списании или уплате неустойки до окончания текущего финансового года. Вместе с тем, списание начисленных сумм неустоек (штрафов) может быть произведено только с согласия соответствующего главного распорядителя средств федерального бюджета.

Списание начисленных сумм неустоек распространяется на них независимо от даты возникновения. Суммы неустоек не могут быть списаны, если в 2015 г. стороны на основании ч. 1.1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ изменяли условия контракта (например, срок его исполнения, цену) или если неустойка возникла по завершенным контрактам 2014 г. и ранее.

Изменение в 2015 г. ключевых исходных условий и факторов развития экономики России обусловило установление порядка реструктуризации задолженностей коммерческих банков, возникших в связи с предъявлением требований к исполнению банковских гарантий, предоставленных в качестве обеспечения исполнения контрактов[24].

Реструктуризация задолженности по банковской гарантии осуществляется заказчиком при одновременном соблюдении следующих условий:

– задолженность коммерческого банка равна денежной сумме по банковской гарантии, предоставленной в качестве обеспечения исполнения контракта, и не связана с авансом;

– коммерческим банком признано наличие такой задолженности в срок, не превышающий пяти рабочих дней со дня получения требования об уплате суммы по банковской гарантии;

– коммерческим банком выплачена сумма по банковской гарантии, которая равна размеру аванса, уменьшенного с учетом фактически исполненных обязательств по контракту.

В ходе реструктуризации устанавливается график поэтапного погашения задолженности коммерческих банков по банковским

[22] См. подробнее: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2015 г. № 199.
[23] См. подробнее Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2015 г. № 196.
[24] См. подробнее: Постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 405.

гарантиям в течение 2015 г. равными долями, перечисляемыми заказчику ежемесячно.

Таким образом, заказчику предоставляется определенная свобода выбора в формулировании цены и срока исполнения контракта, применении обеспечения исполнения обязательств по контракту.

Надеемся, что выделенные группы существенных условий, их анализ помогут практикам не допустить возникновения проблем, обусловленных неточностью и недостаточностью в формулировании существенных условий контракта на выполнение подрядных работ.

<table>
<tr><td rowspan="6">Ф. СП-1</td><td colspan="13">Министерство связи РФ</td></tr>
<tr><td colspan="13">АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал 72527
«Право в Вооруженных Силах - военно-правовое обозрение» индекс издания</td></tr>
<tr><td colspan="10">(наименование издания)</td><td colspan="2">Количество комплектов</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="13">на 2016 год по месяцам</td></tr>
<tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="13">Куда (почтовый индекс) (адрес)</td></tr>
<tr><td colspan="13">Кому
(фамилия, инициалы)</td></tr>
<tr><td colspan="14">----------</td></tr>
<tr><td rowspan="6"></td><td colspan="13">ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
ПВ | место | литер
на ~~газету~~ журнал 72527
«Право в Вооруженных Силах - военно-правовое обозрение» индекс издания</td></tr>
<tr><td colspan="13">(наименование издания)</td></tr>
<tr><td colspan="3">Стоимость</td><td colspan="3">подписки
переадресовки</td><td colspan="3">____ руб. ____ коп.
____ руб. ____ коп.</td><td colspan="2">Кол-во комплектов</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="13">на 2016 год по месяцам</td></tr>
<tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="14">Куда (почтовый индекс) (адрес)</td></tr>
<tr><td colspan="14">Кому
(фамилия, инициалы)</td></tr>
</table>

О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОТСРОЧКИ ОТ ПРИЗЫВА НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В СВЯЗИ С ПОЛУЧЕНИЕМ ГРАЖДАНИНОМ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Ефремов, начальник юридического отделения военного комиссариата Чувашской Республики

В соответствии с подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (далее – Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ) право на отсрочку от призыва на военную службу имеют граждане, обучающиеся по очной форме обучения в образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования, если они до поступления в указанные образовательные организации не получили среднее образование, – в период освоения указанных образовательных программ, но не свыше сроков получения среднего профессионального образования, установленных федеральными государственными образовательными стандартами, и до достижения указанными обучающимися возраста 20 лет (в редакции от 5 октября 2015 г.). Ранее такое же право предоставлялось и лицам, обучающимся по программам начального профессионального образования (в редакции от 7 июня 2013 г.).

Предусмотренная выше отсрочка от призыва на военную службу предоставляется гражданину только один раз. Право на отсрочку сохраняется за гражданином:

– получившим во время освоения образовательной программы академический отпуск или перешедшим в той же образовательной организации с одной образовательной программы на другую имеющую государственную аккредитацию образовательную программу того же уровня образования либо переведенным в другую образовательную организацию для освоения имеющей государственную аккредитацию образовательной программы того же уровня образования. Право на отсрочку от призыва на военную службу сохраняется только при условии, если общий срок, на который гражданину была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу для обучения в данной образовательной организации или в образовательной организации, из которой осуществлен перевод, не увеличивается или увеличивается не более чем на один год;

– восстановившимся в той же образовательной организации (за исключением граждан, восстановившихся в образовательных организациях после отчисления по инициативе образовательной организации), если срок, на который гражданину была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу для обучения в данной образовательной организации, не увеличивается.

При принятии решения призывной комиссией о предоставлении (сохранении) гражданину Российской Федерации отсрочки от призыва на военную службу необхо-

димо руководствоваться, в частности, уставами и правилами внутреннего распорядка образовательных организаций. Всегда существует реальная возможность истребовать копии уставов и правил внутреннего распорядка образовательных организаций для проведения последующего их анализа перед принятием решения призывной комиссией. Особенно это становится актуальным в случае отчисления гражданина из образовательной организации в связи с неуплатой (просрочкой уплаты) за учебу в вузе, так как если в уставе образовательного учреждения неуплата за учебу в вузе относится к неуважительной причине отчисления, то и вопрос – сохранять ли отсрочку от призыва на военную службу такому гражданину в случае его восстановления в вузе – находит вполне однозначный ответ – нет. Аналогично решается вопрос, если, например, студент отчислен из вуза по неуспеваемости, а затем последовали отмена приказа об отчислении и издание приказа о его переводе на другую специальность того же уровня (при этом срок обучения увеличился только на один год). Указанное обстоятельство, по мнению автора, не может служить основанием для сохранения ранее предоставленной отсрочки от призыва на военную службу такому гражданину, так как в соответствии с абз. 9 подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» предусмотренная указанным подпунктом отсрочка от призыва на военную службу предоставляется гражданину только один раз[1].

Необходимо отметить, что граждане, которым была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу в соответствии с подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ до дня вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ (1 сентября 2013 г.), пользуются указанной отсрочкой до истечения срока ее действия или до прекращения основания ее предоставления.

Таким образом, если гражданину уже была предоставлена отсрочка в соответствии с ранее действовавшей редакцией абз. 3 подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ, это означает, что она будет действовать на время обучения, но не свыше установленных нормативными документами сроков изучения основных образовательных программ по выбранной специальности. При этом в любом случае – до достижения возраста 20 лет независимо от вида профессионального обучения.

Как известно, главное отличие оснований, дающих право на получение отсрочек от призыва на военную службу и изложенных в п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г., от оснований для предоставления отсрочек, содержащихся в п. 1 ст. 24 данного Закона, состоит в том, что в п. 2 изложено такое основание, как отсрочка от призыва на военную службу, которая предоставляется гражданину только при наличии его волеизъявления, т. е. при реализации права на отсрочку путем письменного обращения в призывную комиссию. Подчеркивая это основное отличие, мы имеем в виду то, что граждане могут воспользоваться правом на отсрочку от призыва на военную службу, а могут и не воспользоваться им вообще.

Конституцией Российской Федерации возлагается обязанность по защите Отечества на всех российских граждан мужского пола, а следовательно, провозглашая право каждого на свободный выбор рода деятельности или профессии, Конституция Российской Федерации предусматривает возможность ограничения прав и свобод в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороноспособности и безопасности государства в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Следовательно, исходя из целей обеспечения обороноспособности и безопасности,

[1] *Ефремов А.В.* Некоторые правовые вопросы, связанные с сохранением права гражданина на отсрочку от призыва на военную службу // Право в Вооруженных Силах. 2012. № 8.

законодатель ограничивает отдельные категории российских граждан в конституционном праве выбора рода деятельности. В данном случае речь идет не о лишении граждан права на труд, а о возложении на них обязанности осуществлять законодательно определенный вид деятельности – проходить военную службу по призыву. Не нарушаются при этом и конституционные принципы равенства перед законом и равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка и других обстоятельств.

Военная служба по призыву имеет обязательный характер в отношении всех граждан, на которых эта обязанность распространяется, и, следовательно, не противоречит ст. 19 (ч. 1) Конституции Российской Федерации. Конституционные принципы равенства предполагают равенство возможностей, в том числе в выборе путей исполнения конституционной обязанности. Так, любой гражданин, подлежащий призыву на военную службу, может на законном основании воспользоваться отсрочкой от призыва на военную службу, например, при поступлении в учебное заведение профессионального образования, имеющее государственную аккредитацию, реализуя при этом конституционное право на образование, гарантированное ч. 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации. Различные правовые последствия, связанные с таким свободным выбором, не могут рассматриваться как нарушение гарантий, закрепленных в ст. 19 (ч. 2) Конституции Российской Федерации.

Следовательно, призыв на военную службу и военная служба по призыву, являющиеся по российскому законодательству формами воинской обязанности, не предполагают лишения граждан права на труд, но ограничивают их на определенный законом срок в реализации их конституционного права на свободное распоряжение своими способностям к труду и выбор рода деятельности в интересах всего общества и государства[2].

При достижении гражданами, подлежащими призыву на военную службу, двадцатилетнего возраста они утрачивают право на отсрочку от призыва на военную службу, предусмотренную подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ, несмотря на то, что они, допустим, не завершили соответствующее обучение по очной форме обучения в образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования.

На улучшение положения таких обучающихся направлены изменения, внесенные в ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ Федеральным законом от 14 октября 2014 г. № 302-ФЗ (вступают в силу с 1 января 2017 г.).

С 1 января 2017 г. абз. 3 подп. «а» п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ будет действовать в следующей редакции:

«…образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования, установленных федеральными государственными образовательными стандартами;».

При этом в Пояснительной записке к соответствующему законопроекту было указано, что в настоящее время, в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», обучающиеся по очной форме обучения в имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях по программам среднего профессионального образования, получившие среднее (полное) общее образование, находятся в неравных условиях с обучающимися, которые не получили среднее (полное) образование. Студенты, поступившие в образовательные учреждения среднего профессионального образования

[2] *Кудашкин А.В.* О сущности и соотношении обязанностей по защите Отечества, несению военной службы и воинской обязанности // Рос. военно-правовой сб. М., 2007. № 10. С. 100.

после 9-го класса общеобразовательной школы, имеют право на отсрочку от призыва на военную службу на время обучения, но не свыше нормативных сроков освоения основных образовательных программ и до достижения указанными гражданами возраста 20 лет. При этом большинство студентов, поступивших в образовательные учреждения среднего профессионального образования после 11-го класса общеобразовательной школы в 17-летнем возрасте, призываются на военную службу и не успевают его окончить, за исключением случаев, когда они достигают призывного возраста в последний год обучения. Это приводит к нарушению последовательности освоения учебных программ, снижению уровня профессиональной компетенции выпускников.

Будучи призванными по достижении установленного в настоящее время в Федеральном законе от 28 марта 1993 г. № 53-ФЗ возраста, после службы в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации некоторые учащиеся не возвращаются в учреждения профессионального образования для завершения обучения, а те, кто продолжают обучение, как правило, показывают слабую успеваемость. Кроме того, в условиях реформирования армии и флота, при продолжительности военной службы по призыву один год, потребности Вооруженных Сил в военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, обладающих сформированными профессиональными навыками и знаниями, возрастают и в долгосрочной перспективе также будут увеличиваться.

Законодатели предложили предоставить право на отсрочку от призыва на военную службу обучающимся по очной форме обучения в имеющих государственную аккредитацию образовательных учреждениях по программам начального профессионального образования или среднего профессионального образования, ограничив срок предоставления отсрочки от призыва только нормативными сроками освоения основных образовательных программ. Таким образом, снимается проблема призыва студентов учреждений среднего профессионального образования до завершения периода обучения.

В случае если обучающийся во время учебы берет академический отпуск, отсрочка продолжает действовать. Важно, чтобы академический отпуск был при этом оформлен по всем правилам. Чаще всего причиной предоставления академического отпуска могут являться состояние здоровья либо семейные обстоятельства[3]. В настоящее время действует приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении Порядка и оснований предоставления академического отпуска обучающимся» от 13 июня 2013 г. № 455, который определяет, что академический отпуск – это отпуск, предоставляемый обучающемуся в связи с невозможностью освоения образовательной программы среднего профессионального или высшего образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность (далее – организация), по медицинским показаниям, семейным и иным обстоятельствам на период времени, не превышающий двух лет. Академический отпуск предоставляется обучающемуся неограниченное количество раз.

Основанием для принятия решения о предоставлении обучающемуся академического отпуска являются личное заявление обучающегося (далее – заявление), а также заключение врачебной комиссии медицинской организации (для предоставления академического отпуска по медицинским показаниям), повестка военного комиссариата, содержащая время и место отправки к месту прохождения военной службы (для предоставления академического отпуска в случае призыва на военную службу), документы, подтверждающие основание предоставления академического отпуска (при

[3] *Ефремов А.В.* О некоторых вопросах, связанных с предоставлением гражданину, являющемуся опекуном или занятому постоянным уходом (помощью, надзором), отсрочки от призыва на военную службу // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 8.

наличии). Решение о предоставлении академического отпуска принимается руководителем организации или уполномоченным им должностным лицом в десятидневный срок со дня получения от обучающегося заявления и прилагаемых к нему документов (при наличии) и оформляется приказом руководителя организации или уполномоченного им должностного лица.

Следовательно, учащиеся техникума (колледжа), т. е. лица, осваивающие программы среднего профессионального образования в образовательных организациях, имеющих государственную аккредитацию, вполне могут воспользоваться академическим отпуском по медицинским показаниям, семейным и иным обстоятельствам на период времени, не превышающий двух лет, но только если они не достигли двадцатилетнего возраста?[4]

Следует учесть, что статус учащегося или статус студента автоматически не предполагал и не предполагает возможности гарантированного получения отсрочки от призыва на военную службу.

Несмотря на возможность обучающемуся взять академический отпуск неоднократное количество раз, возможность предоставления отсрочки от призыва на военную службу ограничена сроками освоения образовательных программ. Так, гражданам, обучающимся по очной форме обучения в образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования, если они до поступления в указанные образовательные организации не получили среднее образование, предоставляется отсрочка от призыва на военную службу[5], но только в период освоения указанных образовательных программ и не свыше сроков получения среднего профессионального образования, установленных федеральными государственными образовательными стандартами.

Порядок реализации указанных образовательных программ устанавливается Министерством образования и науки Российской Федерации. Так, например, приказом Министерства образования и науки Российской Федерации «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты среднего профессионального образования» от 9 апреля 2015 г. № 390 срок освоения определенных программ составляет 2 года 10 месяцев.

Информация

В Мурманской области военнослужащий признан виновным в незаконном обороте наркотических средств

Доказательства, собранные военным следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации по Печенгскому гарнизону, признаны судом достаточными для вынесения приговора военнослужащему матросу Ч. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение и перевозка без цели сбыта наркотических средств, совершенные в крупном размере).

Судом установлено, что 11 мая 2015 года Ч. с целью личного потребления незаконно приобрел в г. Заполярном Мурманской области у неустановленного лица за 12 тысяч рублей наркотическое средство массой свыше 33 граммов. В тот же день он перевез указанное наркотическое средство в г. Никель, где в последующем хранил при себе, а также по месту жительства до момента задержания сотрудниками правоохранительных органов 2 июня 2015 года.

Заозерским гарнизонным военным судом Ч. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

[4] С 1 января 2017 г. данное возрастное ограничение будет исключено.

[5] В настоящее время отсрочка предоставляется, но при условии недостижения гражданином 20-летнего возраста, с 1 января 2017 г. возрастное ограничение будет исключено.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Я.Н. Ермолович, кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права Военного университета

Основанием для дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних является признание их неспособности в полной мере понимать характер и значение своих действий, предвидеть последствия своих действий ввиду отсутствия или малого социального опыта, пороков воспитания и образования, особенностей психического и физического развития и т. д. Несовершеннолетние, совершающие преступления, как правило, характеризуются личностными деформациями, в том числе деформациями нравственных и правовых ценностных ориентаций, отрицанием или полным игнорированием собственной ответственности за противоправное поведение, эмоциональной неуравновешенностью и т. д.[1] Устанавливая особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, законодатель исходит в первую очередь из современных научных представлений о психофизиологических особенностях лиц, не достигших совершеннолетия, отмечает Ю. Е. Пудовочкин. Физическая перестройка организма в переходный период, эмоциональная неустойчивость, неуравновешенность процессов возбуждения и торможения и целый ряд других факторов, непосредственно влияющих на социальное поведение подростка, не позволяют в оценке этого поведения использовать равные со взрослыми стандарты. В поступках подростка в большей степени, чем у взрослого, обозначены психофизиологические детерминанты (склонность к подражанию, неразвитость волевых процессов и др.), тогда как детерминанты социальные либо не включены вообще, либо их влияние еще крайне слабо. Однако для того, чтобы направлять свое поведение в социально одобряемое русло, необходимо не только иметь соответствующий уровень зрелости сознания и воли, но и, что важнее, быть осведомленным о содержании хотя бы минимума социальных норм. Незавершенность же процессов воспитания в несовершеннолетнем возрасте приводит к тому, что уровень и качество усвоения социальных норм все еще недостаточны. В итоге сама структура поведения несовершеннолетних, отличающаяся, с одной стороны, недостаточным усвоением социальных норм, а с другой – неспособностью привести поведение в соответствие с этими нормами, свидетельствует о недопустимости использования в отношении несовершеннолетних тех же мер воздействия, что и в отношении взрослых[2]. Указанные положения признаются в теории и практике необходимыми и достаточными основаниями для смягчения уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

[1] См., подробнее: Криминология: учеб. / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Э Эминова. М., 1995. С. 285 – 291; Криминальная психология: учеб. пособие / авт.-сост. А. И. Ушатиков, О. Г. Ковалев. М., 2007. С. 188 – 238.

[2] *Пудовочкин Ю. Е.* Ювенальное уголовное право: понятие, структура, источники // Журн. рос. права. 2002. № 3.

В соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе (подп. «а» п. 1 ст. 22). Первый контракт о прохождении военной службы вправе заключать: граждане в возрасте от 18 до 40 лет; иностранные граждане в возрасте от 18 до 30 лет (п. 2 ст. 34). Однако в соответствии со ст. 35 названного Федерального закона в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования имеют право поступать граждане, не проходившие военную службу, в возрасте от 16 до 22 лет. Указанные граждане при зачислении в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и заключают контракт о прохождении военной службы по достижении ими возраста 18 лет, но не ранее окончания ими первого курса обучения в указанных образовательных организациях. Согласно п. 7 ст. 11 Положения о порядке прохождения военной службы[3] гражданин, зачисленный в военно-учебное заведение, назначается на воинскую должность курсанта, слушателя или иную воинскую должность, предусмотренную для военнослужащих, обучающихся в указанном учебном заведении, в соответствии с присвоенным ему воинским званием. Таким образом, военнослужащими, проходящими военную службу по призыву, могут являться учащиеся военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования в возрасте от 16 до 18 лет. Об этом прямо и недвусмысленно указано в ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»[4].

В соответствии со ст. 331 УК РФ преступления против военной службы могут совершать военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Каких-либо указаний относительно учащихся военных учебных заведений, курсантов, слушателей в ст. 331 УК РФ не содержится. Таким образом, военнослужащие, проходящие военную службу по призыву, – учащиеся военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования в возрасте от 16 до 18 лет являются как субъектами преступлений в общем смысле в соответствии со ст.ст. 19, 20 УК РФ, так и субъектами преступлений против военной службы в соответствии со ст. 331 УК РФ.

Казалось бы, положения закона ясны и исключают возможность иного толкования, однако судебная практика военных судов по-иному подходит к решению этого вопроса. Так, являясь курсантом Московского военного института, А. А. Толстиков самовольно оставил место службы и временно уклонился от выполнения служебных обязанностей. Находясь вне части, он проводил время по своему усмотрению и спустя месяц добровольно явился в Московскую городскую военную прокуратуру. Исследовав собранные по делу доказательства, гарнизонный военный суд пришел к выводу, что Толстиков не должен нести уголовную ответственность за самовольное оставление места службы, поскольку на момент совершения преступления не достиг возраста 18 лет, с которого граждане призываются на военную службу, и оправдал его за отсут-

[3] Указ Президента Российской Федерации «Вопросы прохождения военной службы» от 16 сентября 1999 г. № 1237 (в редакции от 25 марта 2013 г.).

[4] Такая же позиция изложена в Заключении кафедры уголовного права Военного университета по вопросу возможности привлечения к уголовной ответственности за преступления против военной службы курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования (Право в Вооруженных Силах. 2002. № 10. С. 8 – 10).

ствием в содеянном им состава преступления[5].

Постановлением президиума Московского окружного военного суда и определением Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации приговор оставлен без изменения, а протесты Московского городского военного прокурора и заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора соответственно об отмене приговора и направлении дела на новое судебное рассмотрение – без удовлетворения.

В протесте Главного военного прокурора был поставлен вопрос об отмене оправдательного приговора и последующих судебных постановлений в отношении А. А. Толстикова с передачей дела на новое судебное рассмотрение в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела и неправильным толкованием уголовного закона. В обоснование были приведены следующие доводы.

Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» несовершеннолетним гражданам в возрасте от 16 лет предоставляется возможность проходить службу в качестве курсантов военно-учебных заведений. Началом военной службы для таких граждан считается день зачисления их в указанные учебные заведения, и с этого времени, в соответствии со ст. 35 названного Закона, они приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву. В действующем законодательстве, в том числе и в гл. 14 УК РФ, регламентирующей особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, не содержится каких-либо ограничений ответственности несовершеннолетних курсантов военно-учебных заведений. Таким образом, действующее законодательство устанавливает, что несовершеннолетние курсанты несут уголовную ответственность за преступления против военной службы на общих основаниях.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении по указанному делу отметил, что мотивировка суда, приведенная в приговоре, при принятии решения об оправдании Толстикова, является ошибочной, поскольку Толстиков приобрел статус военнослужащего, проходящего военную службу по призыву не путем призыва, а в связи с добровольным поступлением в военное образовательное учреждение. Тот факт, что после отчисления несовершеннолетние курсанты увольняются с военной службы и направляются в военный комиссариат для постановки на учет, подтверждает, что они в период обучения являлись военнослужащими. В Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» установлено, что военную службу граждане проходят по призыву, а также в добровольном порядке (по контракту). Решение о призыве на военную службу может быть принято военным комиссариатом только после достижения гражданином возраста 18 лет, а первый контракт о прохождении военной службы гражданин вправе заключить в возрасте от 18 до 40 лет. По уголовному делу А. А. Толстикова установлено, что он добровольно поступил на учебу в Московский военный институт и был туда зачислен курсантом в несовершеннолетнем возрасте – в 16 лет и 9 месяцев. Самовольно место учебы он оставил через год также в несовершеннолетнем возрасте. Утверждение в протесте о том, что Толстиков, несмотря на несовершеннолетний возраст, поступив в военно-учебное заведение, приобрел статус военнослужащего и должен нести уголовную ответственность за преступления против военной службы на общих основаниях, не основано на законе. Согласно ст. 331 УК РФ к уголовной ответственности за преступления против установленного порядка прохождения военной службы привлекаются военнослужащие, которые проходят военную службу по призыву либо по контракту. Толстиков же, как видно из приведенных выше

[5] Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2001 г. № ІН 0312/2001.

данных, на военную службу не призывался и по своему возрасту не относился к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву. По этой причине с ним не мог быть заключен и контракт о прохождении военной службы. То обстоятельство, что он после зачисления в институт приобрел статус военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, не свидетельствует о том, что на него могла быть возложена уголовная ответственность за допущенные им нарушения порядка несения военной службы, предусмотренная ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» для лиц, которые проходят военную службу в совершеннолетнем возрасте по призыву или заключенному контракту. Поскольку Толстиков не является субъектом вмененного ему в вину преступления, гарнизонный военный суд обоснованно оправдал его в предъявленном обвинении. Таким образом, Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил без удовлетворения протест заместителя Генерального прокурора Российской Федерации.

Судебные решения по делу Толстикова имеют значение не только по данному конкретному уголовному делу либо по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 337 УК РФ, но и в целом в отношении данной категории лиц по иным воинским преступлениям, отмечает О. К. Зателепин. В соответствии с действующим военным законодательством курсанты военных образовательных организаций могут привлекаться к несению всех видов специальной военной службы, а именно: к несению караульной службы, внутренней службы, к несению службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, к патрулированию в гарнизоне. Кроме того, при несении данных видов военной службы за ними могут закрепляться оружие и военная техника, которые при наличии соответствующих условий могут ими применяться. Состоявшиеся судебные решения, по существу, не позволяют применить к указанным лицам в случае нарушения ими правил несения той или иной специальной военной службы соответствующие нормы гл. 33 УК РФ. В связи с этим возникает парадоксальная ситуация, когда за нарушения специальных правил несения военной службы курсантов можно привлекать только к дисциплинарной ответственности. Это относится не только к несению службы в тех или иных нарядах, но и к порядку прохождения военной службы в целом, например к порядку уставных взаимоотношений между военнослужащими и т. д.[6]

В настоящее время ситуация в рассматриваемой области несколько изменилась. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы»[7] указывается, что к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, следует относить курсантов военных образовательных учреждений профессионального образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы. При этом на положении военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, находятся военнослужащие (бывшие курсанты), отчисленные по различным основаниям из военных образовательных учреждений профессионального образования и направленные для прохождения военной службы по призыву, если они к моменту отчисления достигли возраста 18 лет, а также военнослужащие, которые заключили контракт о прохождении военной службы в период прохождения военной службы по призыву, однако, как не выполнившие условия контракта или не выдержавшие испытания, были вновь направлены для прохождения военной службы по призыву.

[6] *Зателепин О. К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства: моногр. М., 2009. С. 267 – 275.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» от 3 апреля 2008 г. № 3 (в редакции от 23 декабря 2010 г.).

По поводу признания несовершеннолетних военнослужащих субъектами воинских преступлений следует отметить, что в Уголовном кодексе Польской Народной Республики 1969 г.[8] этот вопрос решался довольно просто. В Воинской части Уголовного кодекса содержалась норма о том, что положения, касающиеся преступников молодежного возраста, применяются к военнослужащим, которым в момент совершения преступления не исполнилось 18 лет, а в момент постановления приговора – 21 года (§ 2 ст. 292). В действующем в настоящее время Уголовном кодексе Республики Польша 1997 г.[9] такие же положения о лицах молодежного возраста содержатся в Общей части. В Воинской части законодатель просто ограничился указанием о том, что военнослужащим, совершившим менее тяжкие преступления в возрасте от 17 до 18 лет, наказание может быть заменено дисциплинарным взысканием.

Дополнение УК РФ путем внесения изменений в ч. 2 ст. 331 могло бы разрешить рассматриваемую проблему. Например, можно изложить ч. 2 ст. 331 названного Кодекса в следующей редакции: «К военнослужащим применяются положения об особенностях уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, предусмотренные главой 14 настоящего Кодекса, за исключением положений о принудительных мерах воспитательного воздействия и положений о помещении в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа».

В любом случае, независимо от приведенных решений, следует учитывать, что в УК РФ установлен ряд положений, касающихся уголовной ответственности несовершеннолетних. В соответствии со ст. 87 данного Кодекса несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет. Кроме того, положения об уголовной ответственности несовершеннолетних могут применяться судом к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет, в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности (ст. 96 УК РФ).

Особенностям уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних посвящены разд. V и гл. 14 УК РФ. Несовершеннолетие виновного признается в данном Кодексе обстоятельством, дифференцирующим уголовную ответственность. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних заключаются в следующем: 1) несовершеннолетие признается обстоятельством, смягчающим наказание (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ); 2) при назначении наказания несовершеннолетнему, кроме общих обстоятельств, также учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц (ст. 89); 3) наличие особого основания освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, если будет признано, что их исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 90); 4) наличие особых оснований освобождения от наказания несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92); 5) наличие особых оснований освобождения от наказания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92); 6) наличие особых правил условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, применяемых к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, осужденным к лишению

[8] Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Польской Народной Республики. М., 1973. С. 82.
[9] Уголовный кодекс Республики Польша / под ред. А. И. Лукашова, Н. Ф. Кузнецовой. СПб., 2001. 234 с.

свободы (ст. 93); 7) наличие особых правил исчисления сроков давности совершения преступления и исполнения обвинительного приговора суда (ст. 94); 8) наличие особых правил исчисления сроков погашения судимости (ст. 95). Все перечисленные положения в полном объеме применяются к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, – учащимся военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования в возрасте от 16 до 18 лет (20 лет).

Ряд норм, определяющих особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, содержится в других главах Общей части УК РФ. Так, в соответствии с п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет. Положения о возрасте, с которого наступает уголовная ответственность, а также об освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего, который отстает в психическом развитии, если это не связанно с психическим расстройством, содержатся в ст. 20 УК РФ. В полном объеме к несовершеннолетним применяются следующие положения названного Кодекса: об условном осуждении (ст. 73); об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст.ст. 75 – 76.1); об освобождении от наказания: замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождение от наказания в связи с изменением обстановки, освобождение от наказания в связи с болезнью, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст.ст. 80, 80.1, 81, 82, 82.1).

Следует отметить, что к несовершеннолетним применяются только те наказания, которые перечислены в ст. 88 УК РФ. Указанную норму следует признать специальной по отношению к ст. 331 и ст. 44 данного Кодекса, следовательно, при конкуренции этих норм следует применять положения ст. 88 УК РФ, однако при этом необходимо учитывать особенности правового положения военнослужащих. Так, к несовершеннолетним военнослужащим не могут применяться воинские наказания (ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, арест на гауптвахте), а также обязательные работы в силу ч. 4 ст. 49 УК РФ, исправительные работы в силу ч. 5 ст. 50 УК РФ, ограничение свободы в силу ч. 6 ст. 53 УК РФ, принудительные работы в силу ч. 7 ст. 53.1 УК РФ. Лишение воинского звания и государственных наград не может применяться к несовершеннолетним военнослужащим, поскольку оно не указано в ст. 88 названного Кодекса. Вместо лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью к несовершеннолетним военнослужащим может применяться лишение права заниматься определенной деятельностью. Таким образом, из всех возможных наказаний к несовершеннолетним военнослужащим фактически может применяться лишь штраф и лишение свободы на определенный срок.

УК РФ не содержит исключений для применения к несовершеннолетним военнослужащим принудительных мер воспитательного воздействия, а также помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в соответствии с Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в редакции от 2 июля 2013 г.). Однако, насколько нам известно, подобных прецедентов в практике военных судов еще не было.

Обращаясь к истории рассматриваемого вопроса, отметим следующее. В Артикуле воинском содержалось лишь упоминание о том, что за воровство освобождается от наказания младенец, которого родители могли наказать «лозами», дабы отучить его от воровства (арт. 154 гл. XIX). В Военно-

уголовном уставе 1839 г. содержался раздел «Об обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание». В первую очередь к этим обстоятельствам относилось малолетство преступника (ст.ст. 103 – 108). Малолетними признавались лица в возрасте до 17 лет. В случае совершения преступления малолетним его «вина уменьшалась», а наказание смягчалось. При этом уголовная ответственность «малолетним, состоящим в военном ведомстве», дифференцировалась в зависимости от возраста. Так, лица, не достигшие 10-летнего возраста, освобождались от ответственности и передавались «на исправление» родителям, родственникам или опекунам[10]. Лица в возрасте от 10 до 14 лет могли быть привлечены к уголовной ответственности только за тяжкие преступления, за которые была предусмотрена смертная казнь, при этом в суде должен был быть решен вопрос о том, что преступление было совершено «с разумением». В этом случае к виновному не подлежали применению смертная казнь, наказания, ее заменяющие, ссылка на каторжную работу, телесные наказания (шпицрутены, наказание кнутом и плетьми). Лица, совершившие указанные преступления в возрасте от 14 до 17 лет при таких же обстоятельствах («с разумением»), освобождались только от телесных наказаний, а ссылка на каторжные работы могла быть ограничена определенным, устанавливаемым судом сроком. Кроме того, наказания дифференцировались и в зависимости от социального происхождения малолетнего. Так, в случае совершения «менее важных» преступлений, за которые было предусмотрено телесное наказание, малолетние в возрасте от 10 до 17 лет, не имеющие дворянского происхождения или особых прав состояния, приговаривались к наказанию розгами. При этом число ударов лицам в возрасте от 15 до 17 лет должно быть большим, чем лицам до 15 лет, но с учетом «степени их преступления, возраста и крепости телосложения». Эти же положения были предусмотрены в Своде законов уголовных 1832 г. (ст.ст. 125, 126)[11] и Своде морских уголовных постановлений 1851 г.

В Воинском уставе о наказаниях 1867 г. особенностям уголовной ответственности несовершеннолетних было посвящено три статьи (ст.ст. 80 – 82). Несовершеннолетние делились на две группы: в возрасте от 10 до 17 лет и в возрасте от 17 до 21 года. Несовершеннолетние в возрасте от 17 до 21 года за преступления и проступки, соединенные с нарушением обязанностей службы, подлежали наказаниям, предусмотренным названным Уставом, однако наказание уменьшалось на одну или две степени по усмотрению суда. За преступления и проступки, не сопряженные с нарушением обязанностей службы, к несовершеннолетним применялись правила, предусмотренные для несовершеннолетних в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Кроме того, все несовершеннолетние в возрасте до 21 года за совершение преступлений, наказываемых смертной казнью, подлежали наказанию заточением в крепость, но срок заточения ограничивался одной третью предусмотренного.

Лица в возрасте от 10 до 17 лет в случае совершения преступлений «с разумением» привлекались к ответственности в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных

[10] У неспециалистов в области военного права может возникнуть вопрос: кто относился к несовершеннолетним военнослужащим по русскому дореволюционному военному праву? Для первой половины XIX в. речь идет о воспитанниках военных учебных заведений – кадетских корпусов, военных и юнкерских училищ, пажеского корпуса, морского кадетского корпуса, военных гимназий, а также об особой категории солдатских детей – кантонистов, которые с самого рождения были причислены к военному ведомству и обязаны были проходить военную службу. Вопрос о возрасте при поступлении на военную службу в первой половине XIX в. вообще не ставился. Во второй половине XIX в. после реформ граждане в качестве вольноопределяющихся могли поступать на военную службу в добровольном порядке с 17 лет, обучающиеся в военных и юнкерских училищах приравнивались к вольноопределяющимся. Возраст призыва на военную службу был установлен по достижении полных 20 лет. К концу XIX в. судебной практикой уже признавалось, что на военную службу могут поступать молодые люди в возрасте от 16 лет. В. Д. Кузьмин-Караваев, например, предлагал не признавать военнослужащими воспитанников кадетских корпусов, школ солдатских детей, кандидатов фельдъегерского корпуса, поскольку они «не суть служащие по военному ведомству». Судя по источникам, проблема уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих в дореволюционном военно-уголовном праве не стояла. – *Прим. авт.*

[11] Свод законов уголовных. СПб., 1832. 573 с.

и исправительных, однако наказание назначалось с учетом положений Воинского устава о наказаниях, поскольку указанные лица являлись военнослужащими. Эти же положения воспроизводились в Военно-морском уставе о наказаниях. В. Д. Кузьмин-Караваев отмечал, что указанные правила неясны и сбивчивы, отличны от общих правил и противоречат положениям Уложения. Поскольку фактически на военную службу могли поступать лица в возрасте от 16 до 21 года, дифференциация уголовной ответственности от 10 до 17 лет не имела практического смысла в условиях военной службы[12].

В 1903 г. указанные положения были исключены из Воинского устава, за исключением положения о замене смертной казни заточением в крепости. Как отмечалось комментаторами, это было сделано потому, что более строгая наказуемость за преступления, сопряженные с обязанностями службы, установленная для несовершеннолетних военнослужащих, не имеет никаких оснований. К указанным военнослужащим должны применяться в полном объеме положения, предусмотренные Уложением о наказаниях уголовных и исправительных[13].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержалась целая система норм о смягчении уголовной ответственности несовершеннолетним и малолетним (ст.ст. 136 – 146). Дети от 7 до 10 лет освобождались от наказаний и передавались для исправления родителям. Подростки от 10 до 14 лет могли быть освобождены от наказания, если будет установлено, что они совершили преступление «без разумения». Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет, если будет установлено, что они совершили преступление «без полного разумения», могли быть подвергнуты наказанию или отданы в исправительный приют или подвергнуты заключению в тюрьме на срок до 1 года 4 месяцев. Лицам в возрасте от 10 до 14 лет, совершившим преступление «с разумением», наказания уменьшались в соответствии с установленными правилами. Лицам в возрасте от 14 до 21 года наказания ограничивались одной третью установленного срока или смягчались одной или двумя степенями, а бессрочные каторжные работы ограничивались сроком 20 лет. Кроме того, лица в возрасте от 14 до 21 года за неосторожные преступления освобождались от наказания и передавались родителям или лицам, их заменяющим, для исправления. Уложение также предписывало несовершеннолетних, приговоренных к заточению в крепости или тюрьме, содержать отдельно от других заключенных.

Уголовное уложение 1903 г. несколько иначе подходило к вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних (ст.ст. 40, 41, 55 – 57). Лицам в возрасте до 10 лет преступное деяние «не вменялось в вину» во всех случаях. Лицам в возрасте от 10 до 17 лет преступное деяние «не вменялось в вину», если они не могли понимать «свойства и значения совершаемого или руководить своими поступками». Указанные лица могли быть отданы под надзор родителям, а в случае совершения тяжких преступлений – помещены в воспитательно-исправительное заведение. Несовершеннолетние от 14 до 17 лет преимущественно должны были помещаться в воспитательно-исправительные заведения, при их отсутствии – в особо приспособленные помещения в тюрьмах и арестантских домах, а лица женского пола – в монастыри в соответствии с их вероисповеданием, где они могли находиться до 21 года. К несовершеннолетним от 14 до 17 лет не применялась смертная казнь и каторга, а заключение в тюрьме ограничивалось определенным сроком в зависимости от тяжести совершенного преступления. Лицам в возрасте от 17 до 21 года наказания заменялись более мягкими видами, чем предусмотрены за данное преступление (смертная казнь – бессрочной

[12] *Кузьмин-Караваев В. Д.* Характеристика Общей части Уложения и Воинского устава о наказаниях. СПб., 1890. С. 167 – 169.
[13] *Огнев Д. Ф.* Воинский устав о наказаниях. Пг., 1916. С. 52.

каторгой, бессрочная каторга – срочной каторгой и т. д.), либо предусмотренное наказание сокращалось на одну треть.

В Воинском уставе о наказаниях 1910 г., который должен был вступить в силу после введения Уголовного уложения 1903 г., содержалось лишь указание о замене и смягчении наказаний для несовершеннолетних военнослужащих в возрасте от 17 до 21 года (ст. 49). Так, сроки заточения в крепости, заключения в дисциплинарной воинской части, в военной тюрьме или на гауптвахте сокращались на одну треть; потеря прав и преимуществ применялась, если осужденный оставался на службе; заключение в исправительном доме сопровождалось лишением воинского звания и увольнением со службы.

Таким образом, дореволюционное уголовное законодательство всегда исходило из того, что несовершеннолетние не могут нести уголовную ответственность наравне со взрослыми, но не из-за календарного возраста как такового, а из-за отсутствия осознания характера и общественной опасности своих действий. Эти обстоятельства служили основанием для дифференциации уголовной ответственности – неприменения определенных наказаний, смягчения ряда наказаний или применения специальных мер уголовно-правового характера (надзор родителей, помещение в воспитательно-исправительное заведение), т. е. несовершеннолетие являлось в большей степени разновидностью уменьшенной вменяемости, когда лицо не в полной мере может осознавать общественно опасный характер своих действий или руководить ими. Обращает на себя внимание расширение рамок несовершеннолетия по сравнению с современным законодательством нижним пределом – до 10 лет, верхним пределом – до 21 года. В военно-уголовном праве несовершеннолетние военнослужащие во всех случаях признавались субъектами общих и воинских преступлений, однако общие правила о смягчении наказаний «накладывались» на рамки правового статуса военнослужащих и особой шкалы воинских наказаний.

В советский период развитие института уголовной ответственности несовершеннолетних продолжилось. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. содержалось лишь указание о том, что наказание не применяется к малолетним до 14 лет, а также ко всем несовершеннолетним от 14 до 16 лет, в отношении которых признано возможным ограничиться мерами медико-педагогического воздействия (ст. 18). В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. содержалась уже детальная система правовых норм об уголовной ответственности несовершеннолетних. Новые положения в общем повторяли положения Кодекса 1922 г. с той лишь разницей, что по новому закону меры социальной защиты медико-педагогического характера могли применяться ко всем несовершеннолетним до 16 лет. К лицам в возрасте от 14 до 16 лет могли быть применены меры социальной защиты судебно-исправительного характера, если комиссией по делам о несовершеннолетних будет признано невозможным применение к ним мер социальной защиты медико-педагогического характера. Кроме того, в Уголовном кодексе 1926 г. содержались определение мер социальной защиты медико-педагогического характера (ст. 25); положения о назначении наказания несовершеннолетним (уменьшение наказания на половину или на одну треть, ограничение наказания половиной предельного срока, предусмотренного за преступление); положения об ограничении срока пребывания несовершеннолетних в трудовых домах 18-летним возрастом и переводе осужденных несовершеннолетних в другие исправительные учреждения (ст. 57).

В рассматриваемый период в соответствии с Декретом СНК РСФСР «О Рабоче-Крестьянской Красной армии» в ряды РККА принимались все граждане Российской Республики не моложе 18 лет[14]. В соответствии с Законом СССР «Об обязательной военной службе» 1925 г. призыву на

[14] О Рабоче-Крестьянской Красной армии: декрет СНК РСФСР от 15 янв. 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 17. Ст. 245.

военную службу подлежали граждане, достигшие 19-летнего возраста, на добровольную службу принимались граждане не моложе 18 лет, в тыловом ополчении срок службы устанавливался с 21 года[15]. В редакции этого же Закона 1930 г. к допризывной подготовке граждане привлекались после достижения ими 19 лет, призыв на действительную военную службу осуществлялся по достижении 21 года, добровольно поступать на срочную службу разрешалось с 18 лет, а в военные школы – с 17 лет. В соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г., который действовал до 1967 г., на действительную службу призывались граждане, которым в год призыва исполнялось 19 лет, а окончившие среднюю школу и ей соответствующие учебные заведения – 18 лет[16]. Исходя из вышеизложенного вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих в первые десятилетия советской власти, по всей видимости, не стоял.

В первых советских уголовных кодексах возраст уголовной ответственности был определен фактически с 14 лет. В 1935 г. возраст уголовной ответственности был снижен до 12 лет, в случае совершения несовершеннолетним краж, причинения насилия, телесных повреждений, увечий, убийства или попытки убийства[17]. Указанные положения действовали до 1959 г., когда в связи с принятием нового уголовного законодательства они были отменены[18].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (УК РСФСР), как и Основы уголовного законодательства 1958 г., определял возраст уголовной ответственности по общему правилу с 16 лет, а за отдельные преступления – с 14 лет (ст. 10). Новый Кодекс предусматривал применение к несовершеннолетним, не достигшим 18 лет, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, принудительных мер воспитательного характера, не являющихся уголовным наказанием (ст. 63). В частности, к принудительным мерам воспитательного характера относилось помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или лечебно-воспитательное учреждение. Кроме того, УК РСФСР предусматривал отбывание наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними осужденными в трудовых колониях для несовершеннолетних (ст. 24). В данном Кодексе были предусмотрены отдельные, отличные от общих, правила условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким наказанием в отношении лиц, совершивших преступление в возрасте до 18 лет (ст. 55). Совершение преступления несовершеннолетним признавалось просто обстоятельством, смягчающим ответственность (ст. 38), обязательные правила смягчения наказания были отменены. В 1977 г. был дополнительно введен институт отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему (ст. 46.1 УК РСФСР)[19].

В Законе СССР «О всеобщей воинской обязанности» 1967 г.[20], который действовал до 1 марта 1993 г., предусматривалось, что на действительную военную службу призываются граждане мужского пола, которым ко дню призыва исполняется 18 лет. Граждане мужского пола, изъявившие желание учиться в военно-учебных заведениях, могли быть приняты в эти учебные заведения по достижении ими 17-летнего возраста или если им исполняется 17 лет в год поступле-

[15] Об обязательной военной службе: закон СССР от 18 сент. 1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 62. Ст. 463.

[16] О всеобщей воинской обязанности: закон СССР от 1 сент. 1939 г. // Ведомости ВС СССР. 1939. № 32.

[17] О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 7 апр. 1935 г. // СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

[18] О признании утратившими силу законодательных актов в связи с введением в действие Основ уголовного законодательства, Законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления, Основ законодательства о судоустройстве, Положения о военных трибуналах и Основ уголовного судопроизводства: указ Президиума ВС СССР от 13 апр. 1959 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 15. Ст. 91.

[19] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР: указ Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1977. № 12. Ст. 255.

[20] О всеобщей воинской обязанности: закон СССР от 12 окт. 1967 г. № 1950-VII // Свод законов СССР. 1990. Т. 9. С. 181.

ния на учебу. Граждане, принятые в военно-учебные заведения, признавались состоящими на действительной военной службе и именовались курсантами. На них распространялись обязанности, установленные для военнослужащих срочной службы. Они и их семьи пользовались правами, льготами и преимуществами, предусмотренными действующим законодательством для военнослужащих срочной службы и их семей. Курсанты военно-учебных заведений, отчисленные за плохую успеваемость, нежелание учиться или за недисциплинированность, если они до поступления в военно-учебные заведения не отслужили установленного срока действительной военной службы, направлялись в воинские части для прохождения установленного срока действительной военной службы. При условии их безупречной службы в части не менее шести месяцев время обучения в военно-учебном заведении этим военнослужащим могло быть засчитано в срок действительной военной службы (ст.ст. 10, 11). Исчерпывающая формулировка закона исключала коллизии в правоприменительной практике, вследствие чего вопрос уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих в теории советского военно-уголовного законодательства не ставился.

Таким образом, УК РСФСР 1960 г., в отличие от современного УК РФ, не содержал положений о видах наказания, применяемых к несовершеннолетним, специальных общих условий назначения наказания несовершеннолетним, особых сроков погашения судимости и других институтов дифференциации и смягчения уголовной ответственности несовершеннолетних. Введение указанных положений в УК РФ 1996 г. следует признать смягчением уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних преступников, а также тенденцией уголовно-правовой политики в этой сфере в течение последних 60 лет. Обращает на себя внимание также снижение за последние 150 лет возраста совершеннолетия в уголовном праве с 21 года до 18 лет, а вместе с ним и возраста призыва на военную службу, повлекшее за собой и изменение дифференциации уголовной ответственности в сторону ужесточения для молодых людей от 18 до 21 года.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

С.Ф. Дубровский, помощник военного прокурора Власихинского гарнизона, лейтенант юстиции

В целях восстановления социальной справедливости, а также исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) применяются наказания.

Нередко уголовные правонарушения совершаются военнослужащими, при этом совершаются не только преступления против военной службы, но и иные преступления, предусмотренные Особенной частью УК РФ. В 2012 г., по данным Военной прокуратуры Центрального военного округа[1] (далее – ЦВО), общеуголовные преступления стали доминировать над воинскими. Так, на территории ЦВО зафиксировано

[1] Сведения о всех лицах, осужденных и оправданных по уголовным делам органов военной прокуратуры в 2011, 2012 годах и первом полугодии 2013 года по уголовным делам ВП ЦВО // Статистика организационно-аналитического отдела Военной прокуратуры ЦВО.

568 преступлений против военной службы, что составило 44,5 %, против собственности 349 – 27,4 %, против государственной власти, интересов государственной службы 193 преступления – 15,1 % и иных преступлений 165 – 13 %.

Вместе с тем, средствам массовой информации Главный военный прокурор, государственный советник юстиции 1 класса С.Н. Фридинский[2] сообщил, что в 2012 г. число преступлений в Вооруженных Силах Российской Федерации сократилось почти на 7 %. Уменьшилось количество тяжких преступлений и почти на четверть – преступлений против военной службы. Постоянно растет число воинских подразделений, в которых вообще не зарегистрировано ни одного преступления. К примеру, в ЦВО количество осужденных военными судами снизилось с 1 541 в 2011 г. до 1 275 в 2012 г., из них осуждено: офицеров – 213, прапорщиков – 100, солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту, – 373 человека, солдат и сержантов, проходящих военную службу по призыву, – 500 человек.

В борьбе с уже совершенными преступными деяниями, как показывает практика, самым действенным является применение дифференцированных мер уголовно-исполнительного характера. В настоящей статье нами будут рассмотрены особенности исполнения в отношении военнослужащих уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества.

В отношении военнослужащих, в том числе в зависимости от их состава, установлены некоторые особенности применения наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ, а также особенности отбывания наказаний, так как согласно ст. 5 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) на осужденных военнослужащих распространяются нормы не только Особенной части УИК РФ, но и Общей части, а также подзаконные акты Министерства обороны Российской Федерации.

Арест может быть назначен военнослужащим, проходящим военную службу как по контракту, так и по призыву, на основании приговора суда на срок от одного до шести месяцев.

Правовое регулирование отбывания данного наказания осуществляется гл. 19 УИК РФ, приложением № 4 к Уставу военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 161, и разд. 3 Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утвержденных приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 июля 1997 г. № 302.

При назначении ареста военнослужащие должны отбывать данный вид наказания в условиях строгой изоляции от общества на гауптвахте или в соответствующих отделениях гарнизонных гауптвахт. При содержании обеспечивается воспитание военнослужащих, содержащихся на гауптвахте, в духе соблюдения ими законов и воинских уставов, добросовестного выполнения воинского долга и других обязанностей военнослужащего.

Законодательством предусмотрены требования по раздельному содержанию осужденных военнослужащих: лица офицерского состава содержатся отдельно от других составов военнослужащих; прапорщики, мичманы, сержанты и старшины – отдельно от рядового состава; военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, – отдельно от военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

Время отбывания ареста в общий срок военной службы и выслугу лет для присвоения очередного воинского звания не засчитывается. Соответственно во время отбывания ареста военнослужащий не может быть представлен к присвоению очередного воинского звания, назначен на вышестоящую должность, переведен на новое место службы и уволен с военной службы, за

[2] Интервью Главного военного прокурора Фридинского С.Н. // Рос. газ. 2013. 3 июня.

исключением случаев признания его не годным к военной службе по состоянию здоровья. Осужденным военнослужащим за время отбывания ареста должно выплачиваться денежное содержание в размере оклада по воинскому званию и оклада по воинской должности по 1-му тарифному разряду.

Содержание в дисциплинарной воинской части может быть назначено военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву. Наказание устанавливается на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных Особенной частью УК РФ, за совершение преступлений против военной службы, а также в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осужденного в дисциплинарной воинской части на тот же срок. Соответственно к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, которые отслужили срок службы по призыву, положение ст. 55 УК РФ о замене лишения свободы на содержание в дисциплинарной воинской части не применимо – они отбывают наказание в виде лишения свободы на общих основаниях независимо от срока наказания. В ЦВО в 2012 г. к данному виду наказания привлечены 49 военнослужащих: за самовольное оставление части, преступления на почве неуставных взаимоотношений, рукоприкладство и за другие составы, предусмотренные гл. 33 УК РФ.

Правовое регулирование отбывания содержания в дисциплинарной воинской части осуществляется гл. 20 УИК РФ, Положением о дисциплинарной воинской части, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июня 1997 г. № 669, и разд. 4 Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими.

Осужденные военнослужащие отбывают наказание в отдельных дисциплинарных батальонах или отдельных дисциплинарных ротах. В период отбывания данного наказания все осужденные военнослужащие независимо от их воинского звания и ранее занимаемой должности находятся на положении солдат (матросов).

К осужденным военнослужащим применяются основные средства исправления, предусмотренные УИК РФ, устанавливается режим, обеспечивающий исправление осужденных военнослужащих. Командование дисциплинарной воинской части проводит воспитательную работу с осужденными военнослужащими, организовываются занятия по военной подготовке, осужденные привлекаются к труду.

Время пребывания осужденного военнослужащего в дисциплинарной воинской части в общий срок военной службы, как правило, не засчитывается, вместе с тем, командующему войсками военного округа (флотом) предоставляется право в исключительных случаях засчитывать время отбывания наказания в общий срок военной службы в порядке, предусмотренном п. 33 Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими.

Здесь уместно отметить степень уделяемого внимания организации исполнения указанных наказаний. До 2011 г. дисциплинарных воинских частей было пять, из которых в настоящее время действует две: в поселке Мулино Нижегородской области и в поселке Каштак под Читой, в которых содержится до 500 военнослужащих (дисциплинарные части в поселке Замчалово Краснодарского края, в Новосибирске и в Уссурийске расформированы)[3].

Лишение свободы на определенный срок может быть назначено военнослужащим вне зависимости от порядка и условий прохождения военной службы и занимаемой должности на срок от двух месяцев до двад-

[3] *Гаврилов Ю.* Сидеть по-военному // Рос. газ. 2013. 17 июля.

цати лет. В ЦВО в 2012 г. к реальным срокам лишения свободы за преступления против военной службы, против собственности, в том числе за преступления коррупционной направленности, было привлечено 256 лиц (из них 14 офицеров, 13 прапорщиков, 113 военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и 102 военнослужащих, проходящих военную службу по призыву).

В зависимости от категории совершенного преступления, с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного суд может назначить отбывание лишения свободы в колониях-поселениях, в исправительных колониях общего, строгого или особого режима, также отбывание части срока наказания может быть назначено в тюрьме. Как правило, осужденные отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены.

Следует отметить, что ст. 80 УИК РФ предусмотрено раздельное содержание различных категорий осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях. В частности, в отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные, бывшие работниками судов и правоохранительных органов. По общему правилу на осужденных военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации указанная дифференциация не распространяется и данное наказание в отношении их исполняется на общих основаниях, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством. Вместе с тем, в указанные учреждения также могут быть направлены и иные осужденные: старшие и высшие офицеры Вооруженных Сил Российской Федерации, пограничных органов ФСБ России и внутренних войск МВД России, работники госаппарата, бывшие депутаты Государственной Думы России и др.[4]

В исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, способствующее их исправлению. Воспитательная работа с осужденными организуется дифференцированно с учетом вида исправительного учреждения, срока наказания и условий содержания. В связи с тем что осужденные военнослужащие подлежат исключению из сферы военно-служебных отношений, занятия по военной подготовке и воинскому воспитанию с данной категорией лиц уже не проводятся.

В соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ при вступлении в законную силу приговора суда о назначении военнослужащему наказания в виде лишения свободы, в том числе условно (за преступление, совершенное умышленно), он подлежит увольнению с военной службы (пп. «е», «е.1» ч. 1 ст. 51). Кроме того, отбытие военнослужащим лишения свободы является правовым ограничением для последующего восстановления на военной службе или поступления на иные виды государственной службы; так, в соответствии со ст. 34 указанного Закона контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы. Наказание в виде лишения свободы в отношении военнослужащих за преступления, в том числе против военной службы, исполняется исправительными учреждениями, входящими в состав уголовно-исполнительной системы и регулируется достаточно развитым законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами Минюста России и ФСИН России. В отношении осужденных военнослужащих наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части исполняется специально предназначенными для этого дисцип-

[4] *Малинин В.Б., Смирнов Л.Б.* Уголовно-исполнительное право: учеб. для юрид. вузов и факультетов. М., 2010. С. 217.

линарными воинскими частями. Представляется, что военное законодательство в данной сфере проработано недостаточно; к примеру, в Положении о Министерстве обороны Российской Федерации[5] отсутствуют задачи, связанные с данным социально значимым направлением деятельности.

Военнослужащие, приговоренные к содержанию в дисциплинарной воинской части, в отличие от военнослужащих, приговоренных к лишению свободы, не исключаются из военно-служебных отношений, и им дается шанс продолжить прохождение службы, для чего проводятся занятия по военной подготовке и иные мероприятия по воинскому воспитанию. Как известно, воинские наказания исконно являлись «рычагом» воздействия на армейскую среду и способствовали поддержанию в ней порядка. Вместе с тем, с учетом того, что в настоящее время в армейском строю находятся около 240 тыс. солдат и сержантов, проходящих военную службу по контракту, а в перспективном плане развития Вооруженных Сил к 2017 г. зафиксирован кадровый рубеж в 425 тыс. военных профессионалов[6], количество действующих дисциплинарных воинских частей и гауптвахт является недостаточным для того, чтобы в полной мере обеспечить дифференцированное назначение уголовных наказаний для военнослужащих. Военный прокурор ЦВО генерал-лейтенант юстиции Е.В. Иванов придерживается точки зрения, согласно которой строительство гауптвахт необходимо, потому что это важный инструмент в руках командиров[7].

Помимо вышеизложенного, следует отметить то, что осужденные бывшие военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, в отличие от осужденных бывших работников судов и правоохранительных органов, отбывают наказание не в специализированных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. Конечно, отграничение бывших сотрудников правоохранительных органов от иных категорий осужденных обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечения их личной безопасности, которая может быть нарушена в связи с прошлой профессиональной деятельностью[8]. Но содержание бывших военнослужащих (которые остаются военными профессионалами) с иными категориями осужденных также может повлечь негативные тенденции для государства. Понятно и то, что в краткосрочной перспективе невозможно создание развитой системы отдельных «военных тюрем» с учетом принципа, заложенного в уголовно-исполнительном законодательстве, согласно которому в целях сохранения социальных связей осужденные отбывают наказание в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. С учетом изложенного представляется необходимым предусмотреть в ст. 80 УИК РФ дополнительные требования по раздельному содержанию осужденных бывших военнослужащих и других категорий осужденных.

Как справедливо отмечает А.В. Ищенко, воинские наказания должны быть адекватными социально-экономическим условиям в стране, состоянию преступности в армии, ее структуре и динамике[9]. Во внимание должны приниматься все значимые обстоятельства, а также зарубежный опыт по совершенствованию военно-пенитенциарного законодательства. Вышеизложенные аспекты определяют настоятельную необходимость научного осмысления происходя-

[5] Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» от 16 августа 2004 г. № 1082.

[6] *Гаврилов Ю.* Призыв уходит в минус // Рос. газ. 2013. 20 сент.

[7] Военный прокурор выступает за строительство гауптвахт // Военно-промышленный курьер. 2013. 28 февр.

[8] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кирильчука Вячеслава Павловича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 окт. 2009 г. № 1141-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[9] *Ищенко А.В.* Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 5 – 6.

щих процессов и поиска новых оптимальных направлений, форм и методов профилактики и борьбы с преступностью в среде военнослужащих, а также совершенствования российского уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА СБЕРЕЖЕНИЯ ВОЕННОГО ИМУЩЕСТВА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А.В. Баженов, адъюнкт кафедры уголовного права Военного университета, капитан юстиции

Особым видом государственной службы в Российской Федерации является военная служба, цель которой – осуществление функций обороны и обеспечение безопасности страны.

Реализация данных функций выражается в качественном исполнении военнослужащими обязанностей военной службы, что в большинстве случаев невозможно без использования различных материальных средств – военного имущества.

Критерием для отнесения тех или иных материальных средств к категории военного имущества служит факт нахождения конкретного имущества на праве оперативного управления (хозяйственного ведения) соответствующей воинской части, организации, учреждения, предприятия Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и использования его для обеспечения выполнения задач, осуществления функций, возложенных на определенную военную организацию.

Правовое регулирование оборота военного имущества осуществляется на основании развитой правовой базы, включающей в себя нормативные правовые акты как федерального, так и ведомственного характера. Так, одним из нормативных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации, регламентирующих оборот военного имущества, включая порядок его сбережения, является Руководство по войсковому (корабельному) хозяйству, утвержденное приказом Министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 333.

Из анализа вышеназванного приказа можно сделать вывод, что военное имущество представляет собой вооружение, военную и специальную технику и другие материальные ценности, используемые в ходе боевой и повседневной деятельности войск.

При этом, из всей совокупности военного имущества как наиболее важные для выполнения задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, выделяются оружие, боеприпасы и военная техника, представляющие собой основную материальную базу непосредственного вооруженного противостояния, материальную основу вооруженной борьбы. Именно поэтому правовое регулирование порядка сбережения перечисленных материальных средств является важной задачей военного права.

К правовой базе, регулирующей порядок оборота оружия, боеприпасов и военной техники, включающий в себя порядок их сбережения, можно отнести Федеральный закон «Об оружии» от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ, Федеральный закон «О статусе во-

еннослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ, Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» от 21 июля 1998 г. № 814, общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495, Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя, введенный в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 31 августа 2004 г. № 130, и другие нормативные правовые акты.

Анализ совокупности указанных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники представляет собой систему специальных правил, регулирующих соответствующую систему общественных отношений по обеспечению сохранности названного имущества.

Порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники имеет существенные особенности в сравнении с правилами обеспечения сохранности иного военного имущества. Эти особенности во многом обусловлены целью, преследуемой порядком сбережения оружия, боеприпасов и военной техники, которая заключается не просто в обеспечении интересов сохранности собственности, а главным образом направлена на защиту интересов обороны и безопасности Российской Федерации.

Кроме этого, порядок сбережения оружия, боеприпасов и военной техники наибольшим образом сопряжен с исполнением обязанностей военной службы – имеет выраженный воинский характер, в то время как оборот иного имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах может происходить и не затрагивая непосредственные военно-служебные отношения.

Специальный характер правил сбережения оружия, боеприпасов и военной техники обусловливает необходимость обеспечения защиты их от нарушения системой специальных мер ответственности, выделенной из системы мер ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества, что нашло свое отражение и в разграничении мер уголовной ответственности.

Так, уголовная ответственность за нарушение порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники предусмотрена ст.ст. 346 – 348 УК РФ, входящими в систему специальных составов преступлений против военной службы.

Привлечение к уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества происходит на основании общеуголовных норм, предусмотренных ст.ст. 167 – 168 УК РФ.

Таким образом, система мер уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения военного имущества (система преступлений против порядка сбережения военного имущества) включает в себя как общеуголовные, так и специальные нормы.

Вместе с тем, наука военно-уголовного права под системой преступлений против порядка сбережения военного имущества понимает лишь специальные нормы – преступления, предусмотренные ст.ст. 346 – 348 УК РФ[1], которые фактически соотносятся с остальной совокупностью преступлений против порядка сбережения военного имущества как часть и целое.

Подобное противоречие, на наш взгляд, обусловлено тем, что существующая система классификации преступлений против порядка прохождения военной службы по видовому объекту сформировалась еще до принятия действующего УК РФ, определившего в качестве предмета преступлений

[1] См., напр.: Военно-уголовное право: учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.]; под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008. С. 87 – 88.

против порядка сбережения военного имущества оружие, боеприпасы и военную технику. Ранее действовавший уголовный закон к предмету рассматриваемых преступлений относил и иное имущество, что и дало основание именовать группу данных преступлений преступлениями против порядка сбережения военного имущества.

Исходя из изложенного на современном этапе развития уголовного законодательства в отношении преступлений против порядка прохождения военной службы, в целях недопущения искажения их содержания, группу преступлений, предусмотренных ст.ст. 346 – 348 УК РФ, объединенных общим видовым объектом, наиболее правильно было бы именовать преступлениями против порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники.

Важным вопросом при применении ст.ст. 346 – 348 УК РФ является определение относимости того или иного имущества к предмету данных преступлений.

Диспозиции указанных статей определений оружия, боеприпасов и военной техники не содержат. Использование для толкования названных терминов положений других нормативных правовых актов по принципу бланкетного характера норм уголовного закона представляется не вполне корректным, что обусловлено различным подходом к пониманию оружия, боеприпасов и военной техники в различных сферах правоотношений.

Так, основополагающим нормативным правовым актом для правоотношений, связанных с оборотом оружия и боеприпасов, является Федеральный закон «Об оружии». Этот документ устанавливает основные правила регулирования отношений, возникающих в процессе оборота оружия и боеприпасов к нему, права и обязанности участников этих отношений. Согласно ст. 1 указанного Закона под оружием, например, понимаются устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Однако такое понимание оружия не в полной мере подходит для целей ст.ст. 346 – 348 УК РФ (в частности, сигнальное оружие не может быть предметом рассматриваемых преступлений). Кроме этого, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» от 12 марта 2002 г. № 5 разъясняет, что положения Федерального закона «Об оружии» регулируют только правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия, в то время как уголовный закон предусматривает ответственность за противоправные действия как с указанными видами оружия, так и с иными видами боевого огнестрельного оружия, которые находятся на вооружении и на которые действие Федерального закона «Об оружии» не распространяется.

Аналогичным образом вызывает затруднение определение военной техники как предмета ст.ст. 346 – 348 УК РФ. А.И. Ноздринов[2], например, отмечает отсутствие легального определения данного термина, которое подходило бы универсально для использования в различных правоотношениях. Как отмечает В.М. Сырых, неясный текст нормативного правового акта является одним из факторов, снижающих эффективность его использования[3].

При такой ситуации выработка определений оружия, боеприпасов и военной техники как предметов рассматриваемых преступлений представляется необходимой. Эту выработку целесообразно производить с использованием положений Боевого устава по подготовке и ведению общевойскового боя, введенного в действие приказом главнокомандующего Сухопутными вой-

[2] *Ноздринов А.И.* Вопросы квалификации уничтожения и повреждения военного имущества // Право в Вооруженных Силах. 2003. № 12 (Вкладка «Военно-уголовное право». 2003. № 11 – 12).

[3] *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 2. М., 2004. С. 269 – 271.

сками – заместителя Министра обороны Российской Федерации от 31 августа 2004 г. № 130, как правового акта, регламентирующего порядок использования перечисленных предметов в условиях боевых действий, т. е. в условиях их непосредственного целевого предназначения, а также с использованием научного толкования и судебной практики.

Другим важным вопросом совершенствования уголовного законодательства в вопросах уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники является выработка системы зависимости вида и размера назначаемого наказания от вида, объема или количества уничтоженного, поврежденного или утраченного военного имущества.

В настоящее время дифференцирующие признаки и квалифицированные составы (за исключением ст. 346 УК РФ) отсутствуют. При этом, санкции соответствующих статей УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение порядка сбережения иного военного имущества (например, ст. 167 УК РФ) такую дифференциацию имеют.

Так, согласно ст. 167 УК РФ умышленное уничтожение или повреждение имущества (в том числе военного имущества, за исключением оружия, боеприпасов и военной техники) имеет простой и квалифицированный составы.

Критерием разграничения составов выступает мотив (из хулиганских побуждений) и способ (путем поджога, взрыва или иным общественно опасным способом) совершения преступных действий, а также характер наступивших общественно опасных последствий (повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия).

Соответственно квалифицированный состав ст. 167 УК РФ предусматривает более высокую степень ответственности (максимальное наказание – до 5 лет лишения свободы) по сравнению с простым составом (максимальное наказание – до 2 лет лишения свободы).

Умышленное уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов и военной техники (ст. 346 УК РФ), являясь специальным составом по отношению к ст. 167 УК РФ, хотя и предусматривает простой и квалифицированный составы преступления, дифференцируется лишь по степени общественной опасности (ч. 2 ст. 346 УК РФ предусматривает ответственность за те же деяния, повлекшие тяжкие последствия).

Такое изложение диспозиции специальной нормы уголовного закона представляется не вполне проработанным, создающим трудности в толковании и затрудняющим правоприменительную деятельность, а также оставляет без внимания способ совершения преступных действий и их мотив.

Статьи 347 – 348 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов и военной техники по неосторожности, а также их утрату, квалифицированных составов не имеют вовсе.

Кроме этого, несмотря на отнесение преступлений против порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники к категории специальных составов, санкции за их совершение по степени наказания практически не различаются.

Так, максимальное наказание за умышленное уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов и военной техники (ч. 1 ст. 346 УК РФ) установлено в виде лишения свободы сроком до 2 лет. Такое же максимальное наказание предусмотрено и за умышленное уничтожение или повреждение иного военного имущества, ответственность за совершение которого наступает по ч. 1 ст. 167 УК РФ.

Квалифицированные составы умышленного уничтожения или повреждения оружия, боеприпасов и военной техники (ч. 2 ст. 346 УК РФ), равно как и иного военного имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ), также имеют одинаковые максимальные наказания – лишение свободы сроком до 5 лет.

Уничтожение или повреждение оружия, боеприпасов и военной техники по неосторожности, равно как и их утрата (ст.ст. 347, 348 УК РФ), в качестве максимального наказания предусматривают лишение свободы сроком до 2 лет, что лишь на год больше максимального срока наказания, предусмотренного за уничтожение или повреждение по неосторожности иного военного имущества, ответственность за совершение которых наступает по ст. 168 УК РФ.

Подобное равенство санкций общих и специальных норм уголовного закона противоречит принципу отнесения тех или иных деяний в группу преступлений со специальным составом, так как не учитывает повышенную степень их общественной опасности.

Устранить данные недочеты необходимо путем законодательного усиления мер уголовной ответственности за преступления против порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники, предусмотренных ст.ст. 346 – 348 УК РФ.

Таким образом, проведенный анализ отдельных вопросов уголовной ответственности военнослужащих за нарушение порядка сбережения военного имущества позволяет сделать вывод о необходимости изучения данных преступлений в целях как совершенствования теории военно-уголовного права, так и оптимизации правоприменительной практики.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 333 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Подберезкин, военный юрист;
Н.Е. Степаненко, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Военного университета

Искоренение неуставных взаимоотношений, в том числе между начальниками и подчиненными, за прошедшие десятилетия неоднократно определялось в числе первостепенных направлений деятельности в Вооруженных Силах СССР, а затем и Российской Федерации. Однако положение с укреплением воинской дисциплины в воинских коллективах улучшается медленно, а неуставные отношения приобретают все более скрытый и устойчивый характер.

Сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему обязанности военной службы, или принуждение их к нарушению этих обязанностей подрывают воинский порядок и дисциплину, которые являются основой деятельности воинских формирований. В результате создается почва для самоубийств, уклонений от военной службы, убийств и других криминальных проявлений, настраивающих общество против человека в погонах[1].

Неуставные действия нередко сопровождаются применением различных видов насилия, посягая тем самым не только на воинский правопорядок, но и на жизнь, здоровье, честь и достоинство военнослужащих. Поэтому борьба с этими преступлениями, наряду с охраной установленного порядка несения военной службы, имеет также целью защиту прав и свобод военнослужащего, как человека и гражданина.

[1] *Хомяков А.И.* Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 21.

Армия и флот оснащены коллективными видами оружия и техники, сложными боевыми комплексами, поддержание которых в постоянной боевой готовности зависит от согласованных действий многих людей. Без строгого соблюдения порядка подчиненности выполнение боевой задачи становится невозможным. Поэтому борьба с нарушениями этого порядка, в том числе и уголовно-правовыми методами, остается актуальной и в настоящее время.

Кроме того, актуальность вопроса, рассматриваемого в настоящей статье, обусловлена насущной потребностью повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с посягательствами на порядок подчиненности, необходимостью глубокого раскрытия их общественной опасности, правильной квалификации таких деяний.

Непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 333 УК РФ, является урегулированная федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и иными подзаконными нормативными актами совокупность военно-служебных отношений, обусловливающих порядок подчиненности. Однако порядок подчиненности начальнику и порядок подчиненности иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, носит различный характер.

Непосредственным объектом сопротивления иному лицу также является порядок подчиненности. Наглядным примером является случай, когда пьяный офицер сопротивляется рядовым патрульным. В данной ситуации патрульные в пределах своих служебных обязанностей обладают в отношении офицера властными полномочиями. Последний обязан им подчиняться, а сопротивляясь, совершает преступление, предусмотренное ст. 333 УК РФ.

Аналогичная ситуация складывается и при принуждении иного лица к нарушению обязанностей военной службы. Только в этом случае лицо принуждают нарушать те обязанности, которое оно будет исполнять в будущем.

В обоих случаях потерпевший по должности и воинскому званию может не являться начальником в отношении виновного.

Такой порядок подчиненности носит временно-периодичный характер и вмещает в себя более узкий круг властных полномочий, обусловленных конкретными обязанностями военной службы, закрепленными в общевоинских уставах, чем порядок подчиненности в его классическом понимании – между подчиненными и начальниками.

Субъектами сопротивления или принуждения могут быть военнослужащие, проходящие военную службу как по призыву, так и по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Они должны быть по службе или по воинскому званию подчинены потерпевшему начальнику.

Сопротивление или принуждение в отношении иного лица, исполняющего обязанности военной службы, может быть совершено любым военнослужащим, не состоящим с ним в отношениях подчиненности.

Лица (другие военнослужащие или гражданские лица), не являющиеся субъектами преступления, предусмотренного ст. 333 УК РФ, участвовавшие в совершении этих преступлений, не могут быть признаны исполнителями этих преступлений. Они, в соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ, могут быть только организаторами, подстрекателями либо пособниками.

Особое внимание следует уделить таким субъектам, как граждане, призванные на военные сборы.

Из содержания ст.ст. 1 и 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ видно, что граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения военных сборов военную службу не несут, а исполняют воинскую обязанность.

С учетом специфики данной категории граждан и особенностей прохождения военных сборов ответственность за преступ-

ления против военной службы указанные лица должны нести с ограничениями, вытекающими из конкретных статей гл. 33 УК РФ.

Что касается составов, предусмотренных ст. 333 УК РФ, то граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов могут быть субъектами данных преступлений. Формулировка указанной нормы предполагает наличие у потерпевшего такого признака, как исполнение обязанностей военной службы. Таким образом, если гражданин, пребывающий в запасе, во время прохождения им военных сборов совершает сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему обязанности военной службы, или его принуждение к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или угрозой применения такого насилия в отношении лица, несущего военную службу (а не исполняющего воинскую обязанность), то данные деяния подлежат квалификации по ст. 333 УК РФ.

Нерешенной в теории военно-уголовного права уже долгое время остается проблема ответственности за преступления против военной службы лиц, неправомерно находящихся на военной службе.

По данному вопросу сформировалось несколько точек зрения.

Так, В.М. Чхиквадзе не считает факт неправильного призыва основанием для освобождения от уголовной ответственности за совершение преступления против военной службы в случае, если ошибка не находится в прямой связи с неверным призывом[2].

Такого же мнения придерживались М.Д. Шаргородский, писавший по данному поводу, что неправильный призыв «не может служить основанием для при-знания действий непреступными»[3], и Х.М. Ахметшин, утверждающий, что «для решения вопроса об ответственности за воинские преступления не имеет принципиального значения основание, в силу которого лицо признано негодным к военной службе (психическое или иное заболевание, физические недостатки, возраст), если оно не исключает вменяемости. Не имеет также значения время возникновения этого основа-ния, было ли оно еще к моменту призыва или появилось в период прохожде-ния военной службы. Но эти обстоятельства могут оказать определенное влияние на индивидуализацию ответственности»[4].

Противоположную позицию занимает А.А. Тер-Акопов. Он определяет нарушение воинского правопорядка лицом, ошибочно находящимся на военной службе, как формальное, не затрагивающее фактических отношений. Поэтому основания для привлечения такого лица к уголовной ответственности по статьям, содержащим формально нарушенные им нормы, отсутствуют[5].

Представляется, что лица, оказавшиеся на военной службе по ошибке, подлежат уголовной ответственности за преступления против военной службы.

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ определяет категории граждан, подлежащих призыву на военную службу, регламентирует порядок поступления на военную службу по контракту, устанавливает моменты начала и окончания военной службы.

Согласно п. 10 ст. 38 указанного Федерального закона началом военной службы для граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, считается день присвоения воинского звания рядового; для граждан (иностранных граждан), поступивших на военную службу по контракту, – день вступления в силу контракта о прохождении военной службы; для граждан, не проходивших военную службу или прошедших военную службу ранее и поступивших в военные профессиональные об-

[2] *Чхиквадзе В.М.* Советское военно-уголовное право. М., 1948. С. 164.
[3] *Шаргородский М.Д.* Квалификация воинских преступлений // Ученые записки ВИЮН. М., 1945. Вып. 4. С. 57.
[4] *Ахметшин Х.М.* Вопросы практики применения закона об уголовной ответственности за воинские преступления. М., 1968. С. 20.
[5] *Тер-Акопов А.А.* Правовые основания уголовной ответственности военнослужащих: моногр. М., 1981. С. 50.

разовательные организации или военные образовательные организации высшего образования, – день зачисления в указанные образовательные организации.

Пункт 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» определяет, что окончанием военной службы считается день исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

Военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, за рядом перечисленных в указанной статье исключений. Среди них те случаи, когда военнослужащий является подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления и в отношении его избрана мера пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части.

С момента начала прохождения военной службы до момента его окончания лицо обладает правовым статусом военнослужащего и, совершая сопротивление начальнику, иному лицу, их принуждение к нарушению обязанностей военной службы, такое лицо тем самым нарушает закон, что недопустимо в любом случае. Фактически виновный является военнослужащим, т. е. обладает особым правовым статусом – пользуется правами, льготами, получает денежное довольствие, исполняет обязанности и часто не знает о своем незаконном пребывании на военной службе. Сопротивление, принуждение предполагают наличие общественной опасности, которая никуда не девается. При этом виновный идет на это осознанно, желая наступления преступного результата. При совершении преступления в отношении начальника нарушается принцип единоначалия, наносится вред его авторитету; в отношении иного лица – подрывается воинская дисциплина, возрастает возможность совершения других преступлений. Таким образом, лицо, виновное в совершении указанного деяния, может быть субъектом преступлении, предусмотренного ст. 333 УК РФ, и других преступлений против военной службы.

Длительное время судебная практика военных судов по рассматриваемому вопросу в целом придерживалась именно приведенной выше позиции[6].

Однако в настоящее время военные суды Российской Федерации субъектами преступлений против военной службы не считают лиц, неправомерно находящихся на военной службе. Это в полной мере относится и к субъектам преступлений, предусмотренных ст. 333 УК РФ.

В связи с изложенным представляется целесообразным дополнить ст. 331 УК РФ ч. 4 в следующей редакции:

«4. *Лица, на которых обязанности военной службы возложены неправомерно, несут уголовную ответственность за преступления против военной службы. Незаконное пребывание на военной службе учитывается судом как смягчающее наказание обстоятельство*».

Естественно, военнослужащий, совершивший сопротивление или принуждение, оказавшийся на военной службе незаконно, не всегда может быть привлечен к уголовной ответственности:

– во-первых, такое лицо может оказаться невменяемым;

– во-вторых, возможно несоответствие психофизических качеств лица требованиям экстремальных условий или нервно-психическим нагрузкам (ч. 2 ст. 28 УК РФ).

Представляется интересным вопрос о принуждении иного лица к нарушению служебных обязанностей в тот момент, когда это лицо указанные обязанности еще не исполняет, а только будет это делать по прошествии некоторого времени. Например, до заступления в наряд молодого военнослужащего сослуживец более раннего срока призыва требует от него ночью в указанное время открыть дверь казармы, что-

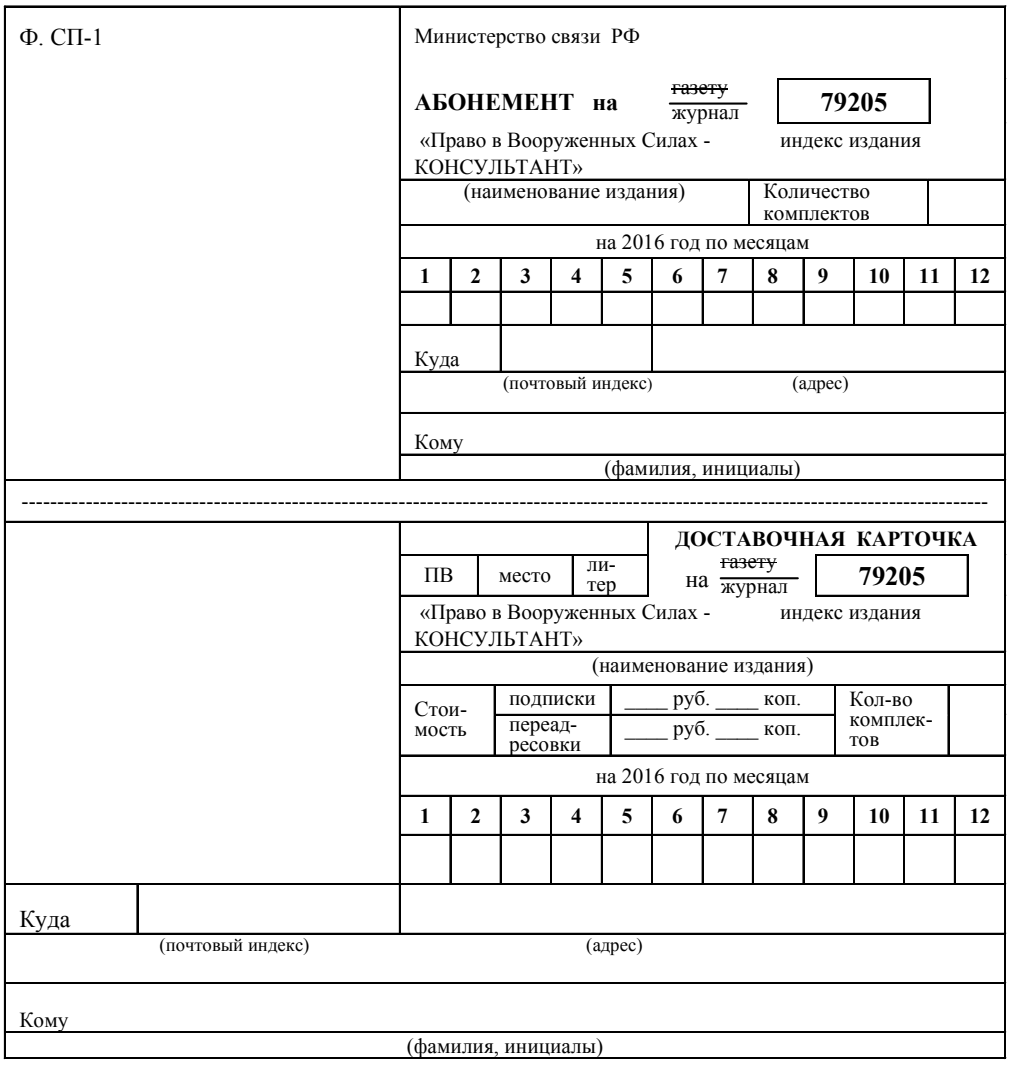
[6] Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 4 мая 1967 г. № 3 н-0233/67; определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 16 сентября 1982 г. № 4-0222/82.

бы он смог сходить в самовольную отлучку. Молодой солдат отказывается, но «старослужащий» путем применения физического насилия вынуждает его согласиться.

В данном случае налицо все признаки преступления, предусмотренного ст. 333 УК РФ, а именно: принуждение лица, которое только готовится к исполнению обязанностей военной службы, к нарушению этих обязанностей. Однако формулировка ч. 1 ст. 333 УК РФ допускает различные толкования: «Сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение его к нарушению этих обязанностей, сопряженные с насилием или с угрозой его применения...».

Грамматическое толкование данного предложения позволяет сделать вывод, что применительно к принуждению под словом «его» следует понимать только начальника, но не иного лица, в отношении которого также может осуществляться принуждение. Для устранения этой неясности и для того, чтобы конкретизировать возможность принуждения иного лица к нарушению тех служебных обязанностей, которые оно в данный момент не исполняет, но будет исполнять их по прошествии некоторого времени, предлагается изложить абз. 1 ч. 1 ст. 333 УК РФ в следующей редакции:

«1. *Сопротивление начальнику, а равно иному лицу, исполняющему возложенные на него обязанности военной службы, или принуждение начальника либо иного лица в связи с исполнением служебных обязанностей к их нарушению, сопряженные с насилием или угрозой его применения...*».



Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ / журнал **79205**

«Право в Вооруженных Силах - КОНСУЛЬТАНТ» — индекс издания

(наименование издания) | Количество комплектов

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ | место | литер

на ~~газету~~ / журнал **79205**

«Право в Вооруженных Силах - КОНСУЛЬТАНТ» — индекс издания

(наименование издания)

Стоимость: подписки ____ руб. ____ коп.; переадресовки ____ руб. ____ коп. | Кол-во комплектов

на 2016 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

О КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: В ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ, ПОДНЯТОЙ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА

Е.Г. Воробьев, кандидат юридических наук, доцент

Правовая защита защитников Отечества, несмотря на тавтологический характер данного выражения, – тема актуальная во все времена и постоянно востребованная в военном социуме. Именно поэтому каждая публикация по данной проблематике не остается незамеченной, вызывая неподдельный интерес как у военных юристов, так и у граждан в погонах, не обладающих профессиональными юридическими знаниями.

Указанное выше в полной мере распространяется на очередную правозащитную статью профессора В.М. Корякина, опубликованную относительно недавно на страницах журнала «Право в Вооруженных Силах» под заголовком «Коллективные формы защиты прав военнослужащих»[1]. Продолжая тему одной из своих более ранних публикаций[2], автор вновь затронул специфическую и мало разработанную в теоретическом и практическом плане область правовых форм защиты общих (коллективных) прав и охраняемых законом интересов военнослужащих. В.М. Корякин, обозначив общие аспекты правовых основ коллективных форм защиты прав военнослужащих, основной акцент сделал на проблемах административного порядка рассмотрения обращений в Минобороны России, подвергнув детальному прогностическому анализу правозащитный потенциал пока что новых для российской правовой системы коллективных (групповых) судебных исков военнослужащих, применение которых стало возможным вследствие введения в нашей стране специального административного судопроизводства[3]. Главным выводом автора стало заключение о том, что «институт коллективного (группового иска) может оказаться мощным средством защиты общественных (групповых) интересов и развития гражданского общества», с внедрением которого у военнослужащих появится дополнительный эффективный инструмент защиты и восстановления нарушенных прав[4].

Однако тема, поднятая в указанной публикации, настолько многогранна, что позволяет не только поддержать начатую дискуссию, но и существенно развить ее, взглянуть на проблематику форм правовой защиты военнослужащих более широко и системно, что и предлагается проделать в границах возможностей ординарной журнальной статьи.

За отправную точку для начала размышлений вполне резонно взять положения те-

[1] *Корякин В.М.* Коллективные формы защиты прав военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 8.

[2] *Корякин В.М.* Административный иск как средство защиты нарушенных прав и законных интересов военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 5.

[3] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее – КАС РФ).

[4] *Корякин В.М.* Коллективные формы защиты прав военнослужащих. С. 13.

ории права и базовые конституционно-правовые нормы, на которые опирается теория российской правозащиты в целом. И на первое место следует поставить конкретные положения Основного Закона нашей страны, устанавливающего для всех россиян, в том числе и для военнослужащих:

– признание и гарантии основных прав и свобод, их неотчуждаемость (ст. 17 Конституции Российской Федерации);

– непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина, определение ими смысла, содержания и применения законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечение их правосудием (ст. 18 Конституции Российской Федерации);

– юридическое (формальное) равенство перед законом и судом, равенство в правах и свободах независимо от имущественного, должностного положения, места жительства и других обстоятельств (ст. 19 Конституции Российской Федерации);

– свободу мысли и слова, право выражения своего мнения или его невыражения (ст. 29 Конституции Российской Федерации);

– право на общественные объединения, в том числе на профессиональные союзы для защиты своих прав (ст. 30 Конституции Российской Федерации);

– право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции Российской Федерации);

– право на участие в управлении делами государства, на участие в правосудии (ст. 32 Конституции Российской Федерации);

– право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции Российской Федерации);

– право на свободный труд, выбор вида профессиональной деятельности, на достойное вознаграждение за труд, на разрешение трудовых споров индивидуально или коллективно (ст. 37 Конституции Российской Федерации).

Однако наибольший правозащитный потенциал несет в себе еще одна специализированная норма Конституции Российской Федерации, согласно которой *каждому гарантирована государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и государство обязывается соблюдать право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом* (ст. 45 Конституции Российской Федерации).

Следовательно, в Российской Федерации, как и в любом другом правовом демократическом государстве, существует целостная система государственной защиты прав и свобод граждан в погонах. Она включает в себя нормативно закрепленный перечень государственных органов, обладающих установленной законом компетенцией по защите прав и свобод граждан, что определяет особенности государственного устройства, отражая отечественные исторические традиции и международный правозащитный опыт.

Соответствующие конституционным основам правовые установки заложены и в специальном военном законодательстве[5], гарантирующем, что:

– правовая защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает закрепление в законах и иных нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций указанных лиц и иных мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации (п. 2 ст. 3 Закона о статусе);

– социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает: реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, органами военного управления и органами мест-

[5] Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ. Далее – Закон о статусе.

ного самоуправления; совершенствование механизмов и институтов социальной защиты указанных лиц; охрану их жизни и здоровья, а также иные меры, направленные на создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе (п. 3 ст. 3 Закона о статусе);

– реализация мер правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей возлагается на органы государственной власти, органы местного самоуправления, федеральные суды общей юрисдикции, правоохранительные органы в пределах их полномочий, а также является обязанностью командиров (начальников). Реализации прав военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации могут также содействовать общественные объединения (п. 4 ст. 3 Закона о статусе);

– никто не вправе ограничивать военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в правах и свободах, гарантированных Конституцией Российской Федерации и названным Федеральным законом. Должностные лица органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, а также командиры, виновные в неисполнении обязанностей по реализации прав военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, несут ответственность в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (п. 4 ст. 3 Закона о статусе);

– контроль за исполнением Закона о статусе осуществляется органами государственной власти, правоохранительными органами и органами военного управления, а надзор – Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами (п. 5 ст. 3 Закона о статусе);

– уполномоченный федеральной орган исполнительной власти организовывает ежегодный мониторинг социально-экономического и правового положения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (п. 3 ст. 29 Закона о статусе).

Итак, с подобным необычайно богатым набором правозащитных средств, гарантированных главным нормативным правовым актом государства, общероссийским и специальным военным законодательством, военнослужащие в аспекте правозащиты «вооружены до зубов». Ведь, с одной стороны, они сами и как граждане России, и как особая категория федеральных государственных служащих, непосредственно наделены конкретными и разнородными правовыми формами собственной индивидуальной и коллективной юридической защиты. А с другой – в буквальном восприятии нормативных требований Конституции Российской Федерации и Закона о статусе, в защите их прав и свобод обязаны активно и параллельно друг другу участвовать все без исключения ветви государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная), причем каждая из них должна это делать независимо от аналогичной правозащитной работы других ветвей, самостоятельно, в пределах очерченной законом общей и специальной компетенции.

Что же получается? Защита «своими» правозащитными средствами для военнослужащих вполне гарантирована. Правовая защита без непосредственного участия военнослужащих, «со стороны», гарантирована еще более. Чем не условия для преспокойной профессиональной жизнедеятельности: служи честно, а в остальном – «только и делай, что ничего не делай».

Однако применимость подобной формулы житейского барствования, вложенной в уста школяра из известного советского мультфильма «Вовка в Тридевятом царстве», мечтавшего о сказочно легкой и беззаботной жизни, повсеместно и постоянно «наталкивается» на окружающие нас соци-

альные реалии: ничего в этом мире просто так не достается, и любое желаемое для человека благо есть результат его собственных усилий, а не сказочных благоденствий, чудесным образом падающих на него с неба. Указанное в полной мере применимо и к тематике правозащиты военнослужащих, в чем мы вскорости убедимся по мере сличения уже упомянутых идеальных нормативных моделей с их реальными прототипами.

Начнем по порядку, а именно с законодательных ограничений этих самых широких, но все-таки преимущественно абстрактных правозащитных возможностей. Данные ограничения заложены в специальном военном законодательстве, корректирующем правовой статус военнослужащих таким образом, чтобы предельно минимизировать их вовлечение в политическую и даже околополитическую общественную жизнь, обеспечить неприкосновенность воинского правопорядка, принципов единоначалия и воинской дисциплины, что непосредственно сказывается на их правозащитных возможностях, а точнее, почти полностью нейтрализует их.

Так, согласно закону военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями (п. 2 ст. 1 Закона о статусе), в частности:

– право на свободу передвижения реализуется военнослужащими с учетом необходимости поддержания ими боевой готовности воинских частей и обеспечения своевременности прибытия к месту военной службы (п. 1 ст. 6 Закона о статусе), а выбор ими постоянного места жительства возможен лишь при увольнении с военной службы (п. 3 ст. 6 Закона о статусе). И нет нужды пояснять, что военные люди и их семьи, длительное время живущие как перекати поле, фактически лишены возможности нормального для человеческого существа социального «укоренения», многолетних устойчивых социальных связей, что, безусловно, влияет и на их правовую защищенность;

– реализация права на свободу слова, на выражение своих мнений и убеждений, так же как и доступ к получению и распространению информации, для военнослужащих ограничены требованиями охраны государственной и военной тайны; законом прямо запрещены обсуждение и критика приказов командиров (начальников) (п. 1 ст. 7 Закона о статусе). Подобные ограничения вынуждают военный люд повсеместно молчаливо сносить все, что идет «изнутри», «сверху», «сбоку», не выносить сор из избы, чаще всего подчиняясь корпоративной лжесолидарности, при которой даже очевидные отступления от нормативных требований могут преспокойно процветать на виду у всех. В этих же условиях правозащитное усилие против сложившегося ненормального порядка в военном управлении вполне вписывается в конструкцию злоупотребления правом, противодействия единоначалию, подрыва уставного порядка. И нет ничего удивительного в том, что особо рьяные правдоборцы никогда не выживают в такой системе, легко и внешне абсолютно законно выдавливаются из нее независимо от их субъективной или объективной правоты. Примеров – масса. Недаром в подобных случаях говорят: «Вчера искал правду на работе, а сегодня ищет работу»;

– военнослужащие вправе в свободное от исполнения обязанностей военной службы время мирно, без оружия участвовать в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, проводимых вне территории воинской части, однако участие в забастовках, а равно иное прекращение исполнения обязанностей военной службы как средство урегулирования вопросов, связанных с прохождением военной службы, военнослужащим прямо запрещено (пп. 2, 3 ст. 7 Закона о статусе). Приведенная правовая норма обладает всеми признаками полноценной коллективной правозащитной формы, но выхолощенной по своей юридической сути. Поясним подобное уточнение тем, что абстрактное дозволение собираться, митинговать, пикетировать вне

службы и вне воинской части весьма противоречиво. Оно, следует полагать, рассчитано исключительно на выражение позитивных, но отнюдь не негативных взглядов, как раз характерных для случаев правовой защиты. При выражении негативно-протестного отношения к военно-социальным явлениям на эти деяния (собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикеты) падет тень коллективного неповиновения как под предлогом уже упомянутого запрета обсуждения и критики приказов командиров (начальников) (интересно, какие сферы военно-служебной действительности не охвачены таковыми?), так и под предлогом их политической окраски (также интересно, какие процессы, влияющие на текущее положение дел в войсках и органах, не политизированы?). И то и другое – суть действия, прямо запрещенные военнослужащим. И весьма наивно полагать, что массовые или даже групповые публичные выражения своего мнения со стороны военнослужащих, пусть даже случившиеся вне воинской части и вне времени исполнения служебных обязанностей, останутся незамеченными и без последствий для их участников;

– военнослужащие вправе участвовать в управлении делами государства, для чего они наделены активным и пассивным избирательным правом всех уровней власти (п. 1 ст. 9 Закона о статусе). Однако избрание военнослужащих или назначение их в государственные органы, как правило, ведет к приостановлению военной службы, что равнозначно временной консервации статуса военнослужащего с вытекающими из этого ущербом для военного профессионального роста и фактической изоляцией от военно-правовых реалий. Потому-то во власти и не видно представителей военного социума, за исключением некоторых, как правило, некогда высокопоставленных отставников. Да и тех – по пальцам перечесть. Таковы мизерные резервы представительства правозащитных интересов военнослужащих во властных структурах;

– дозволение участвовать в деятельности общественных объединений для военнослужащих существенно ограничено прямым запретом членства в политических партиях и иных объединениях, преследующих политические цели (п. 2 ст. 9 Закона о статусе). В условиях, когда правовая жизнь российского государства реализуется преимущественно через политические институты, формируемые политическими партиями, законодательное отстранение военнослужащих от любых форм активного политического участия ведет к социально-правовому обезоруживанию данной социальной группы. С ней можно безболезненно делать все, что угодно, без боязни ответных действенных политических мер;

– допускается создание и деятельность профессиональных союзов военнослужащих, но, несмотря на формальное существование такого права на протяжении уже более 22 лет, оно может быть реализовано в соответствии с неким специальным, но до сих пор непринятым законом (п. 2 ст. 9 Закона о статусе). Отсутствие элементов военно-социального партнерства, по аналогии с предусмотренным общероссийским трудовым законодательством, социальным законодательством, означает одно: непосредственно сами военнослужащие как работники не имеют легальных возможностей доведения своих требований к государству-работодателю в целях согласования разногласий и получения гарантий соблюдения их интересов в условиях текущих социально-экономических реалий. Ведь развитие системы социального партнерства создает возможность достижения относительного баланса интересов работников и работодателей на основе сотрудничества, компромисса и ведет к социальному консенсусу противоположных интересов: со стороны работодателя – получить по максимуму, заплатив по минимуму, а со стороны работников – обеспечить гарантии соблюдения трудовых прав в части достойной оплаты труда и его нормальных условий;

– возможность реализации права на труд для военнослужащих фактически сведена исключительно к военной службе, что означает их прямую и полную материальную зависимость от государства как работодателя, условий труда и его оплаты, определяемых им в одностороннем порядке (ст. 10 Закона о статусе). Разъяснения к правозащитным возможностям влиять на государство в части корректировки соответствующих условий военной службы, ее полноценной оплаты, адекватной динамически развивающимся экономическим реалиям, изменяющейся напряженности и рискованности, уже были даны выше и нет нужды повторяться.

Приведенных правоположений с краткими комментариями к ним вполне достаточно для того, чтобы сделать некоторые выводы применительно к поднимаемой тематике коллективных правозащитных форм прав и охраняемых законом интересов военнослужащих. Де-юре они вроде бы есть, но де-факто их практически нет. Весь богатый набор правозащитных средств оказывается не столь богатым с точки зрения их возможностей.

И если вновь вернуться к исходной точке, а именно к оценке потенциальной эффективности административного группового иска военнослужащих, с чего, собственно, и начинались предложенные рассуждения, то былой прогностический оптимизм существенно ослабевает. Ведь какая по большому счету разница в том, будет ли в судебном порядке защищено право двадцати пяти или даже более военнослужащих по одному общему (групповому) иску или по отдельным искам тех же самых лиц? А если это произойдет по иску лишь одного лица, выступающего в защиту только своих нарушенных прав, с правовыми последствиями для остальных, иск не предъявлявших? Ведь никто не отменял гражданско-процессуального института вынесения частного определения в адрес нарушителя прав, так же как и общей обязанности должностных лиц органов военного управления по устранению выявленных нарушений законности. И на практике сплошь и рядом встречаются случаи, когда даже единственный установленный судом факт нарушения прав одного военнослужащего запускает в действие механизмы внешних (вышестоящих) и внутренних проверок по аналогичным обстоятельствам, акты прокурорского реагирования и другие меры, ведущие к защите и восстановлению законных прав и интересов всех прочих граждан в погонах, находящихся в аналогичной правовой ситуации, но не прибегавших к своей правозащите.

Подобный правозащитный порядок – норма, которая, собственно, и формируется из тех самых общих и специальных правозащитных правил, детально описанных выше. Однако такой порядок возможен только тогда, когда нарушение прав и законных интересов военнослужащих очевидно, когда налицо несовпадение требований закона и сложившихся фактических обстоятельств его реализации. По сути, речь идет лишь о случаях явного недосмотра в правореализации или же произвола со стороны отдельных должностных лиц, о прямом нарушении ими буквы закона.

Иное дело, когда нарушения прав и охраняемых законом интересов военнослужащих происходят как будто бы по закону, но в условиях, когда закон или подзаконный правовой акт несут в себе внутреннюю ущербность, правовую неопределенность, сомнительную легитимность, когда буква закона не соответствует его духу, а буква подзаконного правового акта не соответствует букве и духу закона.

По сути, *речь идет об ином уровне защиты прав и интересов военнослужащих, на котором правозащитные формы и средства должны работать еще на стадии институциональной, правоустанавливающей, а не на процессуальной, правореализующей, тем самым гарантируя их охрану в процессе формирования правовых предписаний, а не постфактум.* Именно об этом уровне как сфере типичного массового нарушения прав, свобод и интересов граждан в пого-

нах в начале текущего века писали военные правоведы, указывая следующее: «Осуществление мер по обеспечению достойного социального статуса и уровня жизни военнослужащих в нашей стране как до Октябрьской революции, так и после нее не всегда было последовательным, зависело от объективных и других обстоятельств. В современный период утверждение упомянутого принципа осложнено процессом отмены некоторых из льгот, предусмотренных для военнослужащих, сопряженным с увеличением размера их денежного довольствия. В течение не-скольких лет осуществлены решения, отрицательно отразившиеся на гарантиях правовой и социальной защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Данная тенденция имеет устойчивый характер. Вошло в практику приостановление действия норм, устанавливающих права военнослужащих и ряда других граждан, федеральными законами о федеральном бюджете, которое не способствует обеспечению стабильности правового и социального статуса этих лиц»[6].

О том, насколько принципиально изменилось положение дел в военно-социальной сфере по прошествии десятка лет, судить самому читателю.

(окончание в следующем номере)

[6] Военное право: учеб. / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. М., 2004. С. 41 – 42.

ОСОБЕННОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГООБЛОЖЕНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

К.А. Чуклинов, аспирант кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского филиала Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

В современных условиях защита прав и законных интересов военнослужащих в налоговой сфере имеет существенное значение. Для этого могут быть использованы различные средства. Представляется, что значимую роль в обеспечении законности способен сыграть прокурорский надзор за исполнением законов в данной сфере.

При организации и осуществлении прокурорского надзора следует исходить из того, что военнослужащие – особая социальная группа граждан, заслуженно наделенная специальными льготами и правами. Статус военнослужащего распространяется на граждан, перечисленных в ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ.

С учетом многочисленности военнослужащих, а также их значения для государства необходимо обеспечить надлежащую защиту их прав на реализацию предоставленных налоговым законодательством льгот.

Говоря о предмете прокурорского надзора за налогообложением военнослужащих, следует определить соответствующие общественные отношения, на упорядочивание которых направлена деятельность прокурора. Из сущности прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогообложении военнослужащих и предоставле-

нии им соответствующих налоговых льгот вытекает, что деятельность прокурора направлена на регулирование общественных отношений, связанных с исполнением требований закона при налогообложении и предоставлении налоговых льгот этой категории граждан.

Статья 56 НК РФ определяет льготы по налогам как предоставленные отдельным категориям налогоплательщиков и зафиксированные налоговым законодательством преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками, включая возможность не уплачивать налог или уплачивать его в меньшем размере.

Согласно ст. 17 НК РФ каждый налог имеет нормативно закрепленный перечень элементов. Таким образом, налог становится правовой категорией и приобретает свойства правового регулятора. Основные элементы налоговой льготы – это те элементы, при наличии которых в законе льгота считается установленной.

Функции налогов отражают различные формы финансово-правового воздействия на общественные отношения. Поэтому любая функция налогов является экономико-правовой категорией. Различные функции налогов характеризуют направления необходимого воздействия налогового права на общественные отношения.

В юридической и экономической науке выделяют следующие функции налога и сбора: 1) фискальная; 2) распределительная; 3) поощрительная; 4) контрольная; 5) регулирующая.

Говоря о налогообложении и налоговых льготах для военнослужащих, необходимо акцентировать внимание на поощрительной функции.

Поощрительная функция налога устанавливает определенные налоговые льготы для отдельных категорий граждан (в том числе для военнослужащих, ветеранов и т. д.). Таким образом, государство поощряет определенные категории граждан за заслуги перед Родиной или по иным основаниям.

Для эффективного осуществления прокурорского надзора за предоставлением налоговых льгот военнослужащим необходимо определиться с их конкретными видами согласно установленной НК РФ системе налогообложения.

По налогу на доходы физических лиц предоставление льготы условно можно поделить на доходы, не подлежащие налогообложению, и вычеты, на которые уменьшаются полученные облагаемые налогом доходы.

К доходам, не подлежащим налогообложению, в частности, относятся (ст. 217 НК РФ):

1) государственные пособия, а также иные выплаты и компенсации, выплачиваемые в соответствии с законодательством;

2) пенсии по государственному пенсионному обеспечению, социальные доплаты к пенсиям;

3) суммы единовременных выплат налогоплательщикам в виде гуманитарной помощи, а также в виде благотворительной помощи;

4) все виды установленных действующим законодательством компенсационных выплат, связанных с гибелью военнослужащих при исполнении ими своих служебных обязанностей;

5) доходы солдат, матросов, сержантов и старшин, проходящих военную службу по призыву, а также лиц, призванных на военные сборы, в виде денежного довольствия, суточных и других сумм, получаемых по месту службы либо по месту прохождения военных сборов;

6) доходы в виде жилого помещения, полученного налогоплательщиком в собственность бесплатно, предоставленного на основании решения федерального органа исполнительной власти в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О статусе военнослужащих».

Стандартные налоговые вычеты по НДФЛ (ст. 218 НК РФ):

1) налоговый вычет в размере 3 000 руб. за каждый месяц налогового периода рас-

пространяется на инвалидов из числа военнослужащих, ставших инвалидами I, II и III групп вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР, Российской Федерации или при исполнении иных обязанностей военной службы, а также другие категории инвалидов, приравненных по пенсионному обеспечению к указанным категориям военнослужащих;

2) налоговый вычет в размере 500 руб. за каждый месяц налогового периода распространяется на родителей и супругов военнослужащих, погибших вследствие ранения, контузии или увечья, полученных ими при защите СССР, Российской Федерации или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, а также родителей и супругов государственных служащих, погибших при исполнении служебных обязанностей. Указанный вычет предоставляется супругам погибших военнослужащих, если они не вступили в повторный брак. Данный налоговый вычет распространяется на граждан, уволенных с военной службы или призывавшихся на военные сборы, выполнявших интернациональный долг в Республике Афганистан и других странах, в которых велись боевые действия, а также граждан, принимавших участие в соответствии с решениями органов государственной власти Российской Федерации в боевых действиях на территории Российской Федерации.

Что касается *имущественных налогов*, то их необходимо подразделить на региональные и местные налоги.

К региональным имущественным налогам относится транспортный налог, который регулируется НК РФ и законами субъектов Российской Федерации. В значительной части субъектов Российской Федерации от уплаты налога освобождены: Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, полные кавалеры ордена Славы, ветераны боевых действий.

Налог на имущество физических лиц является местным налогом, регулируется гл. 32 НК РФ и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальной власти. По данному налогу льготами наделены, в частности, следующие категории граждан:

1) Герои Советского Союза и Герои Российской Федерации, а также лица, награжденные орденом Славы трех степеней, ветераны боевых действий;

2) военнослужащие, а также граждане, уволенные с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, имеющие общую продолжительность военной службы 20 лет и более;

3) члены семей военнослужащих, потерявших кормильца;

4) граждане, уволенные с военной службы или призывавшиеся на военные сборы, выполнявшие интернациональный долг в Афганистане и других странах, в которых велись боевые действия;

5) родители и супруги военнослужащих и государственных служащих, погибших при исполнении служебных обязанностей.

Земельный налог устанавливается в соответствии с НК РФ и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований.

В установленный ст. 395 НК РФ перечень категорий налогоплательщиков, освобождаемых от уплаты земельного налога, военнослужащие не включены.

Однако в соответствии с п. 5 ст. 391 названного Кодекса для категорий налогоплательщиков, указанных в данном пункте, налоговая база при исчислении земельного налога уменьшается на не облагаемую налогом сумму в размере 10 000 руб. на одного налогоплательщика на территории одного муниципального образования (городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) в отношении земельного участка, находящегося в собственности, постоянном (бессрочном) пользовании или пожизненном наследуемом владении. К таким налогоплательщи-

кам, в частности, отнесены Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, полные кавалеры ордена Славы.

При этом следует иметь в виду, что при исчислении земельного налога, как и налога на имущество физических лиц, представительными органами муниципальных образований могут устанавливаться налоговые льготы.

С учетом изложенного решение вопроса об освобождении от уплаты земельного налога военнослужащих находится в компетенции представительного органа муниципального образования, на территории которого располагаются земельные участки, принадлежащие военнослужащим.

В связи со сказанным выше следует отметить деятельность органов прокуратуры, реализующих правотворческую инициативу путем направления предложений вынести на рассмотрение представительных органов проекты решений об установлении налоговых льгот по земельному налогу для военнослужащих.

Традиционно в юридической литературе выделяется два способа защиты прав налогоплательщиков: судебный и административный. Судебный способ предполагает обжалование решений налоговых органов и действий (бездействия) их должностных лиц в суд, а административный – в вышестоящий налоговый орган.

Однако в науке налогового права выделяют еще один самостоятельный способ защиты прав налогоплательщиков – прокурорский. Реализация данного способа осуществляется посредством мер прокурорского реагирования, принимаемых по результатам надзора за исполнением налогового законодательства.

Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. №2202-I (далее – Закон о прокуратуре) на прокурора возложена обязанность по надзору за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, различными государственными органами и их должностными лицами, а также надзору за соответствием законам издаваемых ими правовых актов.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогах и сборах» от 9 июня 2009 г. № 193 установлено, что приоритетным направлением в рассматриваемой области является надзор за законностью правовых актов; за исполнением законов налоговыми органами, органами власти и местного самоуправления. Соответствующие прокуроры должны обеспечить предупредительный характер прокурорского надзора за исполнением налогового законодательства.

Объектами прокурорского надзора в указанной сфере является весьма широкий круг органов, учреждений, организаций и должностных лиц. К примеру, ст. 85 НК РФ определяет органы, учреждения, организации и должностных лиц, которые обязаны сообщать в налоговые органы сведения, связанные с учетом организаций и физических лиц.

Нарушения прав военнослужащих в налоговой сфере могут возникать на стадии правотворчества, в момент осуществления соответствующего учета (кадастрового, миграционного), необходимого для дальнейшего налогообложения, на этапе исчисления налога (непосредственного применения налоговой льготы) и в период восстановления нарушенных прав (отказ в приеме обращения военнослужащего).

При обнаружении нарушений налогового законодательства решениями налоговых органов, поднадзорных органов государственной власти и местного самоуправления либо действиями (бездействием) их должностных лиц прокурор, согласно ст.ст. 23 – 25.1 Закона о прокуратуре, может применить соответствующие меры прокурорского реагирования:

– опротестование противоречащих закону актов;

– обращение в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов граждан, общества и государства;

– возбуждение производства об административном правонарушении;

– внесение представления об устранении нарушений закона в орган или должностному лицу, уполномоченному устранить нарушение закона;

– объявление предостережения.

Основным правовым средством прокурорского реагирования на нарушение налогового законодательства является протест прокурора. Данная мера прокурорского реагирования должна восстанавливать нарушенные права лиц, в отношении которых приняты незаконные акты.

Как показывает практика прокурорского надзора, противоправные акты, нарушающие права налогоплательщиков, принимаются, прежде всего, органами местного самоуправления. Принятие представительным органом нормативных правовых актов, противоречащих налоговому законодательству, может повлечь существенные нарушения прав значительного числа граждан. В связи с этим приоритетным направлением в рассматриваемой области является надзор за законностью правовых актов.

Принесение протеста прокурора не отменяет незаконный акт и не приостанавливает его действие. При отклонении протеста для защиты нарушенных прав налогоплательщиков прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о признании недействительным соответствующего правового акта.

Следует указать, что разд. VII части первой НК РФ установлен порядок обжалования актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц.

В соответствии с п. 1 ст. 138 НК РФ акты налоговых органов, действия или бездействие их должностных лиц могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд.

Нормами разд. VII части первой НК РФ не определены способы и последствия правового реагирования на протест прокурора, принесенный на решение налогового органа, противоречащее НК РФ и другим актам законодательства о налогах и сборах.

Кроме этого, нормами НК РФ не предусмотрено, что налоговый орган вправе самостоятельно изменять или отменять ранее принятое решение.

Такое право предоставляется вышестоящему налоговому органу (в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 140 НК РФ) и суду (в порядке, предусмотренном ст. 142 НК РФ, законодательством об административном судопроизводстве, арбитражным процессуальным законодательством и иными федеральными законами).

Таким образом, руководитель налогового органа не вправе отменить собственное решение даже на основании протеста прокурора.

Важной мерой прокурорского реагирования при защите прав военнослужащих является внесение представления об устранении нарушений закона в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения.

Возбуждение производства об административном правонарушении применяется чаще в целях обеспечения исполнения требований прокурора, а не как самостоятельная мера защиты прав ветеранов в налоговой сфере.

Необходимо отметить, что законодательство о прокуратуре не исключает возможности проведения прокурором проверки соблюдения налогового законодательства при получении информации о нарушении прав налогоплательщиков не только из заявления налогоплательщика, но и из иных источников. В частности, информация о нарушении налогового законодательства может поступить в прокуратуру из публикаций в СМИ, репортажей по телевидению, при проведении мероприятий прокурорского надзора по иным вопросам и т. п.

С учетом специфики прокуратуры как органа, осуществляющего надзор за исполнением законов и не обладающего судебными полномочиями, обжалование налогоплательщиком решений налоговых органов

и действий (бездействия) их должностных лиц следует относить к административному порядку обжалования.

В соответствии с п. 4 ст. 27 Закона о прокуратуре на органы прокуратуры возлагается обязанность по защите нарушенных прав и законодательно охраняемых интересов граждан в форме обращения в суд с заявлением. Окончательность решения суда и возможность принудительного исполнения судебных актов позволяют наиболее эффективно восстановить нарушенные права военнослужащих.

Чаще всего прокуроры обращаются в суд с заявлениями о признании недействительными (противоречащими закону) нормативных правовых актов различного характера, в том числе актов глав муниципальных образований об установлении обязательных платежей, не предусмотренных налоговым законодательством, актов по вопросам социального обеспечения, предоставления льгот. Как правило, оспоренные прокурорами нормативные акты признаются недействительными вследствие превышения органами государственной власти и органами местного самоуправления своих полномочий, определенных федеральным законодательством.

Для системного выявления и устранения нарушений закона в рассматриваемой сфере представляется необходимым закрепить в законодательстве требование официальной публикации и постоянного обновления полного перечня установленных льгот по налогам и сборам на сайте ФНС России. Это поможет военнослужащим лучше ориентироваться в законодательстве и повысит реализацию прав на имеющиеся льготы, в том числе посредством обращения в органы прокуратуры.

В настоящее время прокурорский надзор за исполнением законодательства о налогообложении военнослужащих является одним из наиболее эффективных способов защиты прав данной категории граждан. С учетом сохраняющейся актуальности вопроса по защите прав военнослужащих при предоставлении им налоговых льгот требуется продолжить активную работу органов прокуратуры по мониторингу нарушений законодательства при предоставлении налоговых льгот данной категории граждан.

Информация

В Тюмени военные прокуроры защитили права пенсионера

В военную прокуратуру Тюменского гарнизона обратился Хайдар Сибгатуллин, которому в пенсионном отделении военкомата неправомерно отказали в перерасчете военной пенсии.

В защиту интересов пенсионера военный прокурор гарнизона обратился с иском в суд, который заявленные требования удовлетворил. Заявителю произведен перерасчет пенсии.

По требованию военных прокуроров работникам одного из ремонтных предприятий возвращена задолженность по заработной плате

В Мурманске военной прокуратурой гарнизона по результатам проверки соблюдения законодательства о труде установлено, что по вине руководства акционерного общества «Северный арсенал» 88 работников остались без заработной платы. Долг превысил четыре миллиона рублей.

По требованию военного прокурора нарушения закона устранены, все положенные выплаты произведены, виновные должностные лица привлечены к административной и дисциплинарной ответственности.

В Подмосковье военные прокуроры выявили очередное крупное хищение – 63 миллиона рублей

Военной прокуратурой Ракетных войск стратегического назначения выявлена коррупционная схема хищения бюджетных средств при исполнении госконтракта стоимостью 70 млн рублей на разработку проектно-сметной документации по реконструкции системы теплоснабжения одного из военных городков.

При проверке установлено, что генподрядчик заключил договор субподряда с одним из воронежских проектных институтов, где требуемую документацию изготовили за 7 млн рублей.

Представив госзаказчику «липовые» документы о якобы понесенных затратах в размере всей цены контракта, злоумышленник похитил 63 млн рублей, обналичив через счета фирм-«однодневок».

По материалам проверки возбуждено уголовное дело по части 4 статьи 159 (мошенничество, совершенное в особо крупном размере) и пункту «б» части 2 статьи 174.1 УК РФ (отмывание денежных средств или иного имущества).

Принимаются меры к возмещению ущерба.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И РЕЦЕНЗЕНТАХ, АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ*

Корякин В.М. **Что происходит с денежным довольствием военнослужащих?**

Статья посвящена проблемам индексации денежного довольствия военнослужащих, анализу социальных последствий приостановления законодательных норм об индексации размеров денежного довольствия военнослужащих.

Ключевые слова: денежное довольствие, индексация денежного довольствия, инфляция.

What happens to money allowances of servicemen?

Koryakin V.M., Doctor of Law, Professor of the University of Vienna, deputy director of the Law Institute of Moscow State University of Railway Engineering, pvs1997@mail.ru

The article is devoted to the problems of indexation of money allowances of servicemen, the analysis of the social consequences of the suspension of legislative rules on the indexation of money allowances for servicemen.

Key words: monetary allowances, indexation of salaries, inflation.

Рецензент – д.ю.н., профессор А.В.Кудашкин.

Библиографический список:

1. *Корякин, В.М.* Обещанного три года ждут (о некоторых последствиях приостановлении ежегодной индексации денежного довольствия военнослужащих) [Текст] / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 2.

2. *Корякин, В.М.* Стратегия социального развития Вооруженных Сил России – путь к качественному изменению военно-гражданских отношений [Текст] / В.М. Корякин, Л.В. Певень // Право в Вооруженных Силах. – 2008. – № 1.

3. *Тихонов, А.* Ради защиты России: действия Вооруженных Сил РФ получили высокую оценку главы государства [Текст] / А. Тихонов // Красная звезда, 2015, 18 ноября.

***

Зайков Д.Е. **Правовой институт конфликта интересов: специфика применения к работникам военных организаций**

В статье автором рассматривается современное состояние правового регулирования института конфликта интересов применительно к работникам военных организаций, анализируются имеющиеся проблемы и предлагаются возможные варианты их решения.

Ключевые слова: конфликт интересов; противодействие коррупции; работники; военные организации.

The legal institute of conflict of interest: the specifics of the application to employees of military organizations

Zaykov DE, PhD, pvs1997@mail.ru

Abstract: In this article the author examines the current state of the legal regulation of the institute of conflict of interest in relation to employees of military organizations, analyzed the existing problems and suggests possible solutions.

Key words: conflicts of interest; anti-corruption; workers; military organizations.

Рецензент – к.ю.н., профессор С.С.Харитонов.

Библиографический список:

1. *Бараненков В.В.* Конфликт интересов на военной службе: сущность и проблемы квалификации [Текст] / В.В. Бараненков // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 6.

2. *Зайков, Д.Е.* Противодействие коррупции: правила новые, проблемы старые?! [Текст] / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 1.

3. *Зайков, Д.Е.* // Противодействие коррупции: несовершенство правового регулирования и правоприменительной практики // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 2.

4. *Зайков, Д.Е.* О качестве проектов нормативных правовых актов по противодействию коррупции [Текст] / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 10.

5. *Зайков, Д.Е.* Специфика правового института конфликта интересов в трудовых отношениях [Текст] / Д.Е. Зайков // Гражданин и право. – 2014. – № 12.

6. *Зайков, Д.Е.* Проблемы правового регулирования противодействия коррупции с участием работников военных организаций [Текст] / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах. – 2015. – № 7.

7. Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции / под общ. ред. А.В. Кудашкина. М.: Юрлитинформ, 2011. 304 с.

8. Настольная книга по противодействию коррупции в военной организации государства / под общ. ред. А.В.КУдашкина. М.: Юрлитинформ, 2012.

***

Трощенко Р.А. **Вновь к вопросу о досрочном увольнении военнослужащих в связи с невыполнением ими условий контракта (в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 г. № 6-П и складывающейся правоприменительной практики)**

В публикации рассмотрены спорные вопросы, связанные с досрочным увольнением военнослужащих в связи с невыполнением ими условий контракта

Ключевые слова: невыполнение условий контракта, досрочное увольнение военнослужащих, увольнение в порядке применения дисциплинарного взыскания, увольнение в порядке аттестации

Again to the issue of early dismissal of military personnel in connection with the failure to meet the terms of the contract (in the light of the judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 21, 2013 № 6-П and folding law enforcement practice)

Troshchenko R.A., Lawyer, pvs1997@mail.ru

The publication examines the controversial issues associated with the early dismissal of military personnel in connection with the failure to meet the terms of the contract

Key words: the terms and conditions of the contract, the early dismissal of military personnel, dismissal in the application of disciplinary sanctions, dismissal in the certification procedure.

Библиографический список:

1. *Закиров Р.А., Корякин В.М., Шанхаев С.В.* Невыполнение военнослужащим условий контракта как основание его досрочного увольнения с военной службы: проблемы правоприменительной практики [Текст] Закиров Р.А., Корякин В.М., Шанхаев С.В. // Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 10.

2. *Изолитов А.С.* Как правильно уволить военнослужащего за совершение «грубого» административного правонарушения [Текст] / Изолитов А.С. // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 11.

3. *Кулиев А.И.* Теоретические и практические вопросы, связанные с увольнением военнослужащих по невыполнению условий контракта за совершение дисциплинарных проступков [Текст] Кулиев А.И. // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 12.

4. *Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В.* Административная ответственность военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы: комментарии и судебная практика. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». [Текст] / Фатеев К.В., Харитонов С.С., Шанхаев С.В. – М.: «За права военнослужащих», 2011. Вып. 122.

***

Ломакина Т.В. **Актуальные вопросы исчисления выслуги лет для материального стимулирования гражданского персо-**

* В соответствии с правилами, утвержденными ВАК Минобрнауки и Минобрнауки России, в данном разделе помещена обязательная информация о статьях, носящих научный характер. В иных статьях и материалах размещение такой информации не является обязательным (примеч. - *А.В. Кудашкин*).

нала в воинских частях (военных организациях) Вооруженных Сил Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы исчисления стажа работы в воинских частях с целью получения стимулирующей надбавки за выслугу лет.

Ключевые слова: гражданский персонал ВС РФ, стимулирующие выплаты, страховой стаж, выслугу лет.

Topical issues of calculating seniority for material incentives of the civil personnel of military units (military organizations) of the Armed Forces of the Russian Federation

T. V. Lomakina, associate Professor of labour law, civil and arbitration process of the Military University, PhD in law, av14141@yandex.ru

The article deals with the calculation of length of service in military units for the purpose of receiving incentive payments for years of service.

Key words: civilian personnel of the armed forces, incentive payments, insurance experience, years of service.

Рецензент – д.ю.н., профессор А.Ф.Воронов.

Библиографический список:

1. *Ковалев В.И.* Новая система оплаты труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации [Текст] / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. – 2009. – № 1. С. 27 – 28.

2. *Ковалев В.И.* Оплата труда гражданского персонала. Комментарии и разъяснения / В.И. Ковалев, Т.В. Ломакина — М.: Издательство За права военнослужащих, 2015. Вып. 102.

3. *Ковалев В.И.* Актуальные вопросы оплаты труда гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации [Текст] / В.И. Ковалев // Право в Вооруженных силах – Военно-правовое обозрение. – 2011. – № 4. С. 21– 23.

***

Гайдин Д.Ю. **Комментарии к новеллам жилищного обеспечения военнослужащих**

В статье комментируются последние изменения, внесенные в постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512.

Ключевые слова: военнослужащие, принятие на учет, жилые помещения, место прохождения военной службы, учетная норма площади жилого помещения.

Comments on the novels of housing for military personnel.

Gaydin D.Y., Counsel divisions of the federal executive authorities of the Russian Federation, Gaidin_du@mail.ru

The article commented on the latest changes in the decree of the Government of the Russian Federation from June 29, 2011 No. 512.

Key words: acceptance on the account needing premises, place of passage of military service, accounting rate of area of the premises.

Рецензент – д.ю.н., доцент В.М.Корякин.

Библиографический список:

1. *Корнишин, С.В.* Место военной службы: что это такое? [Текст] / С.В. Корнишин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2000. – № 3. – С. 32 – 48.

2. *Корякин, В.М.* Право социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей [Текст] / В.М. Корякин. – М.: «За права военнослужащих», 2005. – 288 с.

3. *Кудашкин А.В.* Влияние новелл жилищного законодательства на жилищно-правовые институты военного права / / Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 9.

4. *Кудашкин, А.В.* Жилищное право: учебное пособие. М.: Инфра-М – ИГ РИОР, 2013. 220 с.

5. Жилищное право / под общ. ред. А.В.Кудашкина. М.: ВУ, 2014, 256 с.

6. *Трофимов, Е.Н.* О некоторых вопросах, связанных с избранием военнослужащими постоянным местом жительства после увольнения с военной службы населенного пункта, отличного от последнего места военной службы [Текст] / Е.Н. Трофимов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 6. – С. 64 – 71.

***

Глухов Е.А., Шныров А.Е. **О необходимости и проблемах в организации межведомственного взаимодействия в сфере жилищного обеспечения военнослужащих**

В статье анализируется сложившаяся в военных организациях практика требования от военнослужащего предоставления различного рода справок, в т. ч. и платных, в ходе реализации им своего права на жилище. Автором описывается реальный процесс получения документов из учреждений Росреестра России в ходе постановки на жилищный учет военнослужащего внутренних войск МВД России.

Ключевые слова бюрократия, жилищные комиссии, государственные услуги, требование предоставления платных документов, Росреестр России, полномочия командиров.

The necessity and problems in the organization of interdepartmental cooperation in the field of housing for military personnel

E.A. Glukhov, Senior Lecturer SPVI MVD of Russia, PhD, Lieutenant Colonel of Justice; A. Shnyrov, post graduate SPVI MVD of Russia, the captain of justice, pvs1997@mail.ru

The article analyzes the current military organization practice requirements of a serviceman to provide various kinds of certificates, including paid ones, in the realization of the right to housing. The author describes the actual process of obtaining documents from institutions of the Federal Registration Service of Russia in housing of the Internal Troops of the Russian Interior Ministry Forces.

Key words: byurrokratiya, housing Commision, government services, the reguirement to provide paid documents, The Federal Registration Service of Russia, powers of commanders.

Рецензент - д.ю.н., профессор А.В.Кудашкин.

Библиографический список:

1. *Белов, С.А.* Принципы правового регулирования деятельности по оказанию государственных услуг [Текст] / С.А. Белов // Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): сборник / под общ. ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой – М.: Волтерс Клуверс. 2007, С.76

2. *Глухов, Е.А., Корякин, В.М.* Определен порядок признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях и предоставления жилья в собственность бесплатно[Текст] / Е.А. Глухов, В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2011. – № 8. – С. 36 – 40.

3. Жилищное право / под общ. ред. А.В.Кудашкина. М.: ВУ, 2014, 256 с.

4. *Кудашкин А.В.* Влияние новелл жилищного законодательства на жилищно-правовые институты военного права / / Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2014. № 9.

5. *Кудашкин, А.В.* Жилищное право: учебное пособие. М.: Инфра-М – ИГ РИОР, 2013. 220 с.

***

Федорович А.В. **О новом законодательстве, позволяющем увольнять военнослужащих без жилья**

Статья посвящена рассмотрению изменений в законодательстве, касающихся возможностей увольнения военнослужащих, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, без их согласия, по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений.

Ключевые слова: военная служба, увольнение военнослужащих, учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, без предоставления жилых помещений.

About the new legislation allowing to dismiss the military personnel without premises.

Fedorovich A.V., assistant deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, pvs1997@mail.ru

The article deals with the changes in the legislation relating possibilities of dismissal of the military personnel which general duration of military service makes 10 years and more, being

accounted as needing premises, without their consent, on reaching them the age limit of the stay on military service, in connection with a state of health or in connection with organizational and regular actions without granting premises to them.

Key words: military service, dismissal of the military personnel, the account as needing premises, without granting premises.

Рецензент – д.ю.н., профессор А.В.Кудашкин.

***

Свининых О.Ю. **Участие переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых должностными лицами – военнослужащими пограничных органов федеральной службы безопасности**

Статья посвящена анализу законодательства в части, касающейся участия переводчика в производстве по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых пограничными органами федеральной службы безопасности. В настоящей статье автор последовательно раскрывает алгоритм действий должностных лиц по привлечению переводчика в производство по делу, при этом делает акцент на процессуальные действия, необходимые для установления степени владения иностранным гражданином языком производства по делам об административных правонарушениях (судопроизводства).

Ключевые слова: пограничные органы, должностное лицо пограничных органов, производство по делам об административных правонарушениях, участие переводчика в административном процессе, иностранный гражданин.

Interpreter's involvement in production of cases on administrative offences, adjudging by executive officers of border guard federal service of security authorities

Svininikh O.Y., candidate of legal sciences,A Solicitor of law department of Russian Law Studies «Aequitas» Centre, stasenko@yandex.ru

The article is devoted to researching legislation in regard to working an interpreter in production of cases on administrative offences, adjudging by border guard authorities. The author expanding executive officers' set of measures to involve an interpreter in legal proceedings. Additionally, the emphasis is on the procedure, necessary for determination foreigners' level of knowledge language trial.

Key words: border guard authorities, border guard executive officer, production of cases on administrative offenses, draw an interpreter in legal proceedings, foreigner.

Рецензент – д.ю.н, доцент Ю.Н. Туганов.

Библиографический список:

1. *Кузнецов О.Ю.* Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. М.: Издательство МПИ ФСБ России, 2006. – [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультанПлюс». – дата обращения: 18.02.2015 г.;

2. *В.Ю. Стельмах.* Некоторые вопросы участия переводчика при производстве предварительного следствия по уголовным делам // Российский юридический журнал. – № 5. – 2014;

3. *Беспалов Ю.Ф., Беспалов А.Ю.* Судебные расходы по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях: учебно-практическое пособие. - М.: Проспект, 2014. – С.7

4. *Туганов Ю.Н.* Обеспечение права военнослужащего на защиту по делам об административных правонарушениях (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. – №5. – С.61-66.

5. *Туганов Ю.Н.* Административная юстиция: процессуальные проблемы и трансформация военно-судебной системы (анализ некоторых положений проекта Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. – №9. – С.122-125.

***

Кириллов П.В. **Обязательные условия контракта на выполнение подрядных работ**

В статье, на основе практического опыта и судебной практики раскрывается содержание условий контракта, которые включаются в него в силу прямого указания закона.

Ключевые слова: контракт на выполнение подрядных работ; существенные условия; обязательные условия.

Mandatory conditions» contract for performance of contractual work.

Kirillov P.V., candidate of legal Sciences, pvs1997@mail.ru

The article, based on practical experience and jurisprudence reveals the contents of the contract, which are included in it by virtue of the direct instructions of the law.

Key words: a contract for the performance of contract work; significant conditions; mandatory conditions.

Рецензент – д.ю.н., профессор А.В.Кудашкин.

Библиографический список:

Статьи из журналов

1. *Кириллов, П.В.* Порядок заключения и исполнения контракта на выполнение подрядных работ [Текст] / П.В. Кириллов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2014. – № 4. – С. 94-101.

2. *Кириллов, П.В.* Условия контракта на выполнение подрядных работ [Текст] / П.В. Кириллов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 11. – С 98-106.

***

Ефремов А.В. **К вопросу предоставления отсрочки от призыва на военную службу в связи с получением гражданином среднего профессионального образования**

В статье раскрываются правовые особенности предоставления отсрочек от призыва на военную службу гражданам, обучающимся по очной форме обучения в образовательных организациях среднего профессионального образования, которые вызывают определенные трудности в правоприменительной практике.

Ключевые слова: гражданин, отсрочка от призыва, военная служба, образовательная организация, среднее образование, академический отпуск, состояние здоровья, семейные обстоятельства, каникулы, программа обучения.

On the issue of deferment from military service in connection with obtaining a national secondary vocational education

Efremov A.V., head of the legal branch of the military commissariat of the Republic of Chuvashia, ds28806@chebnet.com

The article reveals the peculiarities of the legal deferments from military service to citizens studying in full-time education in educational institutions of secondary vocational education, which cause difficulties in law enforcement.

Key words: citizen deferment, military service, educational organization, secondary education, academic leave, health status, family circumstances, vacations, training program.

Библиографический список:

1. *Ефремов, А.В.* О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по основанию, предусмотренному подпунктом «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [Текст] / А.В.Ефремов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2013. - № 6. - С. 94-98.

2. *Кудашкин, А.В.* О сущности и соотношении обязанностей по защите Отечества, несению военной службы и воинской обязанности [Текст] / А.В.Кудашкин // Российский военно-правовой сборник. М., 2007. С. 100.

3. *Ефремов, А.В.* Некоторые правовые вопросы, связанные с сохранением права гражданина на отсрочку от призыва на военную службу [Текст] / А.В.Ефремов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. - № 8.

4. *Ефремов, А.В.* О некоторых вопросах, связанных с предоставлением гражданину, являющемуся опекуном или занятому постоянным уходом (помощью, надзором), отсрочки от призыва на военную службу [Текст] / А.В.Ефремов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2013. - № 8.

***

Ермолович Я.Н. **К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих**

В статье выявляются особенности дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужа-

щих. Автор на основе анализа действующего законодательства и практики его применения выявляет проблемы и противоречия уголовного законодательства, регулирующего порядок привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих, и предлагает пути их решения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, военнослужащие, дифференциация уголовной ответственности, военно-уголовное законодательство.

On the issue of criminal responsibility of minors servicemen.

Yermolovich Y.N., candidate of legal Sciences, pvs1997@mail.ru

The article identifies particular differentiation criminal responsibility of minors soldiers. Author on the basis of analysis of the current legislation and practice identifies problems and controversies of criminal law governing the criminal liability of minors servicemen-containing, and offers solutions.

Key words: criminal responsibility, the military, the differentiation of criminal responsibility, military criminal law.

Рецензент – д.ю.н., профессор К.В.Фатеев.

Библиографический список:

1. *Зателепин, О. К.* Квалификация преступлений против военной безопасности государства [Текст]: моногр. / О.К. Зателепин. – М.: 2009. – С. 267—275.

2. *Кузьмин-Караваев, В. Д.* Характеристика Общей части Уложения и Воинского устава о наказаниях [Текст] / В.Д. Кузьмин- Караваев В.Д. – СПб.: 1890. – С. 167—169.

3. *Кудрявцева, В.Н., Эминова, В.Э.* Криминальная психология [Текст]: учеб. / В. Н. Кудрявцева, В.Э Эминова. – М., 1995. С. 285—291;

4. *Пудовочкин, Ю. Е.* Ювенальное уголовное право: понятие, структура, источники [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2002. – № 3.

***

Дубровский С.Ф. **Особенности исполнения в отношении военнослужащих уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества**

В статье рассматривается исполнение в отношении военнослужащих таких видов наказаний, как арест, содержание в дисциплинарной воинской части и лишение свободы на определенный срок; анализируется действующий уголовный закон с учетом специфики отбывания военнослужащими наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Ключевые слова: исполнение наказаний, военнослужащие, изоляция от общества, арест, дисциплинарная воинская часть, лишение свободы.

Features of the enforcement of criminal sentences connected with isolation from society against military personnel

Dubrovsky S.F., Assistant Military Prosecutor Vlasihinskogo garrison

Lieutenant Justice, pvs1997@mail.ru

The article deals with the enforcement of punishment against military personnel such as arrest, detention in a disciplinary military unit and deprivation of liberty for a specified period; analyses the current criminal law, taking into account the specific nature of military serving their sentence connected with isolation from society.

Key words: the enforcement of punishment, military personnel, isolation from society, arrest, disciplinary military unit, deprivation of liberty.

Рецензент - д.ю.н., профессор К.В.Фатеев.

Библиографический список:

1. *Малинин, В.Б., Смирнов, Л.Б.* Уголовно-исполнительное право [Текст]: учеб. /. В.Б. Малинин, Л.Б. Смирнов. - М., 2010. – С. 217

2. *Ищенко, А.В.* Дифференциация и индивидуализация наказаний, назначаемых военнослужащим Российской Федерации [Текст]: дис. … канд. юрид. наук / А.В. Ищенко. – М., 2000. – С. 5-6

3. *Гаврилов, Ю.* Сидеть по-военному / Ю. Гаврилов // Российская газета. – 2013. – № 6130.

***

Подберезкин А.И., Степаненко Н.Е. **Проблемные вопросы уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьей 333 УК РФ**

В статье изложена позиция авторов об объекте и субъекте преступлений, предусмотренных статьей 333 УК РФ. Также предлагается уточнить редакцию части 1 статьи 333 УК РФ и дополнить статью 331 УК РФ частью 4 об уголовной ответственности за преступления против военной службы лиц, на которых обязанности военной службы возложены неправомерно.

Ключевые слова: порядок подчиненности, сопротивление начальнику, принуждение начальника, иное лицо, исполнение служебных обязанностей.

Problem questions of criminal liability for the crimes provided by article 333 of the criminal code of Russian Federation

A.I. Padbyarozkin, a military lawyer; N.E. Stepanenko, PhD, senior lecturer in criminal law the Military University, pvs1997@mail.ru

In the article the authors‘ position concerning the object and the subject of the crimes provided by article 333 of the criminal code of Russian Federation is stated. Also the authors offer to specify the existing edition of part 1 of the article 333 of the criminal code of Russian Federation and to add to article 331 of the criminal code of Russian Federation part 4, providing criminal liability for crimes against the military service of persons who were wrongfully assigned with obligations of the military service.

Key words: subordination order, resistance to the chief, compulsion of the chief, other person, execution of official duties.

Рецензент - д.ю.н., профессор К.В.Фатеев.

Библиографический список:

1. *Ахметшин, Х.М.* Вопросы практики применения закона об уголовной ответственности за воинские преступления [Текст] / Х.М. Ахметшин. – М., 1968. – С 20.

2. *Тер-Акопов, А.А.* Правовые основания уголовной ответственности военнослужащих [Текст]: моногр. / А.А. Тер-Акопов. – М., 1981. – С. 50.

3. *Хомяков, А.И.* Преступления против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Хомяков. – М., 2002. – С. 21.

4. *Чхиквадзе, В.М.* Советское военно-уголовное правом [Текст] / В.М. Чхиквадзе. – М., 1948. – С. 164.

***

Баженов А.В. **Уголовная ответственность военнослужащих за нарушение порядка сбережения военного имущества: актуальные вопросы теории и практики**

В статье рассматривается порядок сбережения оружия, боеприпасов и предметов военной техники как систему специальных правил. Указывается на отличие уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения оружия, боеприпасов и военной техники от уголовной ответственности за нарушение порядка сбережения иного военного имущества. Отражены актуальные вопросы теории практики по теме исследования.

Ключевые слова: порядок сбережения, оружие, боеприпасы, предметы военной техники, военное имущество, уголовная ответственность.

Criminal liability of military personnel for violation of an order of savings of military property: topical issues of theory and practice

Bazhenov A.V., Associate Chair of Criminal Law of the Military University, the Captain of Justice, pvs1997@mail.ru

In the order of savings of weapons, ammunition and items of military equipment as a system of special rules. Indicates the difference between criminal liability for violation of an order of savings of weapons, ammunition and military equipment from criminal liability for violation of the order savings other military property. Reflected topical issues of the theory of practice on the research topic.

Key words: savings, weapons, ammunition, items of military equipment, military equipment, criminal liability.

Рецензент - д.ю.н., профессор К.В.Фатеев.

Библиографический список:

1. *Ахметшин, Х.М.* Военно-уголовное право [Текст]: учеб. / Х.М. Ахметшин [и др.]. – М. : За права военнослужащих, 2008. - С. 87-88

2. *Ноздринов, А.И.* Вопросы квалификации уничтожения и повреждения военного имущества [Текст] / А.И. Ноздринов // Право в Вооруженных Силах: Военно-правовое обозрение. – 2003. – № 12 (Вкладка «Военно-уголовное право». 2003. № 11 - 12.)

3. *Сырых, В.М.* Логические основания общей теории права. Том 2. [Текст] / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2004. – С. 269-271

***

Воробьев Е.Г. **О коллективных формах защиты прав и законных интересов военнослужащих**

Предусмотренные законом коллективные формы защиты прав и охраняемых законом интересов граждан могут быть использованы военнослужащими с существенными изъятиями и ограничениями, вытекающими из их специального правового статуса. Это означает, что правовая защита общих (коллективных) интересов данной социально-профессиональной прослойки общества должна реализовываться правовыми и политическими средствами без активного вовлечения в данный процесс самих адресатов, заинтересованных в применении правозащитных мер. Подобная целевая установка предполагает дополнительную адаптацию существующих правозащитных институтов как и создание новых, специально предназначенных для вышеуказанной цели.

Ключевые слова: Защита прав военнослужащих. Коллективные формы защиты. Ограничение правозащитных возможностей военнослужащих. Восполнение правозащитных средств охраны прав и интересов военнослужащих.

About collective forms of protection of the rights and legitimate interests of the military personnel

Vorobev E.G., the candidate of jurisprudence, the senior lecturer, pvs1997@mail.ru

Statutory collective forms of protection of the rights and legitimate interests of citizens may be used by military personnel with substantial exceptions and limitations arising from their special legal status. This means that the legal protection of the common (collective) interests of the socio-professional strata of society must be implemented by legal and political means, without the active involvement in this process themselves recipients interested in the application of human rights measures. This task involves installation of additional adaptation of existing human rights institutions as well as the creation of new, specially designed for the above purpose.

Key words: Protecting the rights of military personnel. Collective forms of protection. Limitation of human rights of military capabilities. Restores human rights means to protect the rights and interests of servicemen.

Рецензент – д.ю.н., профессор К.В.Фатеев.

Библиографический список:

1. Военное право [Текст] : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина / В.К. Белов, А.Ф. Воронов [и др.]. – М.: «За права военнослужащих», 2004.

2. *Воробьев Е.Г.* Внутренний гражданский контроль в механизме жилищного обеспечения военнослужащих [Текст] / Е.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. – № 5.

3. *Грудцына Л.Ю.* Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России [Текст] : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Л.Ю. Грудцына. – М., 2010.

4. *Зорин А.С.* Сообщение о преступлении как эффективное средство защиты прав военнослужащих [Текст] / А.С. Зорин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2007. – № 2.

5. *Коршунова О.Н.* Защита прав человека в современном демократическом государстве [Текст] : автореф. дис. … канд. юрид. наук / О.Н. Коршунова. – М., 2008.

6. *Корякин В.М.* Коллективные формы защиты прав военнослужащих [Текст] / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2015. – № 8.

7. *Разаев Д.А.* Программно-целевое управление социальной защитой военнослужащих [Текст] : дис. … канд. соц. наук / Д.А. Разаев. – М., 2009.

8. *Тараненко В.В.* Как военнослужащему защитить свои права (судебный и несудебные способы защиты) [Текст] / В.В. Тараненко. – М.: «За права военнослужащих», 2004.

9. *Харитонов С.С.* Организация надзора за исполнением законов в сфере защиты прав и свобод военнослужащих, членов их семей и иных граждан как одно из условий обеспечения законности в войсках [Текст] / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2011. – № 10.

10. *Хомчик В.В.* Защита военными судами прав, свобод и законных интересов военнослужащих, прав и интересов Российской Федерации на современном этапе совершенствования военной организации государства: теоретические и практические аспекты [Текст] / В.В. Хомчик // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2012. – № 6.

***

Чуклинов К.М. **Особенности прокурорского надзора за исполнением законодательства о налогообложении военнослужащих**

В данной статье на основе результатов анализа общей характеристики ситуации в сфере налогообложения военнослужащих рассмотрены особенности прокурорского надзора за исполнением законов в данной сфере. Определены основные налоговые льготы для военнослужащих. Обосновывается специфическая роль органов прокуратуры в обеспечении законности в сфере налогообложения военнослужащих.

Ключевые слова: прокурорский надзор, налоговое законодательство, налогообложение, военнослужащие.

Features of prosecutorial supervision over the implementation of the legislation on the taxation of military law

Chuklinov K.A., Postgraduate student of the department of public prosecutions and the participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases, St. Petersburg Institute of Law (branch), Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation.

In this article, based on the analysis of the general characteristics of the situation in the field of taxation the features of the military prosecutor's supervision over implementation of laws in this area. The main tax benefits for military personnel. Substantiates the specific role of prosecutors in ensuring the rule of law in the field of taxation troops.

Key words: public Prosecutor's supervision, legality, tax legislation, taxation, military personnel.

Рецензент – д.ю.н, профессор О.Н.Коршунова.

Библиографический список:

1. *Болдинова Е.С.* Меры прокурорского реагирования в системе способов защиты прав налогоплательщиков // Налоговые споры: теория и практика», 2008, №1.

2. *Клейменова М.О.* Налоговое право: учебное пособие. — Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013 г. (СПС: «КонсультантПлюс»).

3. *Крохина Ю.А.* Защита и гарантии восстановления нарушенных прав субъектов финансового права // «Налоги и налогообложение», 2004. №7. С. 6 – 15.

4. Налоговое право России // Под ред. Ю.А. Крохиной. М.: НОРМА, 2004.

5. Финансовое право // Под ред. Н.И. Химичевой. М., 2002.

6. *Шугрина Е.С.* Контроль за органами местного самоуправления и их должностными лицами // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6 .